

ISSN печатной версии: 2658-7335

№ 3 / 2025

**НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ.
СОВРЕМЕННОСТЬ**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**SCIENCE. EDUCATION.
THE PRESENT
SCIENTIFIC MAGAZINE**

**НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ.
СОВРЕМЕННОСТЬ**

**SCIENCE. EDUCATION.
THE PRESENT**

№ 3

2025

**НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ.
СОВРЕМЕННОСТЬ**

2025, № 3

Основан в 2016 г.

**SCIENCE. EDUCATION.
THE PRESENT**

2025, № 3

It is founded in 2016.

ISSN печатной версии: 2658-7335

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук с 23.09.2022

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-72249 от 24.01.2018 г. Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (роскомнадзор)

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека (Российский индекс научного цитирования) № 165-04/2021

Объединенный каталог «Пресса России» – подписной индекс 38977

УЧРЕДИТЕЛИ:

- **ООО «Наука и образование»**

РЕДАКЦИЯ:

- **ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР**

Попов Михаил Юрьевич,
доктор социологических наук, профессор, Почетный сотрудник МВД РФ, Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Кубани, директор издательства ООО «Наука и образование»

- **ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА**

Вишневецкий Кирилл Валерьевич,
доктор юридических наук, профессор, начальник учебно-методического управления Краснодарского университета МВД России

- **ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ**

Шелкова Елена Андреевна

ISSN for printed version: 2658-7335

By the decision of the Presidium of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation the journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals in which the main scientific results of dissertations for the scientific degrees of doctor and candidate of sciences should be published from 23.09.2022

Mass media registration certificate: PI № FS 77-72249 dated January 24, 2018 of Federal service for supervision in the sphere of telecom, information technologies and mass communications (roskomnadzor)

License Agreement Scientific Electronic Library
(Russian Science Citation Index) № 165-04/2021

The integrated catalog «Press of Russia» – subscription index 38977.

FOUNDERS:

- **LLC «Science and education»**

EDITORIAL BOARD:

- **EDITOR-IN-CHIEF**

Popov Mikhail Yuryevich,

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Honored Employee of the Kuban Internal Affairs Bodies, Director of the Publishing House of Science and Education LLC

- **DEPUTY CHIEF EDITOR**

Kirill V. Vishnevetsky,

Doctor of Law, Professor, Head of Educational and Methodological Department Krasnodar Ministry of Internal Affairs University of Russia

- **MANAGER OF EDITION**

Shelkova Elena Andreyevna

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Абакумова Ирина Владимировна,

академик Российской академии образования, доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии, педагогики и дефектологии, Донской государственной технической университет;

ЗАМЕСТИТЕЛИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Говердовская Елена Валентиновна,

доктор педагогических наук, профессор, заместитель директора по последипломному и дополнительному образованию, Пятигорский медико-фармацевтический институт, филиал Волгоградского государственного медицинского университета;

Лучинский Юрий Викторович,

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории правового регулирования, Кубанский государственный университет;

Семенцов Владимир Александрович,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса, Кубанский государственный университет;

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Бабаев Михаил Матвеевич,

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра, Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации;

Байер Елена Александровна,

доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и практики физической культуры и спорта, Донской государственной технической университет, директор ГКУСО РО Азовского центра помощи детям;

Богатырев Валерий Викторович,

доктор юридических наук, профессор, профессор Юридического института, Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, профессора юридического факультета, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»;

Давыдова Галина Ивановна,

доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского», г. Ялта;

Жиркова Евгения Алексеевна,

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории русской литературы, теории литературы и критики, Кубанский государственный университет;

Звонарева Лола Уткировна,

доктор исторических наук, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью Института мировых цивилизаций, Москва;

Иванцов Сергей Вячеславович,

доктор юридических наук, профессор, ученый секретарь ученого совета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Игнатов Александр Николаевич,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Кашкаров Алексей Александрович,

доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;

Клименко Таужан Микаиловна,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса, Юридический институт Северо-Кавказской государственной академии;

Коломийцева Елена Юрьевна,

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой журналистики, Московский государственный институт культуры;

Мамедов Рашад Юсуф оглы,

доктор философии по праву, доцент, доцент кафедры гражданского права, Академия полиции Азербайджанской республики;

Невский Сергей Александрович,

Заслуженный сотрудник МВД РФ, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника, начальник научно-исследовательского центра № 1 Всероссийского научно-исследовательского Института МВД России;

Немыка Анна Анатольевна,

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного, Кубанский государственный университет;

Павлов Юрий Михайлович,

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой публицистики и журналистского мастерства, Кубанский государственный университет;

Скуратовская Марина Леонидовна,

доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой дефектологии и инклюзивного образования, Донской государственный технический университет;

Федотова Ольга Дмитриевна,

доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой начального образования, Донской государственный технический университет;

Хоронько Любовь Яковлевна,

доктор педагогических наук, профессор кафедры образования и педагогических наук, Академия психологии и педагогики Южного федерального университета;

Шаталова Ольга Васильевна,

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, методики его преподавания и документирования Елецкого государственного университета имени Бунина;

Шкаплеров Юрий Павлович,

кандидат юридических наук, первый заместитель начальника Могилевского института Республики Беларусь;

Шульженко Вячеслав Иванович,

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания, русской филологии и журналистского языка, Пятигорский государственный университет.

EDITORIAL COUNCIL:

THE CHAIRMAN OF EDITORIAL COUNCIL

Irina V. Abakumova,

Academician Russian Academy of Education, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Psychology, Pedagogy and Defectology, Technical University;

VICE-CHAIRMEN OF EDITORIAL COUNCIL

Elena V. Goverdovskaya,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Deputy Director for Postgraduate and Additional Education of the Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute, a branch of the Volgograd State Medical University;

Yury V. Luchinsky,

Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History and Legal Regulation, Kuban State University;

Vladimir A. Sementsov,

Doctor of Law Sciences, Professor, Professor of Department of Criminal Proceedings, Kuban State University;

MEMBERS OF EDITORIAL COUNCIL

Mikhail M. Babaev,

Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher of the Research Center, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Elena A. Bayer,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Theory and Practice of Physical Culture and Sports, Don State Technical University, Director of the Azov Child Care Center;

Valery V. Bogatyrev,

Doctor in Law, Professor of the Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov, Professor of the Faculty of Law, Moscow Financial-Industrial University «Synergy»;

Galina I. Davydova,

Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Psychology Department of the Humanitarian Pedagogical Academy (branch) of the Federal State Educational Institution of Higher Education «V.I. Vernadsky KFU», Yalta;

Evgenia A. Zhirkova,

Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of the History of Russian Literature, Literature Theory and Criticism, Kuban State University;

Lola U. Zvonareva,

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Advertising and Public Relations of the Institute of World Civilizations, Moscow;

Sergey V. Ivantsov,

Doctor of Law, Professor, Academic Secretary of the Academic Council of the V.Y. Kikoty Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Alexander N. Ignatov,

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminology of the V.Y. Kikoty Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Alexey A. Kashkarov,

Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Crimean branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Tauzhan M. Klimenko,

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Law Institute of the North Caucasus State Academy;

Elena Yu. Kolomiitseva,

Doctor in Philology, Professor, Head of the Department of Journalism, Moscow State Institute of Culture;

Rashad Yu. Mamedov,

Doctor of Philosophy in Law, Associate Professor, Assistant Professor of Civil Law Department, Police Academy of the Azerbaijan Republic;

Sergey A. Nevsky,

Honored Employee of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Deputy Head, Head of the Research Center № 1 of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Anna A. Nemyka,

Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian as a Foreign Language, Kuban State University;

Yuri M. Pavlov,

Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Journalism and Journalistic Skills, Kuban State University;

Marina L. Skuratovskaya,

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Defectology and Inclusive Education, Don State Technical University;

Olga D. Fedotova,

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Primary Education, Don State Technical University;

Lubov Ya. Khoronko,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Education and Educational Sciences, Academy of Psychology and Pedagogy of the Southern Federal University;

Olga V. Shatalova,

Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language, Methods of Teaching and Documenting it at Yelets State University named after Bunina;

Yuri P. Shkaplerov,

Doctor in Law, First Deputy Head, Mogilev Institute of the Republic of Belarus;

Vyacheslav I. Shulzhenko,

Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Linguistics, Russian Philology and Journalistic Language, Pyatigorsk State University.

КОНТАКТЫ:

○ ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Попов Михаил Юрьевич

Тел.: +7(928) 268-34-15

e-mail: popov-52@mail.ru

○ ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ

Шелкова Елена Андреевна

Тел.: +7(988) 167-67-67

e-mail: milena.555@mail.ru

○ РЕДАКЦИЯ РАСПОЛОЖЕНА ПО АДРЕСУ

350005, Краснодарский край, г. Краснодар, Переулок Народный, д. 2/1

Часы приема: понедельник – пятница, 10⁰⁰ – 17⁰⁰

Тел./факс: +7(988) 167-67-67

Адрес для писем: 350005, г. Краснодар, а/я 1812, Попову М.Ю.

CONTACTS:

○ EDITOR-IN-CHIEF

Popov Mikhail Yur'evich

Ph.: +7(928) 268-34-15

e-mail: popov-52@mail.ru

○ MANAGER OF EDITION

Shelkova Elena Andreevna

Ph.: +7(988) 167-67-67

e-mail: milena.555@mail.ru

○ THE EDITORIAL OFFICE IS LOCATED AT THE ADDRESS

350005, Krasnodar Territory, Krasnodar, Narodny Lane, 2/1

Reception hours: Monday – Friday, 10⁰⁰ – 17⁰⁰.

Ph./fax: +7(988) 167-67-67

Address for correspondence: for Popov M.Yu., po box 1812, Krasnodar, 350005, RF.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Ван Юйцун, Габдреева Н.В.*
Безэквивалентная лексика в русских разновременных переводах
современной китайской литературы 19
- Лушаш Н.Г., Ранджбар А., Гнетнева М.А.*
Специфика репрезентации студентам-инофонам текстов
по биологии и анатомии 29

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Бикмашев В.А., Савенко И.А.*
Инцест в России: правовые, социальные и психологические аспекты 39
- Вишневецкий К.В., Кашкаров А.А.*
Освобождение от уголовной ответственности и наказания военнопленного:
предложения для законодателя 45
- Королева Н.М., Звягинцева В.В., Сапронов А.В.*
Торговля людьми: виктимологический аспект 50
- Мукажанов А.Е.*
К вопросу о понятии «преступная группа»
в уголовно-правовой и криминалистической науках 58
- Олейник О.С.*
Криминологическая характеристика преступлений, связанных с деятельностью
некоммерческих организаций и иных общественных объединений,
посягающих на права граждан, и их предупреждение 64
- Симонова Е.Ю.*
Оптимизация законодательной уголовно-правовой политики
в отношении преступлений с административной преюдицией 71

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

(РУБРИКА НЕ ВКЛЮЧЕНА В ПЕРЕЧЕНЬ ВАК ПРИ МИНОБРНАУКИ РФ)

- Давыдова Г.И., Самыгин С.И.*
Социорефлексика политического воспитания студентов психологического вуза:
рефлексивно-диалогический подход 81
- Лядов В.В., Петренко А.В., Самыгин С.И.*
О состоянии церковно-приходских школ в Екатеринославской епархии
в целом и Ростовском уезде, в частности (1882–1915 гг.) 92

CONTENTS

PHILOLOGICAL SCIENCES

- Wang Yucong, N.V. Gabdreeva*
Untranslatable vocabulary in russian diachronic translations
of modern chinese literature 19
- Nataliya G. Lupash, A. Randzhbar, Maiya A. Gnetneva*
The specifics of representing biology
and anatomy texts to non-native students 29

JURISPRUDENCE

- Vitaly A. Bikmashev, Irina A. Savenko*
Incest in Russia: legal, social, and psychological aspects 39
- Kirill V. Vishnevetskiy, Alexey A. Kashkarov*
Exemption from criminal liability and punishment of prisoners of war:
proposals for the legislator 45
- Natalia M. Koroleva, Victoria V. Zvyagintseva, Alexey V. Sapronov*
Victims of human trafficking:
general characteristics and victimological aspect 50
- Azamay Y. Mukazhanov*
On the concept of «criminal group» in criminal law and criminalistics sciences 58
- Olga S. Oleinik*
Criminological characteristics of crimes related to the activities
of non-profit organizations and other public associations that infringe
on the rights of citizens, and their prevention 64
- Ekaterina Yu. Simonova*
Optimization of the legislative criminal law policy
in relation to crimes with administrative prejudice 71

PEDAGOGICAL SCIENCES

(THE RUBRIC IS NOT INCLUDED IN THE LIST OF THE HIGHEST CERTIFICATION COMMISSION
UNDER THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

- Galina I. Davydova, Sergey I. Samygin*
Socioreflexics of political education of psychological university students:
a reflexive and dialogical approach 81
- Vladimir V. Lyadov, Alexander V. Petrenko, Sergey I. Samygin*
On the state of parish schools in the Ekaterinoslav diocese in general
and in the Rostov district in particular (1882–1915) 92

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-3>
УДК 811.161.2

Attribution
cc by

БЕЗЭКВИВАЛЕНТНАЯ ЛЕКСИКА В РУССКИХ РАЗНОВРЕМЕННЫХ ПЕРЕВОДАХ СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ван Юйцун, Габдреева Н.В.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт филологии и межкультурной коммуникации*

Аннотация. Настоящее исследование посвящено анализу стратегий перевода безэквивалентной лексики в современных китайских литературных произведениях на примере разновременных переводов И.А. Егорова («Последний император» Су Тона, 2008 г.; «Большая грудь, широкий зад» Мо Яня, 2013 г.; «Смерть пахнет сандалом» Мо Яня, завершённый Батыгиным К. в 2024 г.). Цель работы – выявить эволюцию подходов к передаче этнографических, ассоциативных и семантических безэквивалентных единиц в условиях диахронического развития переводческой практики. Методология включает сравнительный анализ текстов оригинала и переводов, классификацию лексики по трем типам и оценку трансформационных стратегий (транслитерация, калькирование, описательный перевод, функциональная замена).

Ключевые слова: безэквивалентная лексика, переводческие стратегии, диахронический анализ, китайская литература, этнографические реалии, ассоциативная семантика, культурная адаптация, транслитерация, комментарий, межкультурная коммуникация.

Финансирование: выполнена при финансовой поддержке Китайского совета по стипендиям / CSC.

Original article

UNTRANSLATABLE VOCABULARY IN RUSSIAN DIACHRONIC TRANSLATIONS OF MODERN CHINESE LITERATURE

Wang Yucong, Natalia V. Gabdreeva

*Kazan (Volga Region) Federal University,
Institute of Philology and Cross-Cultural Communication*

Abstract. This study is dedicated to the analysis of translation strategies for untranslatable vocabulary (безэквивалентная лексика) in modern Chinese literary works, examining the diachronic translations by I.A. Yegorov («The Last Emperor» by Su Tong, 2008; «Big Breasts and Wide Hips» by Mo Yan, 2013; «Sandalwood Death» by Mo Yan, completed by K. Batygin in 2024). The aim of the work is to identify the evolution of approaches in rendering ethnographic, associative, and semantically untranslatable units within the context of the diachronic development of translation practice. The methodology includes comparative analysis of source texts and translations, classification of lexicon into three types, and evaluation of transformational strategies (transliteration, calque, descriptive translation, functional substitution).

Keywords: untranslatable vocabulary, translation strategies, diachronic analysis, Chinese literature, ethnographic realities, associative semantics, cultural adaptation, transliteration, commentary, cross-cultural communication

Funding: completed with the financial support of the Chinese Scholarship Council/CSC.

Введение.

Современная китайская литература, отражающая глубокие социальные преобразования и богатое культурное наследие Китая, представляет значительный интерес для русского читателя. Однако её перевод на русский язык стал-

кивается с фундаментальной трудностью – безэквивалентной лексикой, то есть словами и выражениями, не имеющими прямых аналогов в русской языковой картине мира.

Изучение безэквивалентной лексики представляет собой одну из наиболее сложных и акту-

© Ван Юйцун, Габдреева Н.В.

альных проблем современного переводоведения. В контексте переводов китайской литературы на русский язык данная проблема проявляется особенно ярко, поскольку затрагивает глубокие пласты культурно-обусловленной семантики.

В данном исследовании мы предлагаем классифицировать безэквивалентную лексику на три основных типа:

1. **Этнографическая безэквивалентная лексика** – слова и выражения, обозначающие реалии, уникальные для китайской культуры и не имеющие аналогов в русскоязычном пространстве (например, «炕» – кан – лежанка с подогревом; «节气» – цзеци – 24 сезона сельскохозяйственного календаря).

2. **Ассоциативная безэквивалентная лексика** – единицы языка, вызывающие специфические культурно-обусловленные ассоциации у носителей китайского языка (например, «青龙» – цинлун – зелёный дракон как символ востока и весны; «红杏出墙» – хунсин чусян – «алое сливы цветение за стеной» с импликацией супружеской неверности).

3. **Семантическая безэквивалентная лексика** – слова с уникальной семантической структурой, отражающие особенности китайского мировоззрения (например, «仁义» – жэньи – сочетание человеколюбия и справедливости; «关系» – гуаньси – система межличностных связей).

Поскольку такая классификация позволяет системно анализировать различные типы переводческих проблем, возникающих при передаче китайской культурной специфики на русский язык, этнографический слой охватывает предметно-культурные реалии, ассоциативный – коннотативные и образные значения, семантический – системные языковые расхождения.

Диахронический подход к исследованию данной проблематики позволяет проследить эволюцию переводческих стратегий на материале произведений, переведённых в разные временные периоды. Творчество Игоря Александровича Егорова представляет особую ценность для такого анализа, поскольку охватывает значительный временной промежуток – с 2008 по 2024 год.

Материалом исследования послужили три ключевых произведения в переводе Егорова:

Последний император (《我的帝王生涯》) Су Тона (2008) – первый перевод китайской прозы, выполненный Егоровым

Большая грудь, широкий зад (《丰乳肥臀》) Мо Яня (2013) – зрелый период творчества переводчика

Смерть пахнет сандалом (《檀香刑》) Мо Яня (2024) – завершающий труд, оконченный Батыгиным К. после кончины Егорова.

© Ван Юйцун, Габдреева Н.В.

Особую значимость данному исследованию придает тот факт, что последний труд переводчика – роман «Смерть пахнет сандалом» Мо Яня – остался незавершённым и был дополнен К. Батыгиным после кончины И.А. Егорова. Это обстоятельство позволяет не только проанализировать эволюцию переводческих подходов мастера, но и проследить преемственность в стратегиях перевода безэквивалентной лексики.

Данная статья отдаёт дань уважения памяти Игоря Александровича Егорова – выдающегося переводчика-синолога, чей вклад в распространение современной китайской литературы в русскоязычном пространстве невозможно переоценить. Его работы стали мостом между культурами и ценным материалом для исследователей переводческого искусства.

Обсуждение

В раннем переводе «Последний император» (2008) Егоров применял преимущественно описательный перевод и описательный перевод + транслитерацию для передачи этнографических реалий. Например, термины, связанные с императорским дворцом и ритуалами, часто сопровождалось пояснениями, вставленными в текст или данные в сносках. Такой подход отражал осторожность переводчика и стремление сделать китайскую культуру максимально доступной для русского читателя.

Например:

1) 我在龙榻上辗转反侧，想起我下令割去了那些可怜的妇人的舌头，突然觉得有点害怕，现在没有什么声音来折磨我的耳朵了，我反而更加难以入眠 [6, с. 19].

Но я ворочался с боку на бок на **царском ложе**, из головы никак не шли языки, что я приказал вырвать у этих несчастных женщин, и страх сжимал мне сердце [3, с. 16].

2) 黛娘因此被割去十指，投入了肮脏的冷宫 [6, с. 17].

За это Дайнян лишилась всех десяти пальцев на руках, и ее бросили в грязный **Холодный дворец – Лэн Гун** [3, с. 14].

Прим. Название «Холодный дворец» указывало на то, что император больше не посещал наложницу и не проводил с ней время.

3) 端文的婚典在侧宫的青鸾殿举行 [6, с. 57].

Свадебная церемония состоялась в **Цинлуаньдянь – Зале Лазоревой Птицы Луань** [26] боковой пристройке дворца [3, с. 70].

Прим. Согласно китайским поверьям, из крови волшебной птицы «луань» добывается клей, обладающий чудесными свойствами, в том числе скрепляющий брачные узы.

腊月初三的早晨，我的西巡队伍浩浩荡荡地通过德辉门 [6, с. 39].

Утром третьего дня двенадцатой луны я со свитой величественно проследовал через **Ворота Сияния Добродетели** [3, с. 40].

4) 对端武暗施宫刑的计划错过了 [6, с. 61].

План тайно применить к Дуанью «**дворцовое наказание**» сорвался [3, с. 75].

Прим. «Дворцовое наказание» – кастрация, после которой мужчин допускали во внутренние покои дворца.

5) 我将一颗夜明珠塞进死去的老妇人的嘴中，死人的颧部鼓起来又凹陷下去，这样她的遗容看上去更像是一种讥讽的冷笑 [6, с. 103].

Я вложил в рот старой дамы **лучистую жемчужину**, напряженно выступавшие уголки мертвого рта расслабленно опустились, и из-за этого стало еще больше казаться, что он искривился в холодной язвительной усмешке [3, с. 122].

Прим. В древности китайцы думали, что лучистая жемчужина («е мин чжу») – это глаз кита. Считалось, что если ее опустить в воду, несколько месяцев не появится затхлый запах, а если положить в рот покойнику, его тело не будет гнить.

К 2013 году, при переводе романа «Большая грудь, широкий зад» («丰乳肥臀»), переводческая стратегия Игоря Егорова претерпела значительную эволюцию. Анализ текста показывает, что в его переводе увеличилась частота использования транслитерации (*Ципао, Саньцзыцзин, Цзунцзы, Куайбань и т.д.*) и каркирования (Троесловие, Суньятсеновский френч, Народная коммуна, *Стол Восьми Бессмертных, Лунный заяц и т.д.*), в то время как описательный перевод соответственно сократился. Что касается этнографической безэквивалентной лексики, переводчик чаще применял стратегию транслитерации (прямое заимствование), сохраняя её китайское фонетическое звучание и дополняя затекстовыми комментариями для разъяснения.

Например:

1) 茂腔一唱，乱了三纲五常；茂腔一听，忘了亲爹亲娘 [4, с. 119].

Как говорится, когда исполняют маоцян, в голове смешиваются **три начала и пять принципов**; правда и то, что, когда маоцян слушаешь, отца с матерью забываешь [1, с. 145].

Прим. Три начала и пять принципов – подчинение подданного государю, подчинение жены мужу и подчинение сына отцу; гуманность, справедливость, вежливость, разумность и верность.

2) 大厅正中摆着一张紫色八仙桌，桌上摆着热气腾腾的两个大盆。一个盆里是野鸡，一个盆里是野兔 [4, с. 155].

Пройдя через несколько галерей, мы вошли в большой зал, где на красном **столе Восьми Бессмертных** стояли два больших дымящихся блюда – одно с фазаном, другое с зайчатинной.

Прим. Стол Восьми Бессмертных – старинный квадратный стол на восемь персон.

Однажды двух лягушек мне в ночной горшок подложил! А вдругорядь аж «Саньцзыцзин» сумел переименовать.

3) 上官金童在街上扫地时，被“红卫兵”打破了脑袋。他脸上粘着血，站在梧桐树下，听着四姐的诉说，心里感到一阵阵抽痛 [4, с. 469].

Цзиньтун, весь в крови – **хунвэйбины** разбили голову, когда он подметал улицу, – стоял под утунгом, с невыносимой болью в сердце слушая рассказ сестры [1, с. 539].

Прим. Хунвэйбины – букв. красные охотники: члены созданных в 1966 г., во время «культурной революции», отрядов из числа студентов и старших школьников.

Это изменение не только отражает склонность переводчика к стратегии иностранзации – направленной на максимальное сохранение экзотического культурного колорита оригинала, но и свидетельствует о его растущем признании и доверии к познавательным способностям российской читательской аудитории, уверенности в том, что она способна понять китайскую культурную реальность без чрезмерной адаптации со стороны переводчика.

Особый интерес представляет анализ завершённого Батыгиным К. перевода «Смерть пахнет сандалом» (2024), где прослеживается как преемственность подходов Егорова, так и индивидуальные особенности стиля Батыгина. В частности, Батыгин сохраняет тенденцию к использованию транслитерации для этнографических терминов, но добавляет более развернутый глоссарий, что может рассматриваться как компромисс между подходом Егорова и стремлением сделать текст доступным для широкой аудитории.

Ср.:

1) 马洛亚牧师静静地躺在炕上，看到一道红光照耀在圣母玛利亚粉红色的乳房和她怀抱着的圣子肉嘟嘟的脸上 [4, с. 9].

С **кана**, на котором недвижно возлежал пастор Мюррей, было видно, как полоска красного света упала на розоватую грудь Девы Марии и пухлое личико Младенца у нее на руках [1, с. 21].

Прим. Кан – отапливаемая лежанка в традиционном китайском доме.

2) 那天夜里, 俺心里有事, 睡不着, 在炕上翻来覆去烙大饼 [5, с. 10].

Вечером того дня мне было тревожно на душе и не спалось. Я ворочалась на **лежанке-кане** туда-сюда, как большой блин.

Прим. Кан – подогреваемая кирпичная или глиняная лежанка в Северном Китае. На канах спят, сидят и едят. – Прим. ред.

3) 他说这种哭声其实和宫墙外更夫的铜锣声是一样的, 既然**更夫**必须随时报告夜漏的消息, 冷宫里的嫔妃也必须以哭声迎接黎明的到来 [6, с. 25].

По его мнению, этот плач ничем не отличался от звона медного гонга **ночного сторожа**, совершавшего обход за стенами дворца [3, с. 15].

4) 脚穿木底油靴的值夜**更夫**, 从青石条铺成的大街上, 踢踢踏踏走过去, 析声»梆梆», 锣声»当当», 三更天了 [5, с. 11].

Стуча деревянными подметками непромокаемых сапог, идет **ночной сторож**, улица выложена голубоватыми плитками, стучит колотушка, доносятся звуки гонга. Третья смена стражи [2, с. 15].

Прим. Стражи – примерно двухчасовые отрезки времени, на которые делилась ночь в Древнем Китае. Смена стражи происходила по бою гонга, по звукам которого и отмерялось течение времени.

5) 直到春暖花开的**清明节**, 司马家的十九颗人头还悬挂在福生堂大门外的木架子上 [4, с. 124].

Головы девятнадцати членов семьи Сыма провисели на деревянной раме за воротами Фушэнтана до самого **праздника Цинмин**, когда стало по-весеннему тепло и начали распускаться цветы [1, с. 151].

Прим. Цинмин – день поминовения усопших.

6) **清明节**那天, 下着牛毛细雨, 一团团破棉絮似的灰云, 在天地间懒洋洋地滚动 [5, с. 22].

На **Праздник Чистого света** моросил мелкий дождь, между небом и землей клочками ваты неторопливо плыли серые облака [2, с. 29].

Прим. Праздник Чистого света (Цинмин) – День поминовения усопших.

这是秘色青瓷, 是瓷器中的**麒麟**凤凰, 天下也许只有这一件 [4, с. 133].

Это сокровенный синий фарфор, вещь редкая, как **цилинь** или феникс, таких в Поднебесной, может, больше и нет [1, с. 160].

Прим. Цилинь – мифический зверь, изображаемый в виде одноногого оленя, покрытого пластинами, как носорог.

这枪用的是银子弹, 上打天上的凤凰, 下打地上的**麒麟**。从打盘古开天地, 这样的鸟枪只有一支, 绝没有第二支 [5, с. 46].

Это ружье стреляло серебряными пулями, ими можно было сбить феникса в небе, **уложить цилиня** на земле [2, с. 51].

Прим. Цилинь – мифологическое существо, китайская вариация на тему химеры: обычно изображается с несколькими рогами, чешуйчатой кожей, телом коня, ногами оленя, головой дракона и медвежьим или бычьим хвостом. – Прим. ред.

Анализируя переводческие стратегии Игоря Александровича Егорова в разные периоды, можно наблюдать не только изменения, но и устойчивые, специфические закономерности.

Для китайских специфических реалий, полностью отсутствующих в славянской культуре из-за различий в материальной среде, культурных традициях и историческом пути развития, переводчик обычно склоняется к стратегии транслитерация с комментариями.

Эта практика особенно заметна при работе с типичными китайскими культурно-значимыми лексическими единицами (например, *Чуньцзе* – праздник весны, китайский Новый год; *Дуйлян* – традиционные парные благопожелательные надписи с равным числом иероглифов, часто строчки из стихов; их вешают перед входом в дом и т.д.) на фоне углубляющегося китайско-русского взаимодействия.

К такой лексике относятся характерные для Китая названия должностей, концепты институтов, традиционные единицы измерения, названия предметов растений, животных, уникальных блюд и т.д. В такое случае транслитерация позволяет максимально сохранить фонетическую форму исходного языка и экзотический культурный колорит, а сопровождение краткими внутритекстовыми пояснениями или затекстовыми сносками/примечаниями позволяет создать для читателя перевода более полную и точную культурную картину. Это не только позволяет избежать потерь или искажений культурной информации, возможных при буквальном или вольном переводе, но и эффективно передает глубокое культурное содержание и историческое наследие, стоящие за словами. См. примечания Игоря Александровича в переводах этих трех произведений:

Цзинь – мера веса, равная 0,5 кг.

Дань – мера веса, равная 100 цзиням, ок. 50 кг

Цунь – мера длины, равная 3,3 см.

Чи – мера длины, ок. 30 см.

Му – мера площади, равная 1/15 га.

Цин – мера площади, равная 100 му, т. е. 5,2 га.

А также отрывке из оригинала/оригинала перевода:

1) 状元红的风袍，船形裘帽和镶金腰带，足蹬一双厚底皂靴 [6, с. 91].

Красный халат с фениксами – такой носят обладатели степени **чжуаньюань**, – меховая шапочка лодочкой, пояс с золотыми пластинками и черные сапоги с толстыми подошвами [3, с. 108].

2) 文状元武状元文武状元，有道是三百六十行行行出状元。咱家就是刽子行里的大状元 [5, с. 338].

На экзаменах могут присуждаться триста шестьдесят степеней **чжуаньюаня** по гражданским, военным и гражданско-военным делам. В ремесле палачей я – первейший **чжуаньюань** [2, с. 365].

Прим. Чжуаньюань – цзиньши-победитель на столичных экзаменах, первый кандидат на занятие высоких должностей.

3) 我曾就这个疑问请教翰林院大学士邹之通 [6, с. 60].

Как-то я поделился своими сомнениями с Цзоу Чжитунем, членом академии **Ханьлинь**, и попросил у него наставления [3, с. 73].

Прим. Академия Ханьлинь – основана в VIII веке при династии Тан и состояла из лучших ученых – конфуцианцев, которые в том числе выполняли литературные и иные поручения двора.

4) 就在盼弟吞吞吐吐地劝慰着我们时，在白马湖外丁翰林家那片苍松遮日的墓地里，沙口子村的崔凤仙，一个顶着狐狸仙位的寡妇，用一块黑色的卵石，有节奏地敲击着表彰着丁翰林嘉言懿行的青石墓碑 [4, с. 376].

Паньди неумело пыталась утешить нас, а в это время за озером Баймаху, на заросшем соснами семейном кладбище ученого из **Ханьлинь**, вдова из деревни Шакоуцзыцунь по имени Цуй Фэнсянь, которую считали лисой-оборотнем, ритмично постукивала черным голышом по позеленевшей стеле на могиле ученого, где в камне восхвалялись его золотые слова и выдающиеся деяния [1, с. 436].

Прим. Ханьлинь – академия, основанная танским императором Сюаньцзуном (VIII в.) для контроля за чиновничьими экзаменами, а также для поддержания конфуцианской морали.

5) 什么举人家的小姐，什么翰林府里的千金，比不上老娘一根脚指头 [5, с. 26].

Любые барышни из семей **цзюйжэней**, любые дочери академиков **«Ханьлинь»** не стоят даже пальца моей ноги [2, с. 30].

Прим. Академия «Ханьлинь» – отдельное учреждение, выступавшее в течение значительной части имперского периода канцелярией при правителях Китая. – прим. ред.

Когда же явление или концепт, обозначаемые словом исходного языка, имеют функционально или по назначению похожий или соответствующий эквивалент в славянской культуре, для снижения когнитивной нагрузки читателя перевода и облегчения понимания переводчик чаще рассматривает стратегии объяснительный перевод или функциональная замена.

Например:

1) 腊月初三的早晨，我的西巡队伍浩浩荡荡地通过德辉门 [6, с. 39].

Утром третьего дня **двенадцатой луны** я со свитой величественно проследовал через Ворота Сияния Добродетели [3, с. 40].

2) 热闹时大道两边车马相连，满大街上飘漾着鸡鸭鱼肉的奇香。还有一些没有名号的小吃铺，卖包子的，打火烧的，烙大饼的，煮豆腐脑的 [5, с. 65].

В оживленные часы по обеим сторонам улочки выстраивались конные экипажи, по всей улице разносились ароматы деликатесов. Были еще закусочные без названий, где продавали **пирожки на пару, хлебцы, блины, загустевший соевый творог** [2, с. 72].

3) 老先生，这参是小的亲自去生药铺里，亲眼看着秦七那个老狐狸开了锁着三把大铁锁的**揪木柜子**，从一个**青花瓷**坛子里取出来的 [5, с. 322].

Почтенный господин за этим женьшенем недостойный сам ходил в **лавку лекарственных трав**, своими глазами видел, как эта старая лиса Цинь Седьмой открывал запертый на три железных замка **деревянный шкаф** и доставал этот женьшень из **бело-синего фарфорового** кувшина [2, с. 350].

Однако необходимо отметить, что даже в подобных случаях добавление соответствующих комментариев часто остается необходимым и полезным. Поскольку это помогает читателю перевода увидеть возможные тонкие культурные различия между ними, выходя за рамки поверхностного функционального соответствия и достигая более глубокого, подлинного культурного понимания и обмена. См.:

房东是一个白发苍苍的老秀才，对知县毕敬毕恭，敬烟敬茶，还献上了一桌子酒饭。有**红萝卜烧野兔**，有**大白菜炖豆腐**，还有一坛泰米酿造的**黄酒** [5, с. 263].

Хозяин – седоволосый сючай – встретил начальника уезда со всем уважением и почита-

© Ван Юйцун, Габдреева Н.В.

нием и предложил им вино и еду: **дикого кролика, тушеного с морковью, тушеный же соевый творог с капустой** и кувшин **желтого вина из проса** [2, с. 287].

Прим. Доуфу (тофу, соевый творог) – продукт из соевых бобов, богатый белком и обладающий нейтральным вкусом (то есть собственный вкус у доуфу почти отсутствует), что позволяет использовать его во многих блюдах.

Стоит особо отметить, что по мере углубления китайско-российского культурного обмена и учащения двустороннего взаимодействия роль переводческой деятельности как культурного моста становится все более значимой. В этом контексте, некоторые уникальные концепты, возникшие из китайской культуры, и безэквивалентная лексика после длительного и интенсивного использования и распространения постепенно были полностью поглощены и интериоризированы системой русского языка, став языковыми компонентами, широко принятыми и даже используемыми в повседневной жизни российскими читателями. Яркими примерами являются, но не ограничиваются: Фэн-шуй, Тофу, Женьшень и т.д.

Это явление не только отражает глубину языкового контакта и культурного слияния, но и демонстрирует, что степень познания и принятия китайской культуры среди русскоязычных читателей постоянно растёт.

Что заслуживает более глубокого анализа, так это то, что известный переводчик Игорь Александрович в своей недавней переводческой практике продемонстрировал все более «радикальный» стратегический поворот. Он больше не удовлетворен традиционной и надежной моделью «транслитерация + комментарий», а принял более творческие и новаторские попытки, такие как:

Прямое внедрение китайской лексики: при описании определенных культурных практик или философских концептов смело использовать оригинальные китайские слова, полагаясь на контекст и растущие культурные знания читателей для понимания, вместо того чтобы постоянно искать «эквивалентную замену» в русском языке (*Иньюэ* – музыка, *Дуаньхунь* – душа, покидающая тело, *Би гу* – даосская практика воздержания от употребления в пищу зерновых для достижения просветления, *Шэнли* – победа и т.д.).

Грамматическая интеграция и адаптация: активно использовать правила русского языка (например, падежные окончания, словообразование) для «русификации» транслитерированной лексики, чтобы она морфологически интегрировалась в русскую систему, в то же время сознательно сохраняя и даже усиливая ее восточный колорит на слуховом и визуальном уровнях, чтобы создать насыщенную и аутентичную атмосферу китайской культуры.

Например:

1) *还有人参半斤在宋三的怀里揣着。他摸出来，亲手交给俺，隔着纸包俺就嗅到了一等好参那股苦苦的香气* [5, с. 322].

За пазухой у Суна Третьего было еще **полцзиня** женьшеня. Он вынул его и передал мне. Через бумажный пакет я услышал горьковатый аромат первоклассного женьшеня [2, с. 350].

2) *这些参粗的如筷子，细的如豆秸，都拖着些须毛，轻飘飘的，怎够半斤？* [5, с. 322].

Клубни были толщиной с палочки для еды, тонкие как стебли бобов, все в волосках, развевающихся на ветру. Разве будет здесь **полцзиня**? [2, с. 350].

В основе этой стратегии лежит высокая уверенность переводчика в способности читателя целевого языка воспринимать культуру и философия перевода, направленная на продвижение «прямого перевода» культуры и глубокого взаимопонимания. Это выходит за рамки простой передачи информации и стремится создать чувство близости и опыт погружения в китайскую культуру в русскоязычном контексте, что можно рассматривать как продвинутую и смелую практику стратегии «иностранизации» в культурном переводе.

Перевод лексики с ассоциативной безэквивалентностью представляет собой одну из ключевых трудностей в межкультурной коммуникации. Данные единицы языка несут в себе не только прямое номинативное значение, но и глубокий историко-культурный подтекст, национально-психологические особенности и социально-коллективную память, объём информации в которых значительно превосходит прямое значение.

Для точного понимания заложенной в них символики, эмоциональной окраски и социальной оценки переводчику часто требуется привлекать обширные литературные источники, изучать культурный контекст и даже консультироваться с носителями языка.

Примечательно, что, несмотря на сложность процесса понимания «ассоциативной безэквивалентной лексики», подходы к её переводу относительно систематизированы и отличаются высокой степенью устойчивости. Для наиболее представительных антропонимов (например, *Сунь Укун* – могущественный царь обезьян, персонаж классического романа «Путешествие на Запад», *Чэнь Шимэй* – герой одной из пьес традиционного китайского театра, так называемой пекинской оперы, символ коварного мужа, бросившего жену ради другой. Осужден знаменитым судьей Бао) и топонимов (Остров Пэнлай – по повериям китайцев, обитель бессмертных), а также других конкретных лексем, способных вызывать у носителей различные культурные

ассоциации (например, *Утун* – дерево с округлой или зонтиковидной кроной, достигающее высоты 10 м. Древесина используется для изготовления традиционных китайских музыкальных инструментов.), переводчики чаще всего применяют комбинацию стратегий «транслитерация / объяснительный перевод + комментарий» (транслитерация/объяснительный перевод + комментарий).

Суть данного подхода заключается в следующем: посредством транслитерации максимально сохраняются фонетическая форма исходного языка и маркеры иной культуры, а затем с помощью комментария осуществляется культурная компенсация и экспликация значения, что позволяет насильственно имплантировать или целенаправленно сформировать у реципиента перевода ассоциативную функцию, максимально эквивалентную таковой в культуре исходного языка.

Многочисленные примеры показывают, что данная стратегия демонстрирует заметную устойчивость как в долгосрочной практике разных переводчиков, так и в работах одного переводчика (например, Игоря Егорова) в разные периоды его деятельности. Это отражает формирование в переводческом сообществе высококонсенсусной и эффективной методологической традиции при столкновении с определенными типами культурных барьеров.

См.:

1) 来自品州商贾富户的蕙妃聪敏伶俐、国色天香 [6, с. 67].

Умная, живая и сообразительная Хуэйфэй была родом из семьи богатых торговцев в **Пиньчжоу** [3, с. 62].

Прим. Название «Пиньчжоу» можно также перевести как «удел нравственности».

2) 我猜她是想等到南伐胜利之日撒手归西 [6, с. 102].

Я понял, что она хочет дожидаться его победного возвращения из похода на юг и лишь потом **отправиться на запад** [3, с. 99].

Прим. Запад считался у китайцев страной мертвых.

3) 据说是我少年时代的老师僧人觉空首先发现了这个**世外桃源**, 他先于我八年抵达此地, 拓垦了粮田和菜园, 所谓的苦竹寺也是他花费三年时间慢慢建成的 [6, с. 173].

В прежние века покрытый густым лесом высокогорный район не принадлежал никому, говорят, этот «**персиковый рай во внешнем мире**» первым обнаружил наставник моих детских лет, монах Цзюэжун, который добрался сюда за восемь лет до меня [3, с. 207].

4) 可怜的母女俩, 她们要在**黄泉**路上见面了 [6, с. 40].

Бедные мать и дочь, знать, только на пути к **Желтому Источнику** и встретятся [3, с. 42].

Прим. Желтый Источник — в китайской литературной традиции — царство мертвых.

5) 孙子们, 都给我爬上来吧, 再挖就到**黄泉**了 [4, с. 68].

Быстро вылезайте, идиоты, вы мне так до самого **Желтого источника** докопаете [1, с. 86].

Прим. Желтый источник – страна мертвых.

6) 我的儿啊一惨惨惨哪! 一双小儿女也命丧**黄泉** [5, с. 189].

Мои дети, ах, какое горе! И сын, и дочь отправились к **Желтому источнику** [2, с. 206].

Прим. Желтый источник – страна мертвых.

7) 俺想起了亲爹孙丙。爹, 你这一次可是做大了, 好比是**安禄山**占了贵妃娘娘, 好比是**程咬金**劫了**隋帝**皇纲, 凶多吉少, 性命难保 [5, с. 12].

Вспомнился мне собственный отец Сунь Бин. Батюшка, ты на этот раз заважничал, верно, как **Ань Лушань**, переспавший с императорской наложницей **Ян-гуйфэй**, или как **Чэн Яоцзинь**, похитивший планы правителей Суй. Это не предвещает ничего хорошего, трудно сохранить жизнь [2, с. 16].

Прим. Ань Лушань – китайский военачальник, который в середине VIII века возглавил восстание против династии Тан (618–907 годы).

Ян-гуйфэй – окутанная многими легендами и сказаниями наложница при дворе династии Тан.

Чэн Яоцзинь – китайский военачальник, служивший при династии Тан.

Цзиньши – высшая ученая степень в системе китайских государственных экзаменов для занятия официальных постов.

8) 尚书、侍郎, 走马灯一样地换, 就是我这个姥姥**泰山**一样稳当 [5, с. 47].

Министры, товарищиминов сменялись, как лошади в фонаре, только я, бабушка, стоял неизбежно, как **гора Тайшань** [2, с. 53].

Семантическая безэквивалентная лексика представляет собой одну из ключевых трудностей в переводе и сопоставительной лингвистике. Она относится к лексическим единицам, которые существуют в одном языке, но не имеют полного соответствия в другом в связи с уникальной семантической структурой, глубокого культурного содержания или специфической

понятийной категории. Значение таких слов обычно далеко выходит за рамки буквального перевода, неся в себе богатую культурную идентичность, историческое наследие и философские концепции, что делает их концентрированным воплощением культурной специфики языка.

Обработка семантической безэквивалентной лексики особенно сложна, поскольку она сочетает в себе характеристики как этнографической безэквивалентной лексики, так и ассоциативной безэквивалентной лексики. Её происхождение глубоко отражает различия в языке, культуре и образе мышления:

Различные способы «членения» мира языками: Разные языки категоризируют опыт по-разному. Слово в исходном языке может охватывать широкую или высокоспециализированную семантическую категорию, тогда как в целевом языке может потребоваться несколько слов или фраз для описания его различных аспектов.

Например, возьмем уже рассмотренную безэквивалентную лексическую единицу **腊月** (12-й месяц по лунному календарю), в зависимости от разных контекстов Игорь Александрович применил разные стратегии:

1) **腊月初三**的早晨, 我的西巡队伍浩浩荡荡地通过德辉门 [6, с. 39].

Утром третьего дня **двенадцатой луны** я со свитой величественно проследовал через Ворота Сияния Добродетели [3, с. 40].

2) 接下来我二姐做敲冰状, 做在冰水里洗衣服状。她浑身瑟瑟, 犹如一片挂在**腊月**树梢的枯叶 [4, с. 151].

Тут она изобразила, что раскалывает лед и стирает в ледяной воде белье, трясаясь всем телом, как высохший листок на верхушке дерева в **зимнюю пору** [1, с. 146].

3) 还有小顺子, 你这个寒冬**腊月**蹲锅框的小叫花子 [5, с. 14].

А ты, маленький попрошайка, ведь сидел на корточках у котла на улице в **любые морозы!** [2, с. 18].

Различия в семантических коннотациях и ассоциациях: Дополнительные значения слова, такие как эмоциональная окраска, стилистические особенности и ассоциативные значения, часто обладают высокой культурной специфичностью. Например, китайский «**龙**» символизирует благородство и удачу, в то время как западный «**дракон**» часто представляет зло; это различие в ассоциациях напрямую влияет на выбор стратегии перевода:

1) 我在**龙**榻上辗转反侧, 想起我下令割去了那些可怜的妇人的舌头, 突然觉得有点害怕, 现在没有什么声音来折磨我的耳朵了, 我反而更加难以入眠 [6, с. 19].

Но я ворочался с боку на бок на **царском** ложе, из головы никак не шли языки, что я приказал вырвать у этих несчастных женщин, и страх сжимал мне сердце [3, с. 16].

2) 笙管齐鸣, **金龙**驾车, 凤凰起舞。送子娘娘骑着麒麟, 抱着大胖孩子 [4, с. 629].

Играют дудки и свирели, колесницей правит золотой **дракон**, кружатся в танце фениксы. А вот и матушка-чадоподательница верхом на цилине с пухлым младенцем на руках [1, с. 719].

3) 他小子鬼迷心窍, 忘了一个基本道理, 那就是, 大凡当上了皇帝的, 都是真**龙**天子 [5, с. 46].

Этого негодяя черт попутал, он забыл элементарную истину, а именно, что любой, кто стал императором, — **дракон**, настоящий сын Неба [2, с. 51].

4) 咸丰爷爷**龙**颜大怒 [5, с. 46].

Батюшка Сяньфэн исполнился **царственного** гнева [2, с. 51].

Различия в сочетаемости (коллокации):

Например:

1) 咸丰爷爷决定选用一种特别的酷刑来拾掇小虫子, 借此杀鸡给**猴**看 [5, с. 47].

Батюшка Сяньфэн решил выбрать особо жестокую казнь, чтобы проучить Сяо Чунцзы. Как говорится, **зарезать курицу, чтобы лисам не повадно было** [2, с. 52].

Китайская идиома «убить курицу на глазах у обезьян» (杀鸡给猴看) представляет собой высокоустойчивое фразеологическое выражение, значение которого не может быть просто выведено из буквального толкования. Его ядро заключается в идее «наказать одного, чтобы предупредить другого».

В китайской культуре «обезьяна», безусловно, ассоциируется с умом и сообразительностью, но также часто связывается с образом «непоседливой, озорной, нуждающейся в дисциплине» (что и отражено в контексте, подразумеваемом этой идиомой). Здесь «обезьяна» относится к тем потенциальным, нуждающимся в устрашении озорникам. В русской лингвокультуре слово «обезьяна» чаще несёт негативные коннотации, связанные с «глупым подражателем» (как в глаголе «обезьяничать» — механически копировать), «безобразием» или «комичностью»; её «сообразительность» часто имеет оттенок несерьёзности, комизма. Это слово редко используется для обозначения того, кого нужно сурово предостеречь, — «хитрого потенциального нарушителя». Напротив, «лиса» в русском языке является абсолютным воплощением «хитрости, коварства, изворотливости» (что совпадает с нега-

тивным образом лисы в китайской культуре). Она идеально соответствует тому хитрому объекту, которого нужно устроить, и которого в идиоме представляет «обезьяна».

Таким образом, буквальный перевод «... чтобы обезьянам не повадно было» вызовет недоумение у русского читателя: зачем пугать «обезьян»? Замена же на «лиса» мгновенно активирует в сознании читателя концепцию «предостережения для хитрецов», достигая функциональной эквивалентности.

Следовательно, подход переводчика в данной ситуации является продвинутым: он отказался от буквального соответствия и вместо этого ухватился за ключевую функцию идиомы (предостережение) и характеристику объекта (хитрость), после чего выбрал в русском языке модель выражения, которая не только передает функцию предостережения, но и чей субъект (лиса) соответствует характеристикам объекта. Хотя в русском языке, возможно, не существует идиомы, полностью идентичной по форме, структура «зарезать курицу, чтобы лисам не повадно было» является для русского языка естественной и понятной; а выбор слова «лиса» немедленно делает всю метафору яркой и соответствующей русской культурной логике.

Таким образом, для перевода такой семантической безэквивалентной лексики не существует единого универсального метода. От переводчика требуется не только свободное владение двумя языками, но и глубокое межкультурное понимание. На практике переводчикам часто необходимо всесторонне учитывать контекст, гибко использовать различные стратегии и стремиться к динамическому балансу между максимальным сохранением культурного своеобразие исходного слова и обеспечением понятности для читателя перевода.

Результаты.

Проведенное исследование стратегий перевода безэквивалентной лексики в работах И.А. Егорова позволяет выделить следующие ключевые результаты:

1. Эволюция переводческих стратегий: Выявлена четкая диахроническая динамика в подходе И.А. Егорова. В ранних работах (например, «Последний император», 2008 г.) преобладала стратегия описательного перевода и транслитерации с комментариями для передачи культурно-специфических реалий. В более поздних переводах («Большая грудь, широкий зад», 2013 г.; «Смерть пахнет сандалом», 2024 г.) наблюдается переход к комбинированным методам с увеличением доли транслитерации с комментариями и каркирования, что отражает растущую уверенность переводчика в способности русско-

язычного читателя понимать китайские культурные концепты.

2. Классификация и обработка безэквивалентной лексики: Систематизированы три основных типа безэквивалентной лексики и подходы к их переводу:

Этнографическая безэквивалентная лексика: основной стратегией является транслитерация с комментариями, что позволяет сохранить фонетическую форму и культурный маркер, обеспечивая при этом смысловое раскрытие

Ассоциативная безэквивалентная лексика: применяются транслитерация с комментариями и контекстуальные замены.

Семантическая безэквивалентная лексика: используется комбинированный подход – поиск оптимального компромисса между адекватностью (стремление сохранить оригинальный смысл и культурный колорит) и коммуникативной эффективностью (обеспечение понятности и естественности для целевой аудитории) с учетом контекста оригинала.

3. Факторы, влияющие на выбор стратегии: Анализ показал, что выбор стратегии зависит от типа безэквивалентной лексики, культурного контекста и временного периода создания перевода. С увеличением глубины китайско-русского культурного обмена И.А. Егоров все чаще отдает предпочтение стратегиям, которые не только передают значение, но и сохраняют культурное своеобразие оригинала, минимизируя семантические потери.

В целом, исследование подтверждает, что успешный перевод безэквивалентной лексики требует от переводчика не только лингвистической компетенции, но и глубокого понимания культурного контекста обеих стран, а также способности находить баланс между буквальной точностью и коммуникативной эффективностью.

Заключение.

Настоящее исследование демонстрирует, что творческое наследие Игоря Александровича Егорова представляет собой уникальный материал для изучения эволюции подходов к переводу безэквивалентной лексики. Проведенный анализ подтверждает четкую динамику в переводческих стратегиях – от осторожной адаптации к смелому сохранению культурной аутентичности.

Перспективы дальнейших исследований видятся в более детальном сопоставительном анализе конкретных лексических единиц в разных переводах, а также в изучении принятия переведенных Егоровым произведений в русскоязычной культурной среде.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Мо Янь. Большая грудь, широкий зад / Перевод с китайского, примечание И. Егорова. СПб. : Амфора, 2013.
2. Мо Янь. Смерть пахнет сандалом / Пер. с китайского, примечание И. Егорова., К. Батыгин. М. : Эксмо, 2024. 669 с.
3. Су Тун. Последний император / Пер. с китайского, примечание И. Егорова. М. : АСТ, 2008. 277 с.
4. 莫言.丰乳肥臀 [M].北京:作家出版社, 2013.
5. 莫言.檀香刑 [M]. 上海:上海文艺出版社, 2012.
6. 苏童.我的帝王生涯 [M]. 武汉:长江文艺出版社, 2014.

References:

1. Mo Yan. Big Breasts, Wide Butt / Translated from the Chinese, note by I. Egorov. SPb. : Amphora, 2013.
2. Mo Yan. Death Smells of Sandalwood / Transl. from the Chinese, note by I. Egorov, K. Batygin. M. : Eksmo, 2024. 669 p.
3. Su Tong. The Last Emperor / Translated from the Chinese, note by I. Egorov. M. : AST, 2008. 277 p.
4. Mo Yan. Big Breasts and Wide Hips [M]. Beijing : Writers Publishing House, 2013.
5. Mo Yan. Sandalwood Death [M]. Shanghai : Shanghai Literature and Art Publishing House, 2012.
6. Su Tong. My Imperial Career [M]. Wuhan : Changjiang Literature and Art Publishing House, 2014.

Информация об авторах

Ван Юйцун

аспирант кафедры русского языка
и методики его преподавания,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт филологии и межкультурной коммуникации
a1834471058@gmail.com

Габдреева Наталия Викторовна

доктор филологических наук,
профессор,
заведующая кафедрой
русского языка как иностранного,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
ORCID: 0000-0003-0816-2672
n.gabdreeva@mail.ru

Wang Yucong

Postgraduate Student of the Department
of Russian Language and Its Teaching Methods,
Kazan (Volga Region) Federal University,
Institute of Philology and Cross-Cultural Communication
a1834471058@gmail.com

Natalia V. Gabdreeva

Doctor of Philology,
Professor,
Head of Department of Russian as a Foreign Language,
Kazan (Volga Region) Federal University,
Institute of Philology and Cross-Cultural Communication
ORCID: 0000-0003-0816-2672
n.gabdreeva@mail.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.09.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.09.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-3-3>

УДК 81'42

Attribution

cc by

СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СТУДЕНТАМ-ИНОФОНАМ ТЕКСТОВ ПО БИОЛОГИИ И АНАТОМИИ

Лупаш Н.Г., Ранджбар А., Гнетнева М.А.

Кубанский государственный медицинский университет

Аннотация. Статья посвящена изучению структурных, семантических и прагматических особенностей научного метаязыка биологии и анатомии в контексте преподавания русского языка как иностранного. Цель работы – выявление лингводидактически значимых характеристик учебных научных текстов и определение путей повышения их репрезентативности для инофонов. В качестве методологической базы использован комплексный лингвистический анализ на уровнях лексики, морфологии и синтаксиса. Выявлены типичные особенности функционирования терминологической лексики, включая синонимию, антонимию, словообразовательные модели и метафоризацию. Установлены закономерности распределения частей речи, специфика видо-временных форм глаголов и структурные особенности сложных синтаксических конструкций. Отмечена высокая степень стандартизации синтаксиса, выраженность номинативности и синтаксической компрессии. Показано, что наличие художественно-образных элементов, несмотря на их ограниченное присутствие, способствует лучшему усвоению терминов студентами-инофонами. Практическая значимость работы заключается в обосновании необходимости создания специализированных учебных пособий по дисциплинам биологического и медицинского профиля с учётом лингвистических трудностей и особенностей восприятия научных текстов обучающимися-инофонами. Новизна исследования заключается в комплексной характеристике подъязыка биологии и анатомии как лингводидактического объекта, а также в предложении лингвистических критериев оптимизации учебного текста.

Ключевые слова: научный стиль, учебный текст, терминология, метафоризация, семантизация, инофоны, подъязык биологии, подъязык анатомии, синтаксическая компрессия, лингводидактика.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE SPECIFICS OF REPRESENTING BIOLOGY AND ANATOMY TEXTS TO NON-NATIVE STUDENTS

Nataliya G. Lupash, A. Randzhbar, Maiya A. Gnetneva

Kuban State Medical University

Abstract. The article focuses on the structural, semantic, and pragmatic features of the scientific metalanguage of biology and anatomy in the context of teaching Russian as a foreign language. The aim of the study is to identify linguodidactically significant characteristics of educational scientific texts and to determine ways to enhance their representativeness for non-native learners. The methodological framework is based on a comprehensive linguistic analysis at the levels of lexis, morphology, and syntax. The study identifies typical features of terminological vocabulary functioning, including synonymy, antonymy, word-formation patterns, and metaphorization. It also establishes patterns in the distribution of parts of speech, the specificity of verb aspect-tense forms, and the structural peculiarities of complex syntactic constructions. A high degree of syntactic standardization, pronounced nominalization, and syntactic compression are observed. Despite their limited presence, figurative and image-bearing elements are shown to facilitate better acquisition of terminology by foreign students. The practical significance of the research lies in substantiating the need to develop specialized teaching materials for biological and medical disciplines that take into account linguistic difficulties and the specifics of scientific text perception by non-native learners. The novelty of the study lies in the comprehensive description of the sublanguage of biology and anatomy as a linguodidactic object, as well as in the proposed linguistic criteria for optimizing educational texts.

Keywords: scientific style, educational text, terminology, metaphorization, semantization, non-native learners, sublanguage of biology, sublanguage of anatomy, syntactic compression, linguodidactics.

Funding: Independent work.

Введение. Специфике репрезентации учебного текста и анализу эффективности данного процесса в современной лингвистике и лингводидактике посвящено большое количество работ, однако, до сих пор среди исследователей ведутся споры по вопросам основных критериев определения текста, например: считается ли текстом то, что зафиксировано в письменном виде; можем ли мы считать и называть учебным текстом устную речь или аудиозапись; в чем заключается разница между сверхфразовым единством и текстом [1, с. 15–18].

Выявление и систематизация наиболее значимых лингвистических характеристик той или иной терминологии является предварительным этапом в работе преподавателя над специальной лексикой в иностранной аудитории [7, с. 210–211].

Новизна работы связана с использованием системного анализа в исследовании учебных текстов по анатомии и биологии. Причиной выбора данного метода изучения текстов послужила необходимость дальнейшей профессиональной контекстуализации различных типов текстов по избранным дисциплинам в рамках комплексного лингвистического исследования.

Обсуждение.

Способы раскрытия значений терминов могут быть и традиционными, т.е. такими же, как для слов «общего» языка, и специфическими для определенной терминосистемы [9, с. 56–58]. Практика показывает, что целесообразно раскрытие значения видовых терминов (гипонимов) через родовые (гиперонимы) в тех терминологиях, где родо-видовые отношения наиболее развиты. Указание на подобные отношения единиц позволяют систематизировать, группировать их на логико-семантическом уровне, в рамках, обозначенных терминосистемами анализировать характерное наличие синонимических и антонимических отношений [2, с. 115–117].

Исследователи отмечают недостатки тех систем, в которых активно функционируют синонимические термины, хотя иногда наличие термино-синонимов позволяет точнее семантизировать ту или иную специальную лексику [9, с. 132–134]. Но, в большинстве случаев, функционирование синонимов в научном тексте, в том числе по биологии и анатомии, функционально непродуктивно:

Благодаря фотосинтезу, происходит улавливание энергии видимого света и превращение ее в химическую энергию, сохраняемую (запасаемую) в веществах, образуемых при фотосин-

тезе. Значение фотосинтеза для биосферы огромно.

Появление терминологических синонимов обусловлено, прежде всего, употреблением исконно русских и заимствованных наименований:

Ферменты действуют в качестве переносчиков молекул веществ, проникая (диффундируя) на противоположную сторону мембраны.

Анаболизм, или ассимиляция, представляет собой эндотермический процесс уподобления поступающих в клетку соединений веществам самой клетки.

При этом обучающиеся должны знать о терминах различного происхождения и типологии, о возникающих между ними в системе, хотя и не всегда эффективных дефиниционно и функционально, типах лексико-семантических связей [4].

Наличие терминов-синонимов нередко облегчает процесс семантизации терминологизированных единиц: продуценты – то же, что производители; мимикрия – то же, что подражание.

Способом семантизации является и указание на антонимические пары. Антонимические пары в рассматриваемых терминосистемах строятся по тем же моделям, что и у слов общелитературного языка: прокариоты и эукариоты; анаболизм и катаболизм; кальциефилы и кальциефобы. Антонимический способ семантизации заключается в указании на знакомые термины с противоположным значением.

Таким образом, подбор синонимов и антонимов способствует и семантизации, и группировке терминологических единиц.

Большую помощь в работе над терминами может оказать словообразовательный анализ, в связи с чем возникает потребность выявления наиболее продуктивных приемов терминопроизводства и словообразовательных моделей общеупотребительных слов, перешедших в разряд терминов.

Несмотря на то, что научному стилю не свойственны эмоционально-экспрессивная лексика и переносы, одним из способов образования терминов является метафоризация. Метафора концептуализирует различные области путем переноса в них понятийной системы из другой области и занимает важное место в языковой системе т.к. оказывается важнейшим познавательным механизмом, позволяющим определить сложное через простое, абстрактное через конкретное [8, с. 222–223]. Русский язык в значительной мере метафоричен, что функционально представлено

во всех типах дискурса. Эта черта также присуща и научному стилю речи [10, с. 17–18].

Результаты.

В анализируемых текстах по биологии и анатомии присутствует достаточное количество метафор, так как эти научные области и учебные дисциплины рассматривают такие процессы и объекты, понять и описать которые зачастую помогает метафоризация. Несомненно, это вызывает значительные трудности у обучаемых-инофонов.

Говоря о взаимосвязях терминологической системы и общего словарного запаса языка, нужно отметить их взаимодействие на коммуникативном уровне. Вследствие этого, при терминотворчестве возникают метафорические ассоциации, которые порождают, например, следующие термины биологического научного дискурса: *куколка – фаза развития насекомых; рыло – вытянутая передняя часть головы у животных; то же, что лицо; рыльце – верхняя часть пестика в цветке, воспринимающая пыльцу; уменьш. от рыло, – носик сосуда; зонтик – соцветие семейства сложноцветных растений; корзинка – соцветие; адмирал – бабочка семейства нимфалид; колбочка – фоторецептор сетчатки позвоночных.*

Метафора приводит к миграции языковых средств из общезыковой сферы в терминосистему весьма разнообразно и последовательно. Межнаучная миграция – переход термина из одной области в несколько других. Например, термин «морфология», первоначально определившийся в рамках биологии, в связи с расширением ряда наук мигрировал в психологию, языкознание, геологию и др. [3, с. 42–44].

Интердисциплинарная миграция охватывает все основные области знания. Например, термин «вид» возник в биологии, далее появился во всех основных сферах знания: вид психологический, литературный, вид существительного, вид рельефа и др.

При научно-общезыковой миграции единица совмещает принадлежность и к терминосистеме, и к общелитературной, терминологически не структурированной лексике. Например, «порода – созданная с помощью искусственного отбора группа животных одного вида, отличающаяся устойчивыми признаками» и «порода – разряд, тип людей, отличающихся от других своим внутренним складом, характером, обликом».

Метафоризация в рассматриваемом нами мета-языке биологии и анатомии проявляется как в сравнении какого-либо специализированного процесса с действием знакомого всем механизма, так и в процессе словотворчества. Примером сравнения может служить следующее утверждение:

Поддержание необходимой концентрации этих ионов в клетке обеспечивается благодаря

наличию в клеточной мембране системы, которая служит ионным насосом. Такой насос «откачивает» ионы Na^{+} клетки в среду и «накачивает» ионы K^{+} из среды в клетку.

Таким образом, процесс концентрации ионов сравнивается с насосом, действие которого всем, в принципе, должно быть известно адресантам.

Но в языке биологии проявляются и другие формы метафоризации – образование новых терминологизированных слов на основе метафорического переноса и в рамках образования развернутой метафоры. Таковыми, на наш взгляд, являются включения в следующих примерах:

У клеток большинства видов организмов плазматическая мембрана содержит микроворсинки, различные выпячивания, впячивания и выросты.

Фагоцитоз представляет собой процесс, при котором клетки захватывают (обволакивают) твердые частицы за счет выпячиваний клеточной мембраны. Впячиваясь затем в толщину цитоплазмы, частицы перевариваются с помощью ферментов и усваиваются.

Канальцы после заполнения жидкостью отшнуровываются и поступают в цитоплазму.

Как видно из первых двух примеров, при помощи метафоризации образовался не только терминологизм, но и целая его парадигма: выпячивание, впячиваться, впячиваясь. При этом наблюдается избыточность терминов «выпячивание» и «вырост», так как понятийной разницы между ними не наблюдается. Из третьего примера видно, что парадигма общелитературного слова «шнур» пополнилась глаголом «отшнуровываться».

В научном тексте должна присутствовать логика, ясность и последовательность, поэтому метафоры и различные художественные средства выразительности не характерны для такого рода текстов. Они противоречат объективности, что является еще одним важным классиологическим критерием научного дискурса [5]. В свою очередь, в современных научных текстах все чаще функционально проявлены тропы, характерные для языка художественной литературы. Элементы образной речи могут использоваться в них, несмотря на то что в научных текстах характерно однозначное, четкое и прямое выражение мысли.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что последнее время специалисты по методике преподавания языка все чаще обращаются к проблеме метафоризации в научно-популярных и научных учебных текстах [11, с. 1029–1031]. И, несмотря на всю строгость и лаконичность научных текстов, художественные средства выразительности являются их неотъемлемой частью и помогают сделать материал определенных разделов более репрезентативным.

Необходимо отметить, что избирательность и тенденция к многократной повторяемости затрагивают практически все морфологические категории исследуемых научных учебных текстов. Данная стратификация обнаруживается уже при анализе употребления в научных текстах разных частей речи, среди которых господствуют имена, особенно имена существительные и прилагательные, активно отглаголивающие глагол. Прцентное соотношение в употреблении разных частей речи в подязыке биологии и анатомии (с учетом статистической количественной и качественной относительности) можно представить следующим образом: существительные – 39,4 %, прилагательные – 14,8 %, глаголы – 9,8 %, причастия – 14,6 %, деепричастия – 4,1 %, наречия – 3,2 %, местоимения – 5 %, числительные – 1,3 %.

Поведение глагола в научной речи весьма специфично. Ранее говорилось о его лексико-семантических особенностях: десемантизации, актуализации прежде всего формально-грамматических, а не семантических характеристик.

Морфология глагола в научном тексте характеризуется спецификой функциональных черт. Особый интерес представляют видо-временные формы глагола. Абсолютное большинство глаголов (78,3 %) в анализируемых текстах по биологии и анатомии употребляется в форме настоящего времени, значительно меньшая часть (13,4 %) – в форме будущего и еще меньше – в форме прошедшего времени. Также наблюдается явное преобладание категории несовершенного вида (57,7 %).

В области служебных частей речи действуют те же тенденции – избирательность, многократная повторяемость, что и в группах знаменательной, полнозначной лексики. Так, в обследованных нами текстах по биологии и анатомии представлен 61 предлог, а количественную прикреплённость предлогов к определенным падежам (комментировав только проанализированные нами словоупотребления) можно охарактеризовать следующим образом: родительный падеж – 39 предлогов, творительный – 11, винительный – 9, дательный – 4, предложный – 4.

На первом месте предлог в (34,6 % словоупотреблений), затем при (12,5 %). Если к ним присоединить предлоги на, у, из, по, к, от, для, с, под, через, с после, то вместе они составляют значительную массу словоупотреблений. При этом эти предлоги последовательно встречаются во всех типах научных текстов – психологических, химических, биологических и пр., т.е. они не только наиболее частотные, но и наиболее распространенные, тематически продуктивные.

Вторая группа непроизводных предлогов – до, за, о, без, перед, между, внутри, около и др. тоже тематически распространена, т.е. они встречаются во всех типах текстов, но менее частотны.

Также в анализируемых типах текста следует обратить внимание на грамматическую специ-

фику синтаксиса сложного предложения. В составе сложноподчиненных предложений сохраняются и максимально проявляются лишь некоторые обобщенные значения и отношения: изъяснительные, определительные, цели и условия. Менее распространены временные, которые отличаются сравнительно небольшим разнообразием в оттенках передаваемых значений, причинно-следственные, уступительные и некоторые другие, характеризующиеся той же безличной-обобщенной спецификой.

В качестве главных широко представлены охарактеризованные выше безличные, неопределенно- и обобщенно-личные предложения. Высокой частотой употребления обладают сложноподчиненные предложения с придаточными условиями, причем в языке русской научной прозы преобладают условные предложения с союзной связью; бессоюзное условное предложение для него менее типично. Распространены и предложения со значением цели. Логическая последовательность в изложении научных фактов усиливается благодаря широкому употреблению придаточных предложений причины и следствия. Остальные виды придаточных предложений – причинно-следственные, уступительные меры и степени, образа действия – занимают в описываемом стиле более скромное место.

Рассмотрение и оценка синтаксиса простого и сложного предложения позволяют сформулировать еще одно положение, свидетельствующее о специфике научного метаязыка. В нем на синтаксическом уровне последовательно действует так называемая синтаксическая компрессия, конденсация, т.е. применение номинативных элементов или оборотов в предложении, которое в других стилях или сопоставляемых языках заменяет придаточное предложение, а также зависимость между распространенными глагольными конструкциями и соответствующими нераспространенными именными конструкциями.

Она выражается уже в самом факте широкого использования односоставных предложений, пропуска субъекта в неопределенно- и обобщенно-личных предложениях, в предпочтительно номинативном оформлении процесса или действия, в выражении различных логикосмысловых отношений средствами простого осложненного предложения там, где в общелитературном языке встречаем сложноподчиненные предложения, в результате чего на месте ожидаемых придаточных предложений имеем соотносительные с ними предложно-падежные группы. Устранение глагола увеличивает информативную нагрузку имени, т.е. конденсирует ее, сокращает протяженность речевого сигнала, что тоже небезразлично для научного изложения.

Легко обнаруживаемой стилистической приметой научных текстов являются многообразные связочные средства, соединяющие отдельные предложения в сложное синтаксическое целое. Их анализ показывает, что синтаксис сложного предло-

жения в научной речи отличается сложносоставностью, при которой предложения не соподчиняются, а скорее нанизываются, и это создает синтаксические построения, неповторимые в других стилевых разновидностях.

В роли средств связи, помимо привычных союзов и союзных слов, выступают слова и словосочетания, принадлежащие к знаменательным классам слов – местоимения, наречия, причастия и прилагательные.

Замечая те или иные элементы текста, устанавливая связь с последующим или предыдущим контекстом, эти связочные средства освобождают пишущего и читающего от повторения слов и сообщений, известных или воспринимаемых из контекста. Среди данных средств в анализируемых текстах можно выделить следующие группы:

1. Вначале, сначала, прежде всего, в первую очередь, предварительно, сейчас, теперь, указывающие на начало рассуждения:

Вначале глюкоза превращается во фруктозо-1,6-дифосфат в результате фосфорирования.

Сейчас человек находится в наиболее агрессивной стадии своего развития.

Слова одновременно, в то же время, наряду с, при этом, вместе с тем, только что, уже, раньше, ранее, опять, еще раз, снова, вновь, в заключение, в итоге указывают на одновременность присоединения;

2. Еще, затем, позже, позднее, впоследствии, дальше, далее, в дальнейшем, в последующем, впредь указывают на последующее сообщение:

В дальнейшем *ячеистое строение многих растений наблюдали итальянец М. Мальпиги и англичанин Н. Грю. Далее происходит перенос фосфатной группы с 1,3- БФГ на АДФ.*

3. Здесь, тут, там, туда, всюду, выше, ниже, указывающие на пространственные отношения.

4. Точно так, совершенно так, так же, так, таким образом, подобным образом, иначе, по-иному, выражающие отношения способа действия:

Таким образом, в соответствии с моделью Д. Уотсона и Ф. Крика ДНК представляет собой *скрученную в направлении слева направо двойную спираль.*

5. Тогда, в этом (данном, таком случае), отсюда, тем самым, в результате, выражающие причинные, условные и следственные отношения.

6. Местоимения он, она, они, тот, этот, такой, таков, его, ее, их.

Такой процесс передачи энергии мы будем называть *тепловой передачей энергии или теплообменом;*

7. Прилагательные и причастия, выполняющие двоякую роль:

Все названные *мышцы принимают поочередное участие в круговом движении кости;*

а) указывают на связь с предыдущим контекстом: последний, предыдущий:

– предшествующий, данный, соответствующий, вышеописанный, вышеуказанный, прежний, вышеприведенный, вышеупомянутый, изложенный, найденный, описанный, перечисленный, рассмотренный, сделанный, указанный, упомянутый;

б) указывают на связь с последующим контекстом: следующий, нижеследующий, последующий, предстоящий, дальнейший, приводимый, разыскиваемый, рассматриваемый.

В исследуемых научных текстах примечательна не сложность предложений, а их большая длина и сложносоставность, что, по-видимому, обусловлено и преимущественно письменной формой научного стиля. Синтетический характер научного изложения, информативная насыщенность каждого предложения, его длина и структурная сложность – признаки взаимосвязанные: научные тексты, рассчитанные на прочтение, более традиционны и стандартны по форме изложения, ограничены набором предпочтительных типов изложения, из которых конструируется высказывание.

Заключение.

Таким образом, не только научный стиль в целом имеет свои особенности, отличающие его от других функциональных стилей, но и каждый подязык науки имеет свои отличительные черты. Рассматриваемые метаязыки биологии и анатомии также имеют свои структурные и функциональные особенности. Эти черты выделяются на всех уровнях языка, они определяют избирательность, ограниченность в выборе языковых средств и обособленность языка данных учебных научных текстов.

На лексическом уровне наблюдается ограниченность словарного запаса, многократная повторяемость одного и того же слова, десемантизация. Важную роль здесь играют термины, являясь одной из значимых подсистем метаязыка биологии и анатомии [6, с. 112–114].

В морфологии также наблюдается избирательность и тенденция к многократной повторяемости. Морфологическим категориям в исследуемых научных и учебных текстах присущи ярко выраженные оригинальность, автономность и избирательность обязательных и вариантных категорий. Синтаксис научных текстов данного типа наряду с избирательностью и обособленностью значений и типов синтаксических конструкций отличается стандартизованностью и универсальностью значений и построений, обязатель-

ностью их использования, высокой степенью концентрации ограниченного количества типов предложений.

Таким образом, метаязык биологии и метаязык анатомии, обладающие функциональными особенностями и отличающиеся от общелитературного языка и языков других наук, необходимо системно изучать, в том числе и для более эф-

фективного и качественного овладения соответствующей специальностью. Отсюда правомерна и постановка вопроса об актуальности создания учебников, учитывающих профиль специальности в практике преподавания указанных дисциплин и русского языка как иностранного с учетом уровня подготовки студентов-инофонов и использованием современных аутентичных текстов.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования : монография. 2. изд. М. : УРСС, 2004.
2. Гринев-Гриневиц С.В. Введение в терминологию. М., 2009. 224 с.
3. Гринев-Гриневиц С.В. Основы антропологистики. М., 2008.
4. Занковский А.Н. Введение в профессию : учеб. пособие. М. : Изд. центр ЕОАИ, 2009. 71 с.
5. Золотухина Т.О. Психолого-педагогические условия оптимизации понимания учебных текстов студентами-психологами. Курск, 2009.
6. Кузнецова О.В. Введение в профессию: психолог : учебник и практикум для академического бакалавриата. М. : Издательство «Юрайт», 2019. 440 с.
7. Немыка А.А. Функционально-семантическое моделирование формирования специальной лексики прикладной лингвистики // Вестник Поморского ГУ. 2009. № 10. С. 210–214.
8. Сабина А.А. Учебный текст: структура и прагматика // Известия Российского государственного университета им. А.И. Герцена. 2009. № 97. С. 222–225.
9. Суперанская А.В. Общая терминология: Вопросы теории / А.В. Суперанская, Н.В. Васильева, А.В. Подольская. М., 2019. 246 с.
10. Шатилов А.С. Гуманитарные науки : учеб. пособие по языку. СПб. : Златоуст, 2011. 56 с.
11. Яхиббаева Л.М. Учебный текст как особый вид вторичного текста и составляющая учебного дискурса // Вестник Башкирского университета. 2008. № 4. С. 1029–1031.

References:

1. Galperin, I.R. Text as an object of linguistic research : monograph. 2nd ed. M. : URSS, 2004.
2. Grinev-Grinevich S.V. Introduction to terminology. M., 2009. 224 p.
3. Grinev-Grinevich S.V. Fundamentals of anthropolinguistics. M., 2008.
4. Zankovsky A.N. Introduction to the profession : textbook. M. : Publishing House of the EOAI Center, 2009. 71 p.
5. Zolotukhina T.O. Psychological and pedagogical conditions for optimizing the understanding of educational texts by psychology students. Kursk, 2009.
6. Kuznetsova O.V. Introduction to the profession: psychologist : textbook and practical course for academic baccalaureate. M. : Yurayt Publishing House, 2019. 440 p.
7. Nemyka A.A. Functional and semantic modeling of the formation of special vocabulary of applied linguistics // Bulletin of the Pomor State University. 2009. № 10. P. 210–214.
8. Sabinina A.A. Educational text: structure and pragmatics // News of the Russian State University named after A.I. Herzen. 2009. № 97. P. 222–225.
9. Superanskaya A.V. General Terminology: Theoretical Issues / A.V. Superanskaya, N.V. Vasilyeva, A.V. Podolskaya. M., 2019. 246 p..
10. Shatilov A.S. Humanities : textbook on language. SPb. : Zlatoust, 2011. 56 p.
11. Yahibbaeva L.M. Educational text as a special type of secondary text and a component of educational discourse // Bulletin of the Bashkir University. 2008. № 4. P. 1029–1031.

Информация об авторах

Лупаш Наталия Григорьевна

кандидат медицинских наук,
доцент,

Lupash Natalia Grigorievna

Candidate of Medical Sciences,
Associate Professor,

кафедра педиатрии № 1,
Кубанский государственный
медицинский университет
lupashng@yandex.ru

Ранджбар Арианна

студентка 6 курса кафедры педиатрии № 1,
Кубанский государственный
медицинский университет
annemyka@yandex.ru

Гнетнева Майя Алексеевна

студентка 6 курса кафедры педиатрии № 1,
Кубанский государственный
медицинский университет
annanemyka@mail.ru

Department of Pediatrics № 1,
Kuban State Medical University
lupashng@yandex.ru

Ranjbar Arianna

6th year Student of the Department of Pediatrics № 1,
Kuban State Medical University
annemyka@yandex.ru

Gnetneva Maya Alekseevna

6th year Student of the Department of Pediatrics № 1,
Kuban State Medical University
annanemyka@mail.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 17.07.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.08.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-3-1>
УДК 343

Attribution
cc by

ИНЦЕСТ В РОССИИ: ПРАВОВЫЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Бикмашев В.А., Савенко И.А.

Краснодарский университет МВД России

Аннотация. Проблема инцеста, несмотря на её глубокую историческую и культурную обусловленность некоторых регионов, остается одной из наиболее деликатных и недостаточно изученных тем в современной юридической и социальной науках. Цель исследования – изучение проявления инцеста в российском обществе, рассмотрение правовых, социальных и психологических аспектов проблемы инцеста, международного опыта регулирования данного вопроса. Задачи исследования: выявление моральных, этических и генетических рисков, формирующих общественную опасность инцеста и уголовно-правовые меры борьбы с данным явлением. Методология исследования основана на анализе статистических данных, фактических событий, системном анализе негативных последствий для жертвы инцеста, сравнительном подходе. Результаты исследования представлены внесением предложений о криминализации как отдельной нормы об инцесте, так и внесения квалифицирующего признака и обстоятельства отягчающего наказание.

Ключевые слова: инцест, близкие родственники, действия сексуального характера, латентность.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

INCEST IN RUSSIA: LEGAL, SOCIAL, AND PSYCHOLOGICAL ASPECTS

Vitaly A. Bikmashev, Irina A. Savenko

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. The problem of incest, despite its deep historical and cultural roots in certain regions, remains one of the most sensitive and understudied topics in modern legal and social science. The purpose of this study is to examine the manifestations of incest in Russian society, as well as the legal, social, and psychological aspects of the incest problem and the international experience in regulating this issue. The objectives of the study include identifying the moral, ethical, and genetic risks that contribute to the social danger of incest and the criminal law measures to combat this phenomenon. The research methodology is based on the analysis of statistical data, actual events, a systematic analysis of the negative consequences for the victim of incest, and a comparative approach. The results of the study are presented by making proposals for the criminalization of both a separate norm on incest and the introduction of a qualifying feature and an aggravating circumstance.

Keywords: incest, close relatives, sexual acts, latency.

Funding: Independent work.

*Семья – это общество в миниатюре,
от целостности которого зависит безопасность всего большого человеческого общества.
Феликс Аллер [7].*

Введение.

Указом Президента Российской Федерации в качестве инструмента реализации стратегического национального приоритета признана защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, к которым относятся: достоинство, права и свободы человека, высокие нравственные идеалы, крепкая семья [2].

2024 год, в целях популяризации государственной политики в сфере защиты семьи и сохранения традиционных семейных ценностей, был объявлен годом семьи [7].

Всем известно, что, начиная с советских времен, семья считается ячейкой общества. В России, как и во многих других странах, институт семьи традиционно рассматривается как основа обще-

ства, однако, существующие пробелы в законодательстве оставляют без внимания такие серьезные угрозы семейной структуре, как кровосмешение.

Несмотря на то, что инцест связан с моральными, этическими и биологическими рисками, российское уголовное право до сих пор не содержит специальной нормы, предусматривающей правовую ответственность за подобные деяния.

Инцест представляет собой сложное социально-правовое явление, которое может принимать различные формы: от насильственных действий в отношении близких родственников до добровольных сексуальных отношений между ними.

Согласно исследованиям, около 25 % мужчин, ставших жертвами инцеста, сообщили, что преступление было совершено матерью в отношении сына [14]. Это подчеркивает важность учета гендерного аспекта при анализе данного феномена. Однако проблема инцеста выходит далеко за рамки частных случаев и требует комплексного подхода, включающего как правовое регулирование, так и психологическую, и социальную поддержку его жертв. Например, исследование, проведенное организацией «Сестры», показало, что более 30 % респондентов знали хотя бы одного человека, пережившего инцест, но лишь 5 % из них обратились за помощью в правоохранительные органы [13]. Эти данные наглядно демонстрируют высокий уровень латентности инцеста и необходимость введения специальных мер для его выявления и пресечения.

Существующая система уголовного права в России не позволяет эффективно противодействовать инцесту. В Уголовном кодексе РФ отсутствует отдельная статья, предусматривающая ответственность за кровосмешение. При этом согласно исследованию А.В. Наумова, инцест часто маскируется под другие виды сексуальных преступлений, таких как изнасилование или насильственные действия сексуального характера (статьи 131 и 132 УК РФ) [11].

Однако такой подход не учитывает специфику инцеста, который отличается особым характером взаимоотношений между преступником и жертвой. Самым уязвимым звеном в цепочки близких родственников являются дети, которые находятся:

- во-первых, в зависимом положении от своих родителей и старших членов семьи;
- во-вторых, испытываемое чувство привязанности, любви к ним, а также стыд и страх не позволяют им обратиться за помощью к посторонним лицам;
- в-третьих, встречаются случаи, когда в процессе воспитания им внушаются мысль о допустимости таких отношений как естественных.

Результаты.

Коллектив авторов на основе проведенного анализа внес предложения, направленные на кри-

минализацию инцеста в российском уголовном законодательстве:

- 1) дополнить статьи 131 и 132 УК РФ, квалифицирующим признаком, связанными с совершением преступления близким родственником. Это позволит учитывать специфику инцеста при назначении наказания и повысить эффективность правоприменения;
- 2) внести в ст. 63 УК РФ отягчающее обстоятельство, связанное с совершением преступлений, против половой свободы либо половой неприкосновенности близким родственником;
- 3) включить в главу 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности», новую статью, предусматривающую запрет на кровосмешение. Данная норма должна охватывать как насильственные, так и добровольные сексуальные отношения между близкими родственниками, чтобы исключить манипуляции и давления на жертв инцеста, а самое главное – биологические риски рождения детей с патологиями.

По глубокому убеждению авторов, предлагаемые уголовно-правовые меры по криминализации инцеста, направленные на ликвидацию правового вакуума, значительно снизят латентность данного вида преступлений и повысят уровень защищенности в первую очередь, наиболее уязвимых категорий граждан: малолетних и несовершеннолетних.

Обсуждение.

Анализ зарубежного законодательства показал, что в уголовном законодательстве многих странах содержится норма, запрещающая инцест. Например, статья 173 Уголовного кодекса Германии предусматривает уголовную ответственность за половые отношения между близкими родственниками, независимо от согласия сторон [4].

В то же время, такая ответственность предусмотрена в Австралии, Канаде, Чили, Дании, Англии (и Уэльсе), Германии, Греции, Венгрии, Италии, Польше, Румынии, Швеции, Швейцарии, а также в ряде штатов США [9].

Ответственность за инцест отсутствует в уголовном законодательстве Франции, Нидерландов, Турции, Китая, Испании, Израиля, американских штатах Род-Айленд, Нью-Джерси и Мичиган, а также – в России.

В уголовном законодательстве Республики Узбекистан содержится запрет на насильственное вступление в половые отношения как в естественной, так и иной форме с близким родственником [5], а в Республике Казахстан – с несовершеннолетней (ним) родителем, отчимом, педагогом либо иным лицом, на которое возложены обязанности по ее (его) воспитанию [6].

Одним из ключевых аргументов в пользу криминализации инцеста является его влияние на психическое здоровье жертв. Инцест - сексуальное насилие взрослого по отношению к ребенку, считает психолог Нина Основина. Это крайнее проявление неравных отношений, когда сильный использует свою силу и власть в отношении слабого. По статистике, в роли этого взрослого в 95% случаев выступает мужчина. Чаще всего, отец, отчим или дядя, который должен нести полную ответственность – юридическую и моральную [10].

Самым опасным представляется педофильный инцест, который оставляет неизгладимый след в психике ребенка. Дети также подвержены риску повторного насилия, так как часто не имеют возможности защитить себя из-за возраста и зависимости от преступника. Как правило, 60% жертв инцеста получают психологическую травму, которая в последующем приводит не только к психологическим, но и психическим расстройствам, требующим длительного реабилитационного периода, формирует неправильные нравственные ориентиры [13].

Высокая степень латентности инцеста не позволяет вывить и представить полную картину пораженности нашего общества таким негативным явлением и выработать эффективные меры противодействия. По данным исследований, только одно преступление из 50 становится достоянием правосудия [12].

Кроме вышеуказанных причин, характерных для поведения жертвы инцеста, члены семьи, которым становится известно о наличии данного явления, предпочитают скрывать от посторонних не только факт его совершения, но и, зачастую, из-за своего бездействия провоцируют его продолжение. Так, в Северной Осетии-Алании семилетняя девочка М. систематически на протяжении десяти лет, подвергалась актам инцеста со стороны своего старшего брата Б., а ее мать, достоверно знала о происходящем, но не смогла повлиять на поведение сына. В правоохранительные органы не обращалась, опасаясь огласки и привлечения сына к уголовной ответственности. М. в феврале 2024 г. обратилась за помощью к своему дяди Р., который проживал в Москве. Р.; приехав во Владикавказ, он обратился с заявлением в прокуратуру. По факту изнасилования было отказано в возбуждении уголовного дела, на основании п. «г» ч. 1 ст. 78 УК РФ. В отношении Б. было возбуждено уголовное дело по ч.2 ст. 134 УК РФ. Суд признал его виновным в инкриминируемом преступлении и назначил наказание в виде лишения свободы сроком на 6 лет; в качестве альтернативы отбывания наказания Б. освободили от уголовной ответственности в связи с подписанием контракта о прохождении военной службы в зоне СВО [15].

Таким образом, отсутствие специальной нормы в уголовном законодательстве создает условия для безнаказанности преступников и усугубляет

положение жертв. Например, в 2021 году в статье «Семейные преступления: как в России живут жертвы инцеста» рассказывалось о случае, когда женщина сообщила, что уже с 15 лет подвергалась сексуальному насилию со стороны своего отца. Автор отметила, что такие истории в России крайне сложно расследовать из-за отсутствия четкого законодательного регулирования и систематической статистики [16].

Помимо психологических последствий, инцест также связан с биологическими рисками. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), вероятность наследственных заболеваний у детей, рожденных от близкородственных браков, возрастает в 2–3 раза по сравнению с детьми, рожденными от неродственных пар [8]. Это связано с повышенным риском передачи рецессивных генов, которые могут вызывать такие заболевания, как муковисцидоз, фенилкетонурия и другие генетические патологии. Важно отметить, что даже при отсутствии явных признаков заболеваний у первого поколения, риск их проявления у внуков и правнуков существенно возрастает. Это делает близкородственные браки не только морально, но и биологически опасными. В связи с этим, на основании положения ст. 14 Семейного кодекса РФ, запрещено заключать браки между близкими родственниками по прямой восходящей и нисходящей линии полнородными и неполнородными братьями и сестрами [1]. Данное положение в незначительной степени может повлиять только на уровень роста официального добровольного инцеста.

Приведем еще один пример: 40-летняя Анастасия Аргунова из села Тонулу Мегино-Кангаласского улуса отважилась рассказать историю инцеста, которая повторилась в ее семье во втором поколении. В подростковом возрасте она узнала, что ее биологическим отцом является ее родной дедушка. Мать Анастасии не смогла оградить свою дочь от такой же участи. Анастасия повторила судьбу своей матери, став жертвой своего отчима-педофила, который впервые изнасиловал девочку, когда той было 17 лет, когда ее мать находилась в командировке в Якутске. Мужчина спланировал изнасилование: подсыпал жертве снотворное, а чтобы добиться молчания, угрожал расправиться с родными. И девочка молчала, зная, что ее мать сама жертва отца-педофила. В ноябре 2003 года она родила дочь, скрыв имя биологического отца, а в 2015 г. отчим-педофил умер во время пожара. Анастасия поделилась, что выросла психологически травмированной женщиной: из-за инцеста у неё слабый слух и ряд другие заболеваний, развившихся из-за длительной психологической травмы. В 2022 году у нее без причины отказала нога. Она высказала пожелания о необходимости ведения в Якутии профилактической и просветительской работы, чтобы жертвы инцеста не молчали, а могли обратиться за помощью [17].

Инцест не только разрушает семьи, но и способствует распространению менталитета «замалчивания» проблем внутри семьи, оказывает негативное влияние на общество в целом. По данным исследований, дети, пережившие инцест, чаще становятся жертвами других форм насилия, включая домашнее насилие и эксплуатацию. Это создает цепную реакцию, которая усиливает социальную нестабильность.

Заключение.

На основе проведенного анализа, можно констатировать, что криминализация инцеста является необходимым шагом для защиты семьи и общества от серьезных угроз. Отсутствие специальной нормы в уголовном законодательстве создает условия для безнаказанности преступников и усугубляет положение жертв. Международный

опыт показывает, что введение уголовной ответственности за инцест возможно и эффективно.

Для успешной реализации этих мер потребуются широкое общественное обсуждение и подготовка правоохранительных органов, судей и психологов к работе с подобными случаями. Кроме того, важно создать систему поддержки жертв инцеста, включающую психологическую помощь, юридическое сопровождение и социальную реабилитацию.

Реализация внесенных предложений будет способствовать повышению общественной безопасности и защищенности социальной группы граждан, объединенных в семью.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025). URL : Доступ из справочной правовой системы СПС «КонсультантПлюс».
2. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения 20.06.2025).
3. Указ Президента Российской Федерации от 22.11.2023 № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи». URL : <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311220013?> (дата обращения 20.06.2025).
4. Уголовный кодекс Германии (StGB) § 173. Инцест. Федеральное министерство юстиции Германии. URL : https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/_173.html (дата обращения 20.06.2025).
5. Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2012-XII (с изм. и доп. по состоянию на 12.08.2023 г.). URL : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110 (дата обращения 22.06.2025).
6. Уголовный кодекс Республики Казахстан : практическое пособие. Алматы : «Издательство «Норма К», 2021. 268 с.
7. Аллер, Феликс – основатель «Общества этической культуры», педагог и писатель, автор восьми философских книг и ряда статей род. в Альцее в 1851 году.
8. Всемирная организация здравоохранения. Консультативный доклад «Риски близкородственных браков». Женева : ВОЗ, 2018.
9. Краткий обзор законов американских штатов об уголовной ответственности за инцест на английском языке. URL : http://www.ndaa.org/pdf/criminal_incest%20chart%20_2010.pdf. Полные тексты норм американских штатов об уголовной ответственности за инцест (на англ. языке). URL : http://www.artesana.com/articles/incest_laws_nov_03.pdf (дата обращения 20.07.2025).
10. Кровосмешение / АиФ Санкт-Петербург. URL : <https://spb.aif.ru> (дата обращения 20.07.2025).
11. Наумов А.В. Пробелы в уголовном законодательстве: проблемы теории и практики. М. : Юрлитинформ, 2019. 345 с.
12. Отчет о последствиях сексуального насилия в семье / Российский научно-исследовательский институт психиатрии. М., 2021.
13. Отчет о случаях насилия в семье в России // Правозащитный центр «Сестры». М. : 2021.
14. Отчет о последствиях сексуального насилия в семье // Российский научно-исследовательский институт психиатрии. М., 2021.
15. Уголовное дело СК России по РСО-Алания № 1-118/2024.
16. Семейные преступления: как в России живут жертвы инцеста // «Новая газета». Якутянка поделилась с журналистами ужасающей историей двойного инцеста в своей семье. 2022. URL : <https://portamur.ru/neighbours/yakutyanka-podelilas-s-jurnalistami-ujasayuschey-istoriey-dvoynogo-intsesta-v-svoey-se-me> (дата обращения 19.07.2025).

References:

1. The Family Code of the Russian Federation dated December 29, 1995 № 223-FZ (as amended and supplemented, intro. effective from 02/05/2025). URL : SPS «ConsultantPlus» legal reference system.
2. Decree of the President of the Russian Federation dated 09.11.2022 № 809 «On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values». URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (date of application on 20.06.2025).
3. Decree of the President of the Russian Federation № 875 dated 22.11.2023 «On the Year of the Family in the Russian Federation». URL : <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311220013?> (date of application 20.06.2025).
4. German Criminal Code (StGB) § 173. Incest. Federal Ministry of Justice of Germany. URL : https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/_173.html (date of application 20.06.2025).
5. Criminal Code of the Republic of Uzbekistan dated September 22, 1994, № 2012-XII) (with amendments and additions. as of 12.08.2023). URL : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110 (date of application 22.06.2025).
6. Criminal Code of the Republic of Kazakhstan: A Practical Guide. Almaty : Norma K Publishing House, 2021. 268 p.
7. Aller, Felix – the founder of the Society of Ethical Culture, a teacher and writer, the author of eight philosophical books and a number of articles. Born in Alzea in 1851.
8. World Health Organization. Advisory Report «Risks of Incestuous Marriages». Geneva : WHO, 2018.
9. A brief overview of American state laws on criminal liability for incest in English. URL : http://www.ndaa.org/pdf/criminal_incest%20chart%20_2010.pdf. Full texts of American state laws on criminal liability for incest (in English). URL : http://www.arte-sana.com/articles/incest_laws_nov_03.pdf (date of application 20.07.2025).
10. Incest / AiF St. Petersburg. URL : <https://spb.aif.ru> (date of application 20.07.2025).
11. Naumov A.V. Gaps in Criminal Legislation: Problems of Theory and Practice M. : Yurlitinform, 2019. 345 p.
12. Report on the consequences of sexual violence in the family / Russian Research Institute of Psychiatry. M., 2021.
13. Report on cases of domestic violence in Russia / Human Rights Center «Sisters». M., 2021.
14. Report on the consequences of sexual violence in the family // Russian Research Institute Psychiatry. M., 2021.
15. Criminal Case of the Investigative Committee of Russia for the Republic of North Ossetia-Alania № 1-118/2024-16.
16. Family crimes: how incest victims live in Russia» // «Novaya Gazeta». A Yakut woman shared a horrifying story of double incest in her family with journalists. 2022. URL : <https://portamur.ru/neighbours/yakutyanka-podelilas-s-jurnalistami-ujasayuschey-istoriei-dvoinogo-intesta-v-svoey-seme> (date of application 19.07.2025).

Информация об авторах

Бикмашев Виталий Абдулхаевич

Заслуженный юрист Кубани,
кандидат юридических наук,
доцент,
профессор кафедры уголовного права
и криминологии,
Краснодарский университет МВД России
ORCID: 0009-0004-7747-7218
bikmashev@gmail.com

Савенко Ирина Алексеевна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России
ORCID: 0009-0007-8840-2440
irinaasavenko@mail.ru

Vitaly A. Bikmashev

Honored Lawyer of the Kuban region,
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Professor of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
ORCID:0009-0004-7747-7218
bikmashev@gmail.com

Irina A. Savenko

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
ORCID: 0009-0007-8840-2440
irinaasavenko@mail.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 27.07.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 29.08.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-3-6>
УДК 340

Attribution
cc by

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НАКАЗАНИЯ ВОЕННОПЛЕННОГО: ПРЕДЛОЖЕНИЯ ДЛЯ ЗАКОНОДАТЕЛЯ

Вишневецкий К.В.¹, Кашкаров А.А.²,

¹Краснодарский университет МВД России,

²Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Аннотация. Целью публикации является исследование аргументации и практики применения норм об освобождении от уголовной ответственности военнопленных. В ходе исследования использовались общенаучные (анализ, синтез, индукция и дедукция) и специально-научные (исторический, социологический) методы познания, а также метод контент-анализа. В процессе подготовки публикации использовались достижения отечественной теории уголовного права. В результате проведенного исследования сделаны выводы о необходимости расширения института освобождения от уголовной ответственности и наказания, путем добавления в УК РФ положений об освобождении от ответственности и наказания военнопленных, полученные результаты могут быть использованы при дальнейшем анализе положений института освобождения от уголовной ответственности и наказания, а также в законодательной практике.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, освобождение от наказания, суд, приговор, военнопленный, уголовно-правовой статус.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY AND PUNISHMENT OF PRISONERS OF WAR: PROPOSALS FOR THE LEGISLATOR

Kirill V. Vishnevetskiy¹, Alexey A. Kashkarov²

¹Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

²Crimean branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. The purpose of this publication is to examine the reasoning and practical application of provisions on exemption from criminal liability for prisoners of war. The study utilized general scientific (analysis, synthesis, induction and deduction) and specialized scientific (historical, sociological) research methods, as well as content analysis. Advances in Russian criminal law theory were also incorporated into the preparation of this publication. The study concludes that the institution of exemption from criminal liability and punishment should be expanded by adding provisions on exemption from liability and punishment for prisoners of war to the Criminal Code of the Russian Federation. The findings can be used in further analysis of the provisions of the institution of exemption from criminal liability and punishment, as well as in legislative practice.

Keywords: exemption from criminal liability, exemption from punishment, court, sentence, prisoner of war, criminal status.

Funding: Independent work.

Введение.

Объявление мобилизации или военного времени, введение военного положения приводит к объективному появлению новых и трансформации существующих общественных отношений. Их появление и трансформация однозначно требует законодательной регламентации. С момента начала проведения Специальной военной операции (далее – СВО) законодателем проделан значительный объем правотворческой работы:

– в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) внесены существенные изменения, которые направлены на охрану авторитета Вооруженных Сил Российской Федерации (ст. 2073 УК РФ и ст. 2803 УК РФ);

– выработаны и сформулированы новые, ранее не существовавшие субинституты освобождения от уголовной ответственности (ст. 781 УК РФ) и наказания (ст. 802 УК РФ);

– сформулированы особые положения обеспечивающие досрочное погашение судимости (ч. 31 ст. 86 УК РФ).

Однако некоторые из проблем, которые возникли в связи с проведением СВО еще не нашли своего законодательного разрешения. Одной из таких, неразрешенных проблем является уголовно-правовой статус военнопленного. Представители научного сообщества обращали на эту проблему внимание.

Так А.П. Скиба указывает на то, что российское уголовно-исполнительное и иное законодательство не регламентирует вопросы обращения с военнопленными и не готово к их решению, ввиду чего при возникновении рассматриваемых ситуаций основное внимание будет уделяться международно-правовому регулированию, где в отношении военнопленных предусматривается применение отдельных правовых институтов [1, с. 341].

Также Д.Р. Свердлов отмечает, что закрепление статуса военнопленного в федеральном законодательстве будет способствовать развитию уголовно-правовой политики, формированию правовых гарантий для данной категории лиц [2, с. 413–418].

Обсуждение.

Как нам представляется, правовая категория «военнопленный» не является ни уголовно правовой, ни уголовно-процессуальной, в национальном законодательстве ее содержание раскрывается фрагментарно в нормах и положениях и встречается в Законе Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» [3, с. 83].

Более детально эта категория раскрыта в нормах международного права, а именно в Женевской конвенции об обращении с военнопленными (Конвенция III), заключена 12 августа 1949 года (далее – Конвенция), однако, данная Конвенция содержит уголовно-правовые, уголовно-процессуальные нормы и положения, а также предписания, обладающие уголовно-исполнительной природой положения которой, приводит к правовой неопределенности: непонятно, распространяется ли данный статус только на военнослужащих противника или также на иных лиц, подпадающих под критерии ст. 4 Конвенции.

Ознакомление с содержанием Конвенции дает основание утверждать, что всю совокупность военнопленных – военнослужащих противника можно разделить на три правовые категории, в зависимости от статуса: военнопленные, с нейтральным уголовно-правовым статусом; военнопленные, обладающие уголовно-процессуальным статусом подозреваемого, обвиняемого или подсудимого; военнопленные, обладающие статусом осужденного.

Попадая в плен, военнослужащий утрачивает некоторые свои личные права, например, на свободу перемещения и выбора места пребывания и рода деятельности, что по своей природе схоже с ограничениями уголовно-правового или уголовно-процессуального характера. Признавая неизбежность такого рода ограничений в отношении военнопленного, следует указать на то, что ограничения должны иметь правовое основание, Конвенция их не содержит.

Как нам представляется, в отношении каждого из военнопленных органами военной юстиции в процессе проведения фильтрационных мероприятий в обязательном порядке должно быть возбуждено уголовное дело по покушению на убийство военнослужащего ВС РФ, а при условии задержания на территории Российской Федерации - еще и за незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации. В случае наличия достаточных оснований для возбуждения и по иным основаниям они также должны быть возбуждены. Такого рода процессуальная мера обеспечит в дальнейшем возможность проведение соответствующих следственных действия, связанных с идентификацией военнопленного, отбором генетического материала, составления дактилоскопических карт.

Таким образом, следует отметить, что каждый военнопленный однозначно обязан приобрести уголовно-процессуальный статус подозреваемого.

Глава III Конвенции определяет и конкретизирует порядок и особенности уголовной ответственности военнопленных. Анализ положений Конвенции свидетельствует, что военнопленный, совершивший преступление приобретает аналогичный уголовно-правовой и уголовно-процессуальный статус, при наличии некоторых особенностей, которые, как представляются не имеют существенного значения, например, абз. 2 и 3 ст. 88 Конвенции определяет более привилегированное женщин-военнопленных, совершивших преступления, абз. 2 ст. 108 Конвенции определяет, что женщина-военнопленный, в отношении которой вынесен приговор, должна заключаться в отдельное помещение и находиться под наблюдением женского персонала; приведенные в качестве примера конвенционные положения, итак, учтены в отечественном законодательстве в качестве основополагающих принципов уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства.

Положения Главы III Конвенции закрепляют правила, согласно которым, на военнопленных распространяется юрисдикция законов и судов державы в плену Державы, что в целом позволяет использовать в отношении военнопленных отечественное уголовно-правовое, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство. В ст. 84 Конвенции отмечается, что только военные суды могут судить военнопленного, если только законодательство держа-

щей в плену Державы не предоставляет специально право гражданским судам судить лиц, принадлежащих к составу вооруженных сил этой Державы, за то же преступление, в котором обвиняется военнопленный. Указанное положение реализуется Российской Федерацией при привлечении к уголовной ответственности военнослужащих и наемников вооруженных сил Украины, в том числе и входящих в структуры, запрещенных на территории России формирований.

Исходя из приведенного выше конвенционного положения, нам представляется, что именно к подсудности (компетенции) военных судов должны быть отнесены вопросы освобождения от уголовной ответственности и/или наказания военнопленных. Данное положение должно быть законодательно закреплено в ст. 7 (Подсудность дел военным судам) Федерального конституционного закона от 23.06.1999 № 1-ФКЗ (ред. от 28.12.2024) «О военных судах Российской Федерации».

Рассматривая возможность выдачи военнопленного противоборствующей стороне, А.П. Скиба указывает на то, что в парадигме отечественного уголовного законодательства, такого рода репатриация возможна на основании ст. 81 УК РФ в отношении военнопленных, которые приобрели болезнь либо увечье не представляющие возможность отбывать наказание [4, с. 87–93], однако, следует обратить внимание на то, что освобождение по указанной норме возможно только при условии, что военнопленный приобрел уголовно-правовой статус осужденного и фактически отбывает наказание назначенное судом, кроме того, применение данной нормы ограничивается лицами, которые приобрели болезнь либо увечье.

Приведенное свидетельствует о наличии острой уголовно-правовой проблемы, которая заключается в отсутствии универсального правового основания освобождения от уголовной ответственности или наказания военнопленных, как представляются конвенционные положения не соответствуют существующим правовым реалиям, так как они существенным образом устарели.

В сложившихся объективных реалиях проведения СВО, противоборствующая сторона, в основном, заявляет на обмен военнопленных, которые входят в террористические и запрещенные на территории Российской Федерации организации, а также лиц, обосновано подозреваемых в совершении тяжких или особо тяжких преступлений. Бесспорно, гуманитарная цель обмена военнопленными является важной, но она должна основываться на правовых нормах и положениях, которые, к сожалению, теорией уголовного права еще не выработаны и, соответственно, не предложены законодателю.

В качестве одного из обоснованных и логичных предложений следует согласиться с позицией А.П. Скибы о необходимости инкорпорирования в Уголовно-исполнительный кодекс РФ Специ-

альную часть УИК РФ (том III), которая бы регулировала исполнение наказаний в военное время, включая отдельный раздел, посвященный особенностям содержания, режима, воспитательной работы и медицинского обеспечения осужденных военнопленных с учетом их специфических характеристик [5, с. 431].

Продолжая приведенный тезис, отметим, что положения уголовно-исполнительного законодательства по своей природе являются нормами, обеспечивающими реализацию уголовно-правовых положений, размещенных в УК РФ, по этой причине, следует признать наличие объективной необходимости закреплении положений о правовом статусе военнопленных в Российской Федерации в отечественном уголовном законодательстве.

Выдача (обмен, репатриация) военнопленного противоборствующей либо иной покровительствующей стороне в обязательном порядке должна осуществляться в рамках действующего национального законодательства и кроме гуманитарных целей она должна преследовать и превентивную цель, а именно недопущения фактов вступления в вооруженные формирования противоборствующей стороны против интересов Российской Федерации, совершения новых на территории России или в отношении граждан Российской Федерации. Как нам представляется, такого рода предупреждение возможно уголовно-правовыми посредством специальных норм об освобождении от уголовной ответственности или наказания военнопленных.

С целью реализации указанного тезиса, предлагаем ввести в УК РФ изменения следующего содержания:

«Статья 782. Освобождение от уголовной ответственности военнопленного, подлежащего обмену либо репатриации.

1. Военнопленный, попавший в список лиц, подлежащих обмену либо репатриации и который представил письменное согласие на такого рода действия, освобождается судом от уголовной ответственности с момента передачи военнопленного принимающей стороне.

2. Если передача не состоялась решение суда об освобождении военнопленного от уголовной ответственности аннулируется, с возвращением военнопленному предыдущего уголовно-процессуального статуса.

3. В случае совершения лицом, к которому применены положения части первой настоящей статьи нового преступления на территории Российской Федерации против интересов Российской Федерации либо гражданина Российской Федерации или постоянно проживающего в Российской Федерации лица без гражданства, до истечения сроков давности, предусмотренных статьей 78 настоящего Кодекса, суд отменяет ранее принятое решение об освобождении лица от

уголовной ответственности и выносит решение о возобновлении уголовного преследования лица».

«Статья 803. Освобождение от наказания военнопленного, подлежащего обмену либо репатриации.

1. Военнопленный, попавший в список лиц, подлежащих обмену либо репатриации и который представил письменное согласие на такого рода действия, освобождается судом от наказания условно с момента передачи военнопленного принимающей стороне.

2. Если передача не состоялась решение суда об освобождении военнопленного от наказания аннулируется и направляется в соответствующее учреждение уголовно-исполнительной системы для дальнейшего отбывания ранее назначенного наказания.

3. Лицо, освобожденное от наказания условно в соответствии с частью первой настоящей статьи, освобождается от наказания если со дня передачи военнопленного принимающей стороной прошло:

а) два года при осуждении за преступление небольшой тяжести;

б) шесть лет при осуждении за преступление средней тяжести;

в) десять лет при осуждении за тяжкое преступление;

г) пятнадцать лет при осуждении за особо тяжкое преступление.

4. В случае совершения лицом, к которому применены положения части первой настоящей статьи нового преступления на территории Российской Федерации, против интересов Российской Федерации либо гражданина Российской Федерации или постоянно проживающего в Российской Федерации лица без гражданства, до истечения сроков предусмотренных частью третьей настоящей статьи, суд назначает ему наказание по правилам, предусмотренным статьей 70 настоящего Кодекса.»

Заключение.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что уголовно-правовой статус военнопленного в Российской Федерации на сегодняшний день законодательно не определен. Существующее регулирование является фрагментарным и несистемным, что вынуждает правоприменителя в случае возникновения соответствующих ситуаций напрямую обращаться к нормам международного права, в первую очередь к Женевской конвенции 1949 года.

Такой подход, хотя и основан на конституционном принципе примата международного права, не является оптимальным, так как не обеспечивает необходимой детализации и процессуальной ясности, требуемой для повседневной деятельности государственных органов. Ликвидация выявленного пробела путем разработки и принятия специализированных норм в уголовном, уголовно-исполнительном и уголовно-процессуальном законодательстве является насущной необходимостью для укрепления национальной безопасности, защиты государственных интересов и безусловного выполнения международных обязательств Российской Федерации.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Скиба А.П. Девиантное поведение осужденных военнопленных и исправительно-профилактическое воздействие в их отношении: постановка проблемы // Российский девиантологический журнал. 2022. Т. 2. № 3. С. 332–345.
2. Свердлов Д.Р. Влияние военно-политических факторов на уголовную политику России // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Юридические науки. 2024. Т. 10 (76). № 4. С. 413–418.
3. Скиба А.П. Правовое положение военнопленных осужденных: постановка проблемы международно-правового, конституционно-правового, уголовно-исполнительного и иного регулирования // Вестник Кузбасского ин-ститута. 2020. № 4(45). С. 82–91.
4. Скиба А.П. Освобождение от наказания по статье 81 УК РФ как аналог в мирное время репатриации осужденных военнопленных // Вестник Кузбасского института. 2022. № 1(50). С. 87–93.
5. Скиба А.П. Исправительное воздействие на военнопленных осужденных: международно-правовое, уголовно-исполнительное и иное регулирование / А.П. Скиба, Н.С. Малолеткина, П.В. Тепляшин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2024. Т. 15. Вып. 2. С. 422–434.

References:

1. Skiba A.P. Deviant behavior of convicted prisoners of war and correctional and preventive measures against them: posing a problem / A. P. Skiba // Russian Deviantological Journal. 2022. Vol. 2. № 3. P. 332–345.
2. Sverdlov D.R. The influence of military and political factors on the criminal policy of Russia // Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University of Law. 2024. Vol. 10(76). № 4. P. 413–418.
3. Skiba A.P. The legal status of prisoners of war and convicts: posing the problem of international law, constitutional law, penal enforcement and other regulation // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2020. № 4(45). P. 82–91.
4. Skiba A.P. Release from punishment under Article 81 of the Criminal Code of the Russian Federation as an analogue in peacetime of the repatriation of convicted prisoners of war // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2022. № 1(50). P. 87–93.
5. Skiba A.P. Correctional effect on prisoners of war: international law, penal enforcement and other regulation / A.P. Skiba, N.S. Maloletkina, P.V. Teplyashin // Bulletin of St. Petersburg University. Right. 2024. Vol. 15. Iss. 2. P. 422–434.

Информация об авторах

Вишневецкий Кирилл Валерьевич

доктор юридических наук,
профессор,
начальник управления учебно-методической работы,
Краснодарский университет МВД России
kvishnevecky@mail.ru

Kirill V. Vishnevetskiy

Doctor of Law,
Professor,
Head of the Department
of Educational and Methodical Work,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
kvishnevecky@mail.ru

Кашкаров Алексей Александрович

доктор юридических наук,
доцент,
начальник кафедры
уголовного права и криминологии,
Крымский филиал
Краснодарского университета МВД России
kashkarov79@ya.ru

Alexey A. Kashkarov

Doctor of Law,
Associate Professor,
Head of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Crimean branch of Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
kashkarov79@ya.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 28.07.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.08.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-3-7>

УДК 5.1.5

Attribution

cc by

ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ: ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Королева Н.М.¹, Звягинцева В.В.², Сапронов А.В.³

^{1, 2}Юго-Западный государственный университет,

³Курский институт кооперации (филиал)

Белгородского университета кооперации, экономики и права

Аннотация. Современная торговля людьми представляет собой реальную угрозу национальной безопасности не только России, но и большинства стран мира. Актуальность представленной статьи объясняется необходимостью противодействия подобным преступлениям, учитывая, что этот вид преступной деятельности не признает государственных границ и существует как в развивающихся, так и развитых странах.

Цель исследования – подготовка научной базы для разработки концептуальной программы действий, направленной на изменение общественного сознания по отношению к жертвам торговли людьми, поскольку это проблема, затрагивающая жизнь миллионов людей практически в любой стране мира.

Методология исследования включает диалектический, сравнительно-правовой, системный и документальный методы, использование которых позволило провести анализ факторов, способствующих сохранению высокого уровня подобных преступлений (экономические и политические кризисы, высокий уровень криминогенной обстановки, рост безработицы и т.д.)

Решение заявленной проблемы возможно в том случае если международные и региональные организации расширят совместное сотрудничество и обмен информацией с тем, чтобы добиться более скоординированного подхода и смогут избежать совпадения и дублирования работы в данном направлении.

Ключевые слова: торговля людьми, работоторговля, жертва работоторговли, конвенция о рабстве, уголовное законодательство.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

VICTIMS OF HUMAN TRAFFICKING: GENERAL CHARACTERISTICS AND VICTIMOLOGICAL ASPECT

Natalia M. Koroleva¹, Victoria V. Zvyagintseva², Alexey V. Sapronov³

^{1, 2}Southwestern State University,

³Kursk Institute of Cooperation (branch) Belgorod University of Cooperation, Economics and Law

Abstract. Human trafficking, though being an old phenomenon, is currently an increasing concern for governments, as it violates human rights and undermines the foundations of a law-governed state.

Purposes. The article gives the analysis of the reasons for the existence of this phenomenon, and discusses psychological characteristics of persons who became victims of such crimes.

Objectives. In the article the authors consider the problem of human trafficking from the standpoint of criminal law in order to find ways to improve the overall strategy to counter this phenomenon.

The subject of the research is the norms of international and Russian legislation, regulating the main characteristics of a crime in the field of human trafficking.

Conclusion. The article presents proposals for improving, included in the general strategy of combating this type of criminal activity, which emphasizes the novelty of the study.

Keywords: human trafficking, a victim of trafficking, slave trading, convention, criminal legislation.

Funding: Independent work.

Introduction

Modern human trafficking is a real threat to the national safety for the most countries of the world. The relevance of the presented article is explained by the need to counteract such crimes. It is important to understand that this type of criminal activity does not recognize states' borders and exists in both developing and developed countries. According to Europol reports, the proceeds from such crimes amount to US \$ 19 billion.

Factors contributing to the high rate of such crimes, include economic and political crises, high crime rate, rising unemployment, growing stratification of society between rich and poor, the steady increase in all related crimes (alcohol and drug use, mental disorders, suicide, divorce, child homelessness).

Human trafficking, as an extremely dangerous type of crime, is an encroachment on essential human rights - the right to respect the human dignity, the right of freedom, the right to personal security, the right to freedom of movement and the right to choose one's residence, sometimes the right to life [6, p. 119]. In international legal acts, when considering crimes related to human trafficking, a person who has suffered from this crime is called a «a victim of trafficking» [9, p. 117], regardless of whether the person had the consent to the recruitment, transportation, sale, harboring or other activities, related to human trafficking.

According to statistics, more than 80 percent of victims are children and women, approximately 70 percent of them are involved in prostitution. Most of them come from other countries, counting to improve their financial situation and make positive changes in life.

Materials and Methods

Juveniles are the object of special interest of «sex-business». These categories are subjected to the greatest exploitation and discrimination. Most of the crimes occur due to victimization. This behavior corresponds to inadequate physical and psychological responses, carelessness about one's own security and property, addiction to risky projects, illegal transactions.

Victimization is a specific behavior in which the individual runs a risk. Many crimes could have been avoided if victims were careful.

Victims of trafficking can be divided into the following types, according to their awareness of the future working conditions:

- individuals who were deceived and forced to do this or that work, while they were eager to get a completely different job;
- individuals who agreed to work in a certain professional sphere, but did not expect that they would have to work in completely different, unacceptable conditions;

- individuals who have been correctly informed about their future job, but let other people control the situation and use their poor economic and legal situation to get profit [14, p. 970].

Besides, there is a classification according to personal characteristics (gender, age, occupation). Statistics indicate that the age of victims is different. In recent years, the number of minors, involved in prostitution, has increased.

One of the factors that increases the risk of becoming a trafficking victim is previous physical or sexual violence. Thirty percent of the victims were sexually abused at the ages from 12 to 16.

D.A. Shapovalova classifies women victims of sexual slavery into:

- those who are willing to perform sexual services;
- those who are not intending to be engaged in prostitution, but admit the possibility of performing sexual services for consideration;
- those who are completely excluding the possibility of performing sexual services [14, p. 256].

However, according to experts' estimates, 30,000 women are transported from Russia every year. Women at the age from 45 to 60 are forced to work in household or service industries.

Statistics show, that male is less exploited. Their number is two percent of the total number of victims of trafficking. Men at the age from 20 to 45 are more likely to become the victims of labor exploitation. Their physiological characteristics provide the fact of their being involved in rough labor. They are exploited in agriculture, mining, drug production, etc. [15, p. 108].

Minors are exploited in spheres where there is not much need in physical strength. They are forced to work in service industries, agriculture and are involved in household work. Sometimes, children are recruited to participate in armed conflicts, to carry out petty crimes or begging. The largest group of exploited victims is women due to their psychophysiological characteristics and social status.

Studies have shown that female victims of such crimes have a number of particular characteristics: sensitivity to environmental impacts, high anxiety and tendency to deal with their problems alone. In most cases, justifiable threats are exaggerated due to the victims' personal characteristics. They are more affected by threats and intimidation than the rest. Moreover, the psychological profile of such women includes such traits as personal changes in mood, self-doubt, heightened anxiety and unstable motivation, which do not allow them to assess the situation adequately.

This behavior is based on the psychological complexes since childhood (adolescence). For this reason, all the information from outside is taken up

through the prism of experienced fears and complexes:

- women who believed in possibility of getting the work stipulated during recruitment, but were forced to perform sexual services;
- women who were ready to provide sexual services in case of good earnings. However, they were not counting on merciless exploitation, bullying, the need to perform sexual services, poor housing conditions, etc.;
- women who were ready to endure any kind of exploitation for the sake of earning money and were not considering themselves victims [3, p. 103].

Judicial practice shows that human trafficking is closely linked with crimes related to prostitution. Trafficking in women generates colossal profits for criminal structures with a relatively low degree of risk in comparison with arms and drug trading. Therefore, this multibillion-dollar business is carefully disguised. Women go abroad as dancers, governesses, in order to continue their studies or to marry a foreigner.

Many countries around the world are involved in the human trafficking industry. Depending on a particular part of the trading process that takes place on their territory, the countries can be divided into source countries, transit countries and destination countries.

Source countries – are those that supply trafficked persons. These are countries where women and girls are fraudulently recruited for subsequent shipment to other countries for further exploitation. Russia, Armenia, Uzbekistan, Tajikistan and many others are considered to be source countries

Transit countries are those that make specific routes for victims of trafficking to pass through. A «slave market» is organized on their territory, where women are sold to wholesale buyers. Egypt, Syria, Niger, Russia, Algeria and others are among them.

Destination countries have a greater demand for trafficking. These are the countries where victims of labor and sexual exploitation are transported. They tend to be more developed due to the fact that their population have more resources to purchase the services of trafficked victims. Among the destination countries are Russia, Oman, Saudi Arabia, Germany, Spain and many others.

The given classification is token. No country fits one, and only one, of these labels. Many countries can simultaneously combine all three functions: the supply of live goods, transit and be the destination.

There is a certain category of persons who are likely to become potential victims of such crimes. This is the so-called «risk group» [5, p. 101–102], which is subjected to the following factors:

- poverty (income level is considerably less than subsistence level);
- lack of stable employment and income. This group consists of school leavers and non-regular workers, students and migrants with occasional employment;
- low level of education;
- absence of a family or a difficult family situation;
- low legal literacy;
- labor migration;
- desire to work abroad or to marry a foreigner.

Illegal migrants often fall victims of trafficking. Entering the country illegally, they are unable to resist the criminal groups, related to human trafficking. Criminals take their papers and force them to work for nothing. In some cases, the migrants are beaten, robbed or even murdered [7, p. 95].

With this consideration in mind, we can conclude that a low level of education, lack of stable income, a difficult financial situation in the family are the reasons that prove the fact that minors from disadvantaged families, street children; drug addicted people; migrants from the poorest countries are at risk of being trafficked.

Thus, age, a low level of education, degree of social protection and life experience are factors that have a significant impact on victimization. People who are in a difficult life situation suffer from severe psychological and physical trauma, which results in personal tragedies and social deviations. Such people need a highly-qualified help to overcome the negative consequences of human trafficking.

People with thought disorder, memory disorder, attention disorder and intelligence disorders are more likely to become the trafficking victims.

Victims of trafficking experience an exaggerated sense of guilt – self-blame for what has happened to them. Such symptom may result from PTSD or comes from a repeated victimization as a result of misunderstanding and inadequate attitude of society. Starting cooperation with law enforcement agencies is not an easy matter for them. It usually takes such people a long time to make this decision.

Accordingly, one should remember the basic conditions upon which the success of cooperation with victims stands:

- the safety of victims must be a priority in the work of law enforcement agencies. Psychological and medical assistance should be provided to victims regardless of their consent to cooperate with the investigation;
- it is important to assure safety of the victims and their families during the investigation, at all stages of

the trial and after it has been completed (if the person has testified in court);

- information about the risk and responsibility, associated with a particular victim's decision, must be communicated to the victim. It concerns the testimony;

- it is important for law enforcement officials to establish a cooperation mechanism with specialists from governmental, non-governmental and international organizations in order to send an affected individual there for consultation or assistance [2, p. 104].

Unfortunately, victims of trafficking do not have security guarantees, legally provided by Russian legislation.

Being involved in criminal activities, such as drug distribution, use of forged documents, illegal migration, these people are very intimidated. So, slavery for them is the only way to survive. They do not want to cooperate with law enforcement, because they don't believe in the protection and assistance of the state. But prejudice towards such people is unacceptable, especially if individuals, who are victims of sexual exploitation or labor slavery, are trying to hide what had happened to them.

Results

Human trafficking is a problem, affecting the lives of millions of people around the world. To eliminate it, public consciousness towards victims of human trafficking needs to be changed radically. This, in turn, determines the need for clear program of actions, aimed at solving this problem

International cooperation is essential for the prevention of such crimes. As mentioned above, human trafficking is a criminal business. It is a global problem, that has gone beyond the borders of individual states. These crimes inflict heavy damage on their victims. It takes a lot of effort to get these people back into society and make them feel like full citizens [10, p. 97].

It is not possible to stop the human trafficking solely by means of criminal prosecution. The fight against this phenomenon is possible if the laws on immigration, labor, health and child protection are reviewed and amended and if the legal framework for combating this phenomenon is established. It was important to monitor the compliance of the adopted laws and the effectiveness of their application.

It is evident that states have to establish comprehensive government institutions to protect the victims of this type of crimes and to prosecute those responsible. In addition, it is important to take measures to address the factors that contribute to the spread of human trafficking by using laws and monitoring illegal activities.

According to official data, up to 175 thousand women and children are exported from Russia, other CIS

countries, Central and Eastern Europe to Western Europe and North America alone [4, p. 104]. Nevertheless, it should be pointed out that none of the services on the territory of Russia can present the number of victims and the scale of human trafficking. This is due to the deficiency of an information acquisition system that would collect information about victims of human trafficking who had been sexually exploited and used in slave labor [17, p. 10]. The high latency of human trafficking is due to several factors, including:

- the fear factor of the publicity about sexual and other exploitation, committed against individuals, causes their reluctance to cooperate with law enforcement authorities. Disbelief in law enforcement ability to protect victims from adverse consequences provides their reluctance to report a crime committed against them to the internal affairs bodies;

- continuous improvement of the ways of recruiting victims or a veiled form of recruitment under the guise of travel agencies or temporary staffing suppliers;

- Internal Affairs Agencies do not show evidence of increasing efforts to combat human trafficking, particularly in terms of providing adequate assistance to victims and curbing official complicity with trafficking activity;

- Internal Affairs Agencies do not carry out investigative activity to identify and suppress the facts of human trafficking;

- the system of interdepartmental information interaction is not established and individuals who have been sexually exploited or used in slave labor are not subject to centralized accounting.

All these factors influence the official statistics, which do not fully reflect the actual state of affairs [1, p. 167].

On average, Russian law enforcement agencies annually register only 73 crimes under Art. 127.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

The fight against human trafficking becomes the subject of special open and closed international treaties. To suppress this crime most states in the world amend the criminal legislation in terms of the introduction of special articles. International and domestic regulatory framework for combating human trafficking has increased over the past 10 years [16, p.279]. The creation of specialized mechanisms is essential to suppress human trafficking. In 2003 the Office of the Special Representative and Coordinator for Combating Human Trafficking was established within the framework of the activities of the Organization for Security and Cooperation in Europe (hereinafter – OSCE). It made the Plan of Action to raise public awareness of human trafficking that reckons for:

- co-operating with governments, helping them to understand the challenges they face to curb human

trafficking and using all reasonable efforts to achieve those goals;

- assisting the governments in the establishment of national anti-trafficking structures necessary for effective domestic and transnational cooperation;
- raising the level of awareness on the trafficking policies and finding the related states' policy responses;
- having regard to all types of human trafficking, in particular trafficking for the purposes of commercial sexual exploitation and forced labor; involuntary servitude, domestic servitude or street vending, organ trafficking or for the purpose of forced marriage;
- cooperation of both government agencies and law enforcement, as well as international organizations for increasing efforts to combat human trafficking;
- ensuring the transparency of OSCE's suppression of human trafficking in order to draw special attention to this problem [8, p. 62–63]. So, the OSCE is making significant efforts to eliminate the trafficking.

One more international mechanism to suppress human trafficking is Interpol. It obliges Interpol member states to monitor suspected traffickers to prevent their actions [11, p. 279]. In recent years, the number of individuals, prosecuted for human trafficking, has increased significantly [13, p. 46]. Now therefore, the increase in the spread of this crime in the world can be observed in conjunction with the activities of law enforcement agencies to investigate and prosecute the perpetrator

It is necessary to emphasize the role of international organizations in suppressing human trafficking. Their competence includes the elaboration of new legal acts, aimed at strengthening cooperation, at adopting certain mechanisms at the regional level, within the context of the Council of Europe.

The Council of Europe Convention on Actions against Organ Trafficking dated July 09, 2014 is The Council of Europe's normative legal act in this area. This document considers the problem of trafficking in organs as a topical issue due to the rapidly growing demand for healthy human organs. At present not a single highly developed state has been able to achieve transparency in transplantation.

Organ trafficking turns a great profit, while remaining latent. It is committed by an organized criminal group and this is the reason why it is extremely difficult for law enforcement officials to expose and prosecute the traffickers.

Commercial sexual abuse of children is closely connected with human trafficking. In 2007 the Council of Europe signed the Convention on the Protection of Children against Sexual Exploitation and Sexual Abuse. It spelled out the features of international cooperation, regarding the designated issues. It

pays attention to the criminal law and criminal-procedural aspects of bringing the countries parties to national legislation in accordance with the provisions set out in

Thus, attention is given to the improving the international legal framework for suppressing and preventing human trafficking and on improving domestic legislation in the field of human trafficking [12, p. 277–278].

Conclusion

Due to the complexity of the crime, it is urgent to eliminate the factors, affecting the increase in the scale of human trafficking, and to eliminate the reasons, prompting the victims of this crime to find themselves in this situation. Definitely, in most cases, human trafficking occurs without the consent of these individuals. However, in some cases, dangerous situations are created by the victims themselves.

Analysis of the international and domestic anti-trafficking regulation procedure contributed to the identification of the following problematic issues:

- the activities of international bodies and national mechanisms are aimed primarily at the suppression of crimes, rather than identifying and preventing their causes. Although, in recent years, the most vulnerable areas (migration policy, employment of foreigners, etc.) have been identified, not all states accept changes in line with international recommendations. These are states such as Iran and North Korea;
- the imperfection of the status of a victim of trafficking and its inconsistency. This problem is complicated by the fact that, being in difficult life situations, some individuals use the status of victims of human trafficking for resettlement to another country, hoping to improve living standards. This is the reason why national authorities of states have a skeptical attitude towards this problem.

Human trafficking factors need to be analyzed constantly. A rapidly changing world necessitates the improvement of international cooperation programs. To exchange the necessary information promptly and to monitor the innovations in criminal activity states need to have regional and international information systems.

To reduce the crime rate in the field of human trafficking, states' policies should be aimed at the settlement of political and armed conflicts, establishing a balance in the economy, decreasing in unemployment, increasing in legal employment channels as well as decreasing in demand for cheap labor

Mutual legal assistance of states should be taken into account. It implies the adoption of effective measures to investigate, prosecute and punish traffickers. It concerns the source, transit and destination countries

It should be pointed out that multilateral cooperation in combating human trafficking within various international organizations and as part of States' fulfillment of obligations under universal multilateral treaties in the field of human rights, covers not only direct coordination of joint actions, but also includes the constant information exchange on effective methods, used by states [2, p. 104]. One way to

disseminate such information is the state submission of reports and activity reports.

Thus, in the coming years international and regional organizations should strengthen their cooperation and information exchange in order to achieve a more coordinated approach and avoid overlap and duplication of work.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Литература:

1. Абдушукурова И.К. О мерах по борьбе против торговли людьми / И.К. Абдушукурова, Б.К. Самадов // Научный журнал. 2018. № 6(7). 178 с.
2. Адмиралова И.А. К вопросу о борьбе с торговлей людьми в Российской Федерации / И.А. Адмиралова, О.А. Герасимова // Право. Экономика. Безопасность. 2016. № 2. 167 с.
3. Багжанова А.Ж. Противодействие торговли людьми на международном уровне / А.Ж. Багжанова, Г.Ю. Гуляев // Признание года 2018. Пенза : МЦНС «Наука и Просвещение». 2018. 521 с.
4. Бекмагамбетов А.Б. Противодействие торговле людьми как предмет общеправового и уголовно - правового регулирования // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2018. № 1(6). 154 с.
5. Борецкий А.В. Структура криминалистической характеристики торговли людьми / А.В. Борецкий, Б.Т. Жузбаев // Символ науки. 2017. № 1–3(13). 152 с.
6. Бродченко О.И. Психологические особенности потерпевших по преступлениям, связанным с торговлей людьми // Прикладная юридическая психология. 2009. № 4. 120 с.
7. Хайдарзода З.П. Уголовно-правовая и криминологическая природа торговли людьми // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2019. № 1(25). С. 205–214.
8. Кобец П.Н. Организационные основы информационно-аналитического взаимодействия в сфере борьбы с торговлей людьми // Академическая публицистика. 2020. № 2. 230 с.
9. Ларин А.Н. Психологические особенности жертв торговли людьми // Психология и право. 2015. № 3. 117с.
10. Наумов А.В. Разграничение преступлений, предусмотренных ст. 127.1 и 240 УК РФ // Законность. 2017. № 6. 14 с.
11. Нимировский В.В. Механизмы международно-правового сотрудничества государств-участников Совета Европы в противодействии торговле людьми // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 12. С. 276–280.
12. Олимпиев А.Ю. Роль ОБСЕ в совершенствовании механизма борьбы с торговлей людьми на международном уровне / А.Ю. Олимпиев, И.А. Адмиралова // NB: Административное право и практика администрирования. 2013. № 5. 310 с.
13. Прудникова И.В. Характеристика жертв торговли людьми // Актуальные проблемы науки и практики: Всерос. науч.-практ. конф. Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России, 2018. 290 с.
14. Шаповалова Д.А. Международный и российский уголовно-правовой аспект торговли людьми / Д.А. Шаповалова, С.С. Медведев // Science Time. 2018. № 4(28). 978 с.
15. Шмигирилова Д.Д. История формирования уголовной ответственности за торговлю людьми // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 4(41). С. 178–180.
16. Зайцева Д.Г. Торговля людьми как актуальная проблема современного мира и противодействие ей / Д.Г. Зайцева, О.В. Лещенко, Г.В. Щербаков // Человек: преступление и наказание. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2020. 312 с.
17. Анализ статистических данных ООН и Совета Европы. URL : <https://www.coe.int/ru/web/portal> (дата обращения 04.05.2021).

References:

1. Abdushukurova I.K. On measures to combat human trafficking / I.K. Abdushukurova, B.K. Samadov // Scientific Journal. 2018. № 6(7). 178 p.
2. Admiralova I.A. On the issue of combating human trafficking in the Russian Federation / I.A. Admiralova, O.A. Gerasimova // Pravo. Economy. Safety. 2016. № 2. 167 p.

© Королева Н.М., Звягинцева В.В., Сапронов А.В.

3. Bagzhanova A.J. Countering human trafficking at the international level / A.J. Bagzhanova; G.Y. Gulyaev // Recognition of the year 2018. Penza : ICNS «Science and Education», 2018. 521 p.
4. Bekmagambetov A.B. Countering human trafficking as a subject of general legal and criminal law regulation / International cooperation of the Eurasian states: politics, economics, law. 2018. № 1(6). 154 p.
5. Boretsky A.V. The structure of criminalistic characteristics of human trafficking / A.V. Boretsky, B.T. Zhuzbaev // Symbol of Science. 2017. № 1–3(13). 152 p.
6. Brodchenko O.I. Psychological characteristics of victims of crimes related to human trafficking // Applied Legal psychology. 2009. № 4. 120 p.
7. Haidarzoda Z.P. Criminal law and criminological nature of human trafficking // Proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan. 2019. № 1(25). P. 205–214.
8. Kobets P.N. Organizational foundations of information and analytical interaction in the field of combating human trafficking / Academic journalism. 2020. № 2. 230 p.
9. Larin A.N. Psychological characteristics of victims of human trafficking // Psychology and Law. 2015. № 3. 117 p.
10. Naumov, A.V. Differentiation of crimes provided for in Articles 127.1 and 240 of the Criminal Code of the Russian Federation // Legality. 2017. № 6. 14 p.
11. Nimirovskiy V.V. Mechanisms of international legal cooperation of the member states of the Council of Europe in combating human trafficking // Humanities, socio-economic and social sciences. 2019. № 12. P. 276–280.
12. Olympiev A.Yu. The role of the OSCE in improving the mechanism for combating human trafficking at the international level / A.Yu. Olympiev, I.A. Admiralova // NB: Administrative Law and Administrative Practice. 2013. № 5. 310 p.
13. Prudnikova I.V. Characteristics of victims of human trafficking // Actual problems of science and practice: All-Russian scientific and practical conference. Khabarovsk : RIO Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. 290 p.
14. Shapovalova D.A. The international and Russian criminal law aspect of human trafficking / D.A. Shapovalova, S.S. Medvedev // Science Time. 2018. № 4(28). 978 p.
15. Shmigirilova D.D. The history of the formation of criminal responsibility for human trafficking / Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2018. № 4(41). P. 178–180.
16. Zaitseva D.G. Human trafficking as an urgent problem of the modern world and its counteraction // Man: crime and punishment / D.G. Zaitseva, O.V. Leshchenko, G.V. Shcherbakov. Ryazan : Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, 2020. 312 p.
17. Analysis of statistical data from the United Nations and the Council of Europe. URL : <https://www.coe.int/ru/web/portal> (date of application 05/04/2021).

Информация об авторах

Королева Наталья Михайловна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков,
Юго-Западный государственный университет
korolev37-31-72@mail.ru

Звягинцева Виктория Валерьевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков,
Юго-Западный государственный университет
viktoria.zviagintseva@yandex.ru

Сапронов Алексей Владимирович

кандидат исторических наук,
доцент кафедры гуманитарных,
естественнонаучных и юридических дисциплин,
Курский институт кооперации (филиал)
Белгородского университета кооперации,
экономики и права
sapronovson@mail.ru

Natalia M. Koroleva

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Foreign Languages,
Southwestern State University
korolev37-31-72@mail.ru

Victoria V. Zvyagintseva

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor
of the Department of Foreign Languages,
Southwestern State University
viktoria.zviagintseva@yandex.ru

Alexey V. Sapronov

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Humanities, Natural Sciences and Law,
Kursk Institute of Cooperation (branch)
Belgorod University of Cooperation,
Economics and Law
sapronovson@mail.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 10.09.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 20.09.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-3-8>

УДК 343.98

Attribution

cc by

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «ПРЕСТУПНАЯ ГРУППА» В УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКАХ

Мукажанов А.Е.

Костанайская академия МВД Республики Казахстан

Аннотация. В статье проведен анализ термина «преступная группа». Рассмотрены различные точки зрения на данное понятие, как со стороны представителей уголовного права, так и криминалистов. Выявлены признаки, характеризующие преступную группу. Определены особенности нормативно-правового регулирования термина «преступная группа» по законодательству Республики Казахстан. Сделан вывод о том, под преступной группой следует понимать малую социальную группу, осуществляющую совместную преступную деятельность, обладающую организационной структурой и представляющая собой самостоятельный субъект противоправных действий. Необходимо отметить, что с криминалистической точки зрения, понятие «преступная группа» трактуется шире и включает в себя все формы соучастия, в отличие от содержания данного термина, используемого в законодательстве Республики Казахстан.

Ключевые слова: преступная группа, организованная преступность, криминалистический анализ преступной группы, признаки преступной группы.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

ON THE CONCEPT OF «CRIMINAL GROUP» IN CRIMINAL LAW AND CRIMINALISTICS SCIENCES

Azamay Y. Mukazhanov

Kostanay Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan

Abstract. The article analyzes the term «criminal group». Various points of view on this concept are considered, both from representatives of criminal law and criminologists. The signs characterizing the criminal group are revealed. The features of the legal regulation of the term «criminal group» under the legislation of the Republic of Kazakhstan are determined. It is concluded that a criminal group should be understood as a small social group engaged in joint criminal activities, having an organizational structure and representing an independent subject of illegal actions. It should be noted that from a criminalistic point of view, the concept of «criminal group» is interpreted more broadly and includes all forms of complicity, in contrast to the content of this term used in the legislation of the Republic of Kazakhstan.

Keywords: criminal group, organized crime, criminalistic analysis of a criminal group, signs of a criminal group.

Funding: Independent work.

Введение.

Общепризнано, что групповая преступность дестабилизирует важнейшие сферы жизнедеятельности общества и представляет реальную угрозу национальной безопасности страны. Несмотря на относительно активное государственное правовое реагирование в рамках противодействия деятельности преступных групп, характеризующихся чертами устойчивости и организованности, в настоящее время наблюдается значительное отставание следственных и оперативно-разыскных мер правового реагирования от

нарастающих темпов развития групповой преступности и их технической оснащенности, снижается эффективность показателей раскрытия, расследования и предотвращения преступлений, что подтверждается статистическими данными.

Обсуждение.

Преступные группы как объект научного анализа на протяжении длительного времени находятся в центре внимания юридической науки. Так, криминология сосредотачивает внимание на исследовании факторов, обуславливающих формиро-

вание преступных группировок, механизмов их функционирования и совершения ими противоправных деяний, а также на разработке системы профилактических мер, направленных на минимизацию данных явлений.

Для науки уголовного права приоритетным направлением выступает исследование вопросов, связанных с особенностями уголовной ответственности участников групповых преступлений, уточнением правовой квалификации содеянного и более детальной дифференциацией форм и степени вины соучастников.

В уголовно-правовой доктрине, опирающейся на учение о соучастии, преступная группа традиционно трактуется как объединение двух и более лиц, предварительно организованных для совместного совершения преступлений. Однако подобное определение носит ограниченный характер, так как не раскрывает психолого-криминалистических характеристик исследуемого феномена.

По мнению Л.М. Прокументова, общественная опасность преступной группы как коллективного субъекта преступной деятельности состоит в ее способности повышать негативные индивидуальные способности лиц, участвующих в совместной преступной деятельности [1].

Это происходит следующим образом.

Во-первых, преступные группы успешно осуществляют своеобразную опосредованную адаптацию своих участников к широкой социальной среде, однако эта адаптация происходит исключительно через призму криминального, девиантного поведения, что извращает сам процесс социализации.

Во-вторых, преступные группы обладают способностью целенаправленно облегчать и инструментализировать приспособление свойств и институтов социальной среды для собственных нужд и для нужд осуществляемой ими преступной деятельности, подчиняя их криминальным интересам.

В-третьих, наблюдается устойчивая тенденция к усилению негативного, деструктивного преобразования социальной среды самими лицами, которые совместно и сообща совершают преступления, что ведет к ее криминализации.

В-четвертых, преступные группы выполняют функцию аккумуляции, последующего сохранения и эффективного воспроизводства прошлого криминального опыта, выступая таким образом в роли передаточного звена криминальных традиций и знаний.

В-пятых, именно преступные группы зачастую осуществляют те особые виды и разновидности криминальной деятельности, которые являются объективно затрудненными или же в принципе невозможными для реализации индивидуальными

лицами, действующими в одиночку (например, крупные экономические преступления, транснациональный трафик и др.).

В-шестых, важнейшей функцией группы является усиление и постоянная подпитка криминальной мотивации своих участников, которая выступает в роли ключевой субъективной причины последующего совершения преступления, подавляя сомнения и страхи [1].

В юридической литературе нет единообразия в части подходов к пониманию термина преступная группа.

Одна группа авторов, представленная такими учеными, как В.И. Ткаченко и А.М. Царегородцев [2], усматривает главную суть группового способа совершения преступления в том, что каждый из участников лично и непосредственно участвовал в самом процессе совершения преступления, выполняя тем самым объективную сторону конкретного состава преступления, то есть выступая в роли соисполнителя.

Данную точку зрения в своих работах также разделял и активно развивал Р.Р. Галиакбаров [3].

Другие исследователи [4] придерживаются несколько иной точки зрения, считая, что преступной группой в строгом уголовно-правовом значении данного термина следует считать такое объединение, где присутствует не только соисполнительство, но и еще один обязательный конституирующий признак: наличие предварительногоговора всех участников на совершение запланированного преступления.

При этом внутри данного направления также нет единства: одни авторы (Ю.М. Ткачевский) [5] связывают это с самим фактом предварительной договоренности, не раскрывая глубоко ее основных признаков; другие же (Л.Л. Кругликов) [6] настаивают на том, что предварительныйговор в обязательном порядке должен характеризоваться четким распределением функциональных ролей между соучастниками и осознанием каждым из них своей принадлежности именно к преступной группе.

Судебная практика также не отличается единообразием в понимании группового способа совершения преступления, хотя во многих случаях как групповое преступление квалифицируется исполнительство.

Представляется, что имеющее место в научной литературе искусственное сужение понятия «преступная группа» исключительно до определенной, строго очерченной формы соучастия в преступлении не является в полной мере обоснованным и методологически верным. Как верно подметил Л.М. Прокументов, это связано с тем, что всякое преступление, совершенное в соучастии, по самой своей природе предполагает наличие обязательного и ключевого признака – совместности в осуществлении преступной дея-

тельности [1]. А любая совместная деятельность является объективно невозможной без внутреннего единства цели в достижении желаемого преступного результата, что уже само по себе создает групповую связь.

В уголовном законодательстве Республики Казахстан организованные формы участия являются основой для понимания организованной и групповой преступности (ч. 3 ст. 31 новой редакции УК РК). Пункт 3 новой редакции Кодекса дает разъяснение понятий организованной группы, преступной организации. Одним из направлений совершенствования национальной правовой системы является внедрение в нее норм международного права. Не стал исключением и процесс имплементации норм Конвенции ООН против групповой преступности. Республика Казахстан подписала данную конвенцию 13 декабря 2000 года. Однако первые шаги по приведению национального уголовного законодательства в соответствие с нормами этого международно-правового акта были сделаны лишь в 2011 году [7].

В новой редакции УК РК введены понятие преступной группы (ст. 3 УК РК) и уголовной ответственности за уголовные правонарушения, совершенные группой (ст. 31 УК РК).

Термин «преступная группа» используется в следующих случаях:

- при установлении уголовной ответственности за преступления, совершенные совместно с преступной группой (ч. 3 ст. 31 УК РК), а также при регулировании уголовной ответственности лиц, образовавших преступную группу и руководивших ею лиц (ч. 4 ст. 31 УК РК), за преступления, совершенные совместно другими участниками преступной группы (ч. 5 ст. 31 УК РК);
- при создании квалифицированных (специально квалифицированных) видов уголовных правонарушений (например, статья 192, часть 4, пункт 1 УК РК);
- при совершении уголовного правонарушения в составе преступной группы признается обстоятельством, отягчающим ответственность (пункт 3 части 1 статьи 54 УК РК);
- при рассмотрении вопроса об условном осуждении, правила которого не распространяются на преступления, совершенные в составе преступной группы (ч. 6 ст. 63 УК РК);
- в разделе 5 УК РК «Основания освобождения от уголовной ответственности и наказания». Так, положения об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ч. 2 ст. 65 УК РК), в связи с примирением (ч. 4 ст. 68 УК РК) (части 4 статьи 68 УК РК) не применяются, если совершено преступление в составе преступной группы. Республики Казахстан), с гарантией (ч. 6 ст. 69 УК РК).

Следует согласиться с мнением авторов, считающих, что законодательное понятие соучастия является общим нормативным правилом для всех случаев совместной преступной деятельности.

С другой стороны, признаки соучастия представляются необходимыми для любого вида совместной преступной деятельности преступников, для создания любой группы, которая рассматривается как составная часть определенного преступного состава [7; 8].

При этом законодатель определил формы участия в указанной групповой преступности единым термином «преступная группа». В Особенной части УК преступная группа включена в качестве квалификационного (специально-квалификационного) признака соответствующих формирований. Но при разработке проекта УК РК произошла механическая замена ранее рассмотренной квалификации «совершенный в составе организованной группы» термином «совершенная преступная группа».

Необходимо отметить, что и среди ученых криминалистов изучение феномена групповой преступности также вызывает серьезный интерес [9].

Криминалистика, в отличие от иных юридических дисциплин, акцентирует внимание именно на практической стороне проблемы. Её основная цель заключается в формировании научно обоснованных рекомендаций, призванных повысить эффективность раскрытия и расследования преступлений, совершаемых преступными группами, а также обеспечить выработку действенных средств их предупреждения.

Одним из основоположников криминалистического учения о противодействии групповой преступности был профессор В.М. Быков. В частности, он указывал на то, что преступную группу следует рассматривать не как простое собрание индивидуумов, а как целостное образование, особый субъект групповой преступной деятельности. Нужно изучать группу и ее деятельность как единое целое.

Такой подход позволяет исследователю абстрагироваться от социально-культурной, демографической и правовой характеристик отдельных участников преступных групп и изучать социально-психологические и криминалистические аспекты преступной группы [10].

Проведенный анализ многочисленных подходов к определению преступной группы, предложенных различными авторами, позволяет выделить ряд консенсусных, наиболее часто встречающихся признаков, характеризующих данное явление.

Эти признаки были систематизированы в работах:

– Г.М. Меретукова, который определял преступную группу как антиобщественное объединение людей на основе совместной преступной деятельности, представляющее собой «малую» неформальную группу, определенным образом организованную и выступающую как единый особый субъект деятельности [11];

– С.Л. Никоновича, понимавшего под ней всякую малую группу из двух и более участников, объединенную специфическим видом совместной деятельности – совершение преступлений [12];

– Е.А. Тютеевой, которая акцентировала внимание на том, что это группа, выступающая единым субъектом деятельности, объединенная на основе совместной антиобщественной деятельности и стремящаяся к достижению общих преступных целей [13].

Результаты.

С учетом мнения ученых, считаем возможным выделить следующий комплекс признаков, определяющих преступную группу:

- наличие объединения людей, группа представляет собой не случайное скопление лиц, а устойчивое объединение;
- качественные характеристики объединения, с позиций социальной психологии, данное объединение относится к категории малых неформальных групп, что подразумевает непосредственные личные контакты между участниками;
- направленность группы, ведущей и определяющей является выраженная антиобщественная, криминальная направленность деятельности и ценностных ориентаций;
- основа формирования, объединение происходит и существует исключительно на основе совместной подготовки и совершения преступной деятельности;
- уровень организации, группа характеризуется определенной, пусть даже минимальной, степенью организационной упорядоченности, иерархии и распределения ролей. Уровень этот может варьироваться от низкого (в группах типа «компаний») до высокого (в организованных преступных структурах);
- субъектность: группа выступает не как сумма индивидов, а как единый, целостный и специфический субъект преступной деятельности.

Ключевым моментом, таким образом, выступает понимание преступной группы именно как единого субъекта коллективного действия. Любое со-

циальное объединение, включая и преступное, представляет собой сложную систему совместной активности, в рамках которой каждый отдельный участник реализует строго индивидуальные функции, которые согласованы с общим распределением ролей и находятся в состоянии постоянной координации.

При совершении преступлений в составе группы уровень их общественной опасности существенно возрастает по ряду причин.

Во-первых, участники объединения оказывают друг другу психологическую поддержку, что формирует у каждого из них чувство большей уверенности и снижает внутренние барьеры перед совершением противоправных действий. Это нередко способствует переходу к более тяжким формам преступной деятельности.

Во-вторых, коллективный характер группы расширяет спектр применяемых способов и средств, которые недоступны преступнику-одиночке.

В-третьих, в подобных объединениях ускоряется процесс передачи криминального опыта: знания и навыки одного из участников достаточно быстро становятся достоянием всей группы. Кроме того, значительно увеличивается совокупный ущерб, причиняемый преступной деятельностью.

Важным фактором является и то, что активность группы может быть продолжительной и многоэпизодной, охватывая как различные временные периоды, так и различные территории, где отдельные участники способны действовать автономно.

Наконец, наличие группы облегчает сокрытие следов преступлений, обеспечивает защиту ее членов от правоохранительных органов, организует противодействие расследованию, а также позволяет оказывать помощь задержанным соучастникам и их родственникам.

Заключение.

С учетом вышеизложенного, под преступной группой следует понимать малую социальную группу, осуществляющую совместную преступную деятельность, обладающую организационной структурой и представляющая собой самостоятельный субъект противоправных действий.

Необходимо отметить, что с криминалистической точки зрения, понятие «преступная группа» трактуется шире и включает в себя все формы соучастия, в отличие от содержания данного термина, используемого в законодательстве Республики Казахстан (ст.31 УК РК), который включает в себя именно организованные формы соучастия.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Прокументов Л.М. Групповое преступление в науке уголовного права и действующем уголовном законодательстве России // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 152–155.
2. Ткаченко В.И. Вопросы квалификации преступлений, совершенных группой лиц / В.И. Ткаченко, А.М. Царегородцев // Проблемы борьбы с преступностью. Омск, 1979. С. 17–20.
3. Галиакбаров Р.Р. Групповое преступление. Свердловск, 1973. 139 с.
4. Гришаев В.И. Соучастие по советскому уголовному праву / В.И. Гришаев, Г.А. Кригер. М. : Госюриздат, 1959. 256 с.
5. Ткачевский Ю.М. Уголовная ответственность за хищение государственного имущества. М. : Изд-во МГУ, 1962. 34 с.
6. Кругликов Л.Л. Группа лиц, как квалифицирующее обстоятельство // Совершенствование уголовного законодательства и практики его применения. Красноярск, 1989. С. 125–134.
7. Максуктан Ш.М. Преступная группа по уголовному законодательству Казахстана / Ш.М. Максуктан, К.С. Карбеков // Ученые труды Алматинской Академии МВД Республики Казахстан имени М. Есбүлатова. 2023. № 1. С. 209–215.
8. Комиссаров В.С. Уголовно-правовое и криминологическое исследование организованных форм соучастия в Республике Казахстан // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 4. С. 807–827.
9. Лозовский Д.Н. Криминалистическое учение о методах расследования преступлений и его реализация в практике борьбы с организованной преступной деятельностью : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2011. 408 с.
10. Быков В.М. Преступная группа: криминалистические проблемы. Ташкент : Узбекистон, 1991.
11. Меретуков Г.М. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений, совершаемых организованными преступными группами (преступными организациями) : учеб. пособие. Краснодар, 2010.
12. Никонович С.Л. Преступная группа – необходимая составляющая криминалистической характеристики комплексной методики расследования // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 12.
13. Тюлеева Е.А. Преступная группа лиц, совершающих мошенничество в сфере кредитования физических лиц // Совершенствование уголовно-процессуальных и криминалистических мер противодействия преступности: Материалы международной научно-практической конференции. Омск, 2024. С. 156–159.

References:

1. Prosumentov L.M. Group crime in the science of criminal law and the current criminal legislation of Russia // Criminal justice. 2018. № 11. P. 152–155.
2. Tkachenko V.I., Tsaregorodtsev A.M. Issues of qualification of crimes committed by a group of persons // Problems of combating crime. Omsk, 1979. P. 17–20.
3. Galiakbarov R.R. Group crime. Sverdlovsk, 1973. 139 p.
4. Grishaev V.I. Complicity in Soviet criminal law / V.I. Grishaev, G.A. Krieger. M. : Gosyurizdat, 1959. 256 p.
5. Tkachevsky Yu.M. Criminal liability for theft of state property. M. : Publishing House of Moscow State University, 1962. 34 p.
6. Kruglikov L.L. A group of persons as a qualifying circumstance // Improving criminal legislation and the practice of its application. Krasnoyarsk, 1989. P. 125–134.
7. Maksukhtan Sh.M. Criminal group under the criminal legislation of Kazakhstan / Sh.M. Maksukhtan, K.S. Karbekov // Scientific proceedings of the Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after M. Esbulatov. 2023. № 1. P. 209–215.
8. Komissarov V.S. Criminal law and criminological research of organized forms of complicity in the Republic of Kazakhstan // Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law. 2015. Vol. 9. № 4. P. 807–827.
9. Lozovsky D.N. Criminalistic theory of crime investigation methods and its implementation in the practice of combating organized criminal activity : dis. ... Doctor of Law. SPb., 2011. 408 p.
10. Bykov V.M. Criminal group: criminalistic problems. Tashkent : Uzbekistan, 1991.
11. Meretukov G.M. Criminalistic support for the investigation of crimes committed by organized criminal groups (criminal organizations): the training manual. Krasnodar, 2010.

12. Nikonovich S.L. A criminal group is a necessary component of the criminalistic characteristics of a comprehensive investigation methodology // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. № 12.
13. Tyuleeva E.A. A criminal group of persons committing fraud in the sphere of lending to individuals // Improving criminal procedural and criminalistic measures to counter crime: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Omsk, 2024. P. 156–159.

Информация об авторе

Мукажанов Азамат Еркенович

старший преподаватель кафедры
административно-правовых дисциплин,
Костанайская академия МВД Республики Казахстан
azamat0537@mail.ru

Azamat Y. Mukazhanov

Senior Lecturer at the Department
of Administrative and Legal Disciplines,
Kostanay Academy of the Ministry
of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan
azamat0537@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 21.08.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 11.09.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2025.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-3-4>

УДК 343.9

Attribution

cc by

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ИНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА ПРАВА ГРАЖДАН, И ИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Олейник О.С.

Краснодарский университет МВД России

Аннотация. Цель исследования состоит в получении нового криминологического знания о преступлениях, связанных с деятельностью некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан, а также разработке мер, направленных на совершенствование предупредительной практики в данной области.

Методы исследования. В процессе исследования использовались общенаучные (анализ и синтез, индукция и дедукция, обобщение и абстрагирование, аналогия) и частнонаучные методы (историко-правовой, системно-структурный, формально-логический, статистический, конкретно-социологических: опрос в форме анкетирования и интервьюирования, изучение документов, наблюдение, контент-анализ) исследования.

Результаты. Проведенное исследование позволило получить криминологические знания о преступлениях, связанных с деятельностью некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан, и особенностях предупреждения преступлений данного вида. На основании изучения доктринальных источников, нормативно-правовых актов в данной сфере, а также проведенного эмпирического исследования было сформулировано понятие «некоммерческие организации и иные общественные объединения, посягающие на права граждан», дана классификация и установлена структура таких организаций (объединений), изучены криминологические показатели преступлений в данной сфере, выявлены основные особенности личности преступника и жертвы, а также установлен механизм детерминации преступлений данного вида.

Ключевые слова: некоммерческие организации, общественные объединения, посягательство, права граждан, криминология, преступления, административные правонарушения, предупреждение.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF CRIMES RELATED TO THE ACTIVITIES OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS AND OTHER PUBLIC ASSOCIATIONS THAT INFRINGE ON THE RIGHTS OF CITIZENS, AND THEIR PREVENTION

Olga S. Oleinik

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. The purpose of the study is to obtain new criminological knowledge about crimes related to the activities of non-profit organizations and other public associations that infringe on the rights of citizens, as well as to develop measures aimed at improving preventive practices in this area.

Research methods. In the course of the study, general scientific methods (analysis and synthesis, induction and deduction, generalization and abstraction, analogy) and specific scientific methods (historical and legal, system-structural, formal-logical, statistical, and specific sociological: survey in the form of questionnaires and interviews, document study, observation, and content analysis) were used.

Results. The conducted research allowed to obtain criminological knowledge about crimes related to the activities of non-profit organizations and other public associations that infringe on the rights of citizens, and the features of preventing crimes of this type. Based on the study of doctrinal sources, regulatory legal acts in this area, as well as the conducted empirical research, the concept of

© Олейник О.С.

«non-profit organizations and other public associations that infringe on the rights of citizens» was formulated, a classification was given and the structure of such organizations (associations) was established, the criminological indicators of crimes in this area were studied, the main features of the criminal and victim's personality were identified, and the mechanism of determination of crimes of this type was established.

Keywords: non-profit organizations, public associations, infringement, rights of citizens, criminology, crimes, administrative offenses, prevention.

Funding: Independent work.

Введение.

Некоммерческие организации и иные общественные объединения занимают важное место в социальной структуре российского общества, оказывают существенное влияние на развитие страны. Такие объединения создаются и осуществляют социально полезную деятельность для решения социальных проблем и развития гражданского общества. Государство всемерно поддерживает такую деятельность и способствует созданию условий для их развития[1; 2].

Несмотря на большой положительный опыт участия некоммерческих организаций и иных общественных объединений в социально-полезной деятельности, отдельные организации и объединения, их руководители и участники, используя свой правовой статус и организационные возможности, осуществляют деятельность противную основам правопорядка, сопряженную с совершением различного рода правонарушений. Это формирует выраженные угрозы национальной безопасности, что обусловило особое общественно-политическое внимание к данной проблеме.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации указывается, что традиционные российские духовно-нравственные и культурно-исторические ценности подвергаются активным нападкам со стороны иностранных некоммерческих неправительственных, религиозных, экстремистских и террористических организаций. Они оказывают информационно-психологическое воздействие на индивидуальное, групповое и общественное сознание путем распространения социальных и моральных установок, противоречащих традициям, убеждениям и верованиям народов Российской Федерации [3]. Наличие указанных угроз обуславливает и уголовно-правовую охрану отношений в данной сфере, которая обеспечена нормами ст. 239 УК РФ.

Вместе с тем, актуальные сведения о деятельности подобного рода организаций и объединений, формирующих угрозах в этой сфере не представлены в криминологической литературе, не обладают ими в полной мере и правоохранительные органы.

В совокупности, указанные обстоятельства обуславливают необходимость накопления и существенного развития криминологических знаний в этой области, приращения ее новыми теорети-

ческими положениями о преступлениях, связанных с деятельностью некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан, которые могут быть положены в основу разработки рекомендаций, направленных на совершенствование предупредительной деятельности в данной сфере.

Результаты.

Проведенный анализ доктринальных источников, нормативно-правовых актов в данной области, а также результаты эмпирического исследования позволяют прийти к следующим выводам.

Некоммерческие организации и иные общественные объединения, посягающие на права граждан, осуществляют деятельность, сопряженную с причинением им вреда здоровью, а также с побуждением их к совершению иных противоправных деяний под видом социально полезной деятельности, которая образует особую форму организованной преступности. Недостатки правоохранительного контроля за их деятельностью создают предпосылки для трансформации подобных организаций и объединений в более опасные формы организованной преступности: экстремистские, террористические и иные преступные сообщества, и организации.

Некоммерческие организации и иные общественные объединения, посягающие на права граждан, могут быть классифицированы по следующим основаниям: в соответствии с уголовно-правовой регламентацией, территориальной распространенностью, объектом преступного посягательства и сферой деятельности. Важнейшим основанием классификации, отражающим их основные параметры (правовой статус, характер противоправной деятельности, характеристики преступников и жертв, механизм преступного поведения), является сфера их деятельности.

В соответствии с указанным критерием, некоммерческие организации и иные общественные объединения, посягающие на права граждан, могут быть представлены следующими видами (с учетом степени их распространенности):

- религиозные объединения, посягающие на права граждан (50,5 %);
- реабилитационные центры, посягающие на права граждан (20,8 %);

- благотворительные организации, посягающие на права граждан (15,5 %);
- псевдообразовательные организации (9,2 %);
- иные общественные объединения, посягающие на права граждан (4 %).

Некоммерческие организации и иные общественные объединения, посягающие на права граждан, имеют внутреннюю структуру, состоящую из отдельных взаимосвязанных между собой элементов. К ним относятся: субъектный состав, объекты противоправного воздействия, противоправная деятельность и идеология [4].

Субъектный состав включает:

- лиц, выполняющих функции единоличных и коллегиальных органов управления, осуществляющих организационно-управленческие функции, как при совершении противоправных деяний, так и при обеспечении деятельности таких организаций (объединений);
- участников, обеспечивающих функционирование подобных организаций и объединений посредством совершения противоправных деяний, вовлечения новых участников, распространения идеологии организации (объединения), обучения иных участников, материально-технического и финансового обеспечения.

Объектам противоправного воздействия причиняется или может быть причинен вред в результате деятельности некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан.

К ним относятся:

- участники указанных организаций и объединений;
- лица, вовлекаемые в их деятельность;
- лица, на которых направлена деструктивная пропаганда или причинен вред.

Деятельность некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан, включает в себя:

- создание некоммерческой организации и иного общественного объединения, посягающего на права граждан – фактическое образование общественного объединения, которое достигло состояния объективной готовности к совершению противоправных действий, вне зависимости от прохождения предусмотренной законом процедуры государственной регистрации, а также преобразование ранее существовавших общественных объединений в объединение, посягающее на права граждан;
- руководство некоммерческой организацией и иным общественным объединением, посягающим на права граждан, подразумевает осу-

ществление организационно-управленческих функций в отношении таких организаций (объединений), ее (его) структурных подразделений, а также отдельных ее (его) участников, как при совершении конкретных противоправных действий, так и при обеспечении деятельности таких организаций (объединений);

- участие, сопряженное с посягательством на права граждан, предполагает совершение деяний, образующих составы преступлений и (или) административных правонарушений;

- участие, сопряженное с обеспечением функционирования такого криминального объединения: вовлечение новых участников, обучение, материально-техническое и финансовое обеспечение.

Идеология некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан, включает совокупность идей, взглядов и представлений, оказывающих влияние на криминализацию и виктимизацию населения, вовлечение граждан в их деятельность. Ее структура представлена такими элементами, как центральная идеологическая тема, средства криминогенного воздействия и каналы распространения [5].

К разновидностям центральной идеологической темы отнесены: насильственная, псевдорелигиозная, экстремистская, псевдомедицинская, псевдообразовательная, псевдоблаготворительная.

Деятельность некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан, может базироваться на нескольких идеологических концепциях, различающихся по своему содержанию и степени криминальной направленности, что обусловлено стремлением подобных организаций и объединений к повышению эффективности своего функционирования путем адаптации идеологических основ к изменяющимся социально-политическим условиям. Подобная гибкость идеологического компонента позволяет расширять круг потенциальных сторонников и последователей указанных организаций (объединений), что, в свою очередь, создает предпосылки для развития противоправной деятельности.

Средства криминогенного воздействия представлены контентом в форме аудио- или видео-файлов, текстовых или графических материалов, их комбинаций, распространяемых в офлайн (средства групповой коммуникации, материалы наглядной агитации, наружной и наглядной рекламы; печатными изданиями; товарами и услугами; средствами массовой информации) и (или) в онлайн пространствах (посты (истории) в социальных сетях и мессенджерах; сетевое взаимодействие пользователей сети Интернет; сообщения, заметки и новости размещенные на сайтах; аудиофайлы и подка-

сты, графические изображения; контекстная реклама).

Каналы распространения идеологии представляют собой совокупность ресурсов, используемых для распространения информации некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан, в онлайн (социальные сети, мессенджеры, сайты) и (или) офлайн (по месту жительства граждан и в общественных местах) среде.

Изучение данных официальной статистики позволило выявить специфические показатели, присущие преступлениям, связанным с деятельностью некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан, которые необходимо учитывать при разработке мер, направленных на их предупреждение.

Показатели зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 239 УК РФ (за 2015–2024 гг. зарегистрировано 73 преступления) не отражают реальную криминогенную обстановку в данной сфере в силу высокого уровня латентности указанных преступлений, фактическое число которых не менее чем в 9 раз превышает число зарегистрированных.

К числу факторов, обуславливающих высокий уровень латентности преступлений, предусмотренных ст. 239 УК РФ, относятся:

- недостаточная профессиональная компетенция и неуккомплектованность кадрового аппарата сотрудников правоохранительных органов;
- высокий уровень конспирации противоправной деятельности;
- отсутствие заявлений потерпевших о совершенном в их отношении правонарушении;
- проблемы внутриведомственного и межведомственного взаимодействия.

Противоправная деятельность некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан, характеризуется преимущественно корыстно-насильственной направленностью. Преступления, предусмотренные ст. 239 УК РФ, сопряжены с совершением иных преступлений и административных правонарушений их руководителями и участниками. Среди них:

- корыстно-насильственные деяния (80 %) (ст. 105, 110, 111, 112, 115, 116.1, 117, 119, 126, 127, 131, 132, 133, 159, 163 УК РФ и ст. 6.1.1, 7.27, 7.27.1 КоАП РФ);
- деяния, направленные на побуждение граждан к совершению противоправных действий (15 %) (ст. 110, 148, 150, 151, 205.2, 230, 280,

282, 328 УК РФ и ст. 6.10, 6.23, 20.3, 20.3.1 КоАП РФ);

- деяния, обеспечивающие функционирование подобных организаций и объединений (5 %) (ст. 171, 174, 174.1, 290, 291, 291.2, 327 УК РФ и ст. 5.26, 14.1, 14.25, 19.23, 19.28 КоАП РФ).

Изучение личности преступника, совершающего преступления, связанные с деятельностью некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан, позволило выявить специфические особенности:

В зависимости от роли в деятельности некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан, преступники могут быть представлены руководителями и участниками указанных организаций (объединений).

Руководителями подобных организаций и объединений являются лица в возрасте от 30 до 49 лет, обладающие знаниями в области психологии, педагогики, социологии и права, в сфере функционирования некоммерческого сектора, наделены навыками управленческой деятельности и коммуникативными способностями, в том числе владеют методами социальной инженерии, имеют выраженные лидерские качества, характеризуются отсутствием чувства сострадания и выраженным эгоизмом.

Преобладающая криминогенная мотивация руководителей некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан, положена в основу типологии их личности, которая представлена корыстным, самоутверждающим и идеологическим типами.

Участники некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан, составляют две категории:

Участники-преступники (9 %) – это лица, которые обеспечивают функционирование подобных организаций и объединений посредством совершения противоправных действий, вовлечения новых участников, пропаганды идей и распространения идеологии, обучения, материально-технического и финансового обеспечения. Им свойственны такие поведенческие особенности как: агрессивность, импульсивность, эгоцентризм, низкий уровень эмпатии, склонность к риску и антиобщественное поведение.

Участники-жертвы (91 %) – это лица, которым в результате деятельности некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан, причиняется физический, имущественный или моральный вред либо нарушаются (ограничиваются) их конституционные права и свободы. Такая категория участников отличается повышенной внушаемостью, тревожностью, склонностью к подчинению, физической слабостью, эмоциональной неустой-

чивостью, а также низкими интеллектуальными способностями, что делает их более уязвимыми перед преступником.

В зависимости от сферы деятельности некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан, определены категории лиц, наиболее подверженные риску вовлечения в деятельность подобных организаций и объединений:

– *в деятельность религиозных объединений, посягающих на права граждан* – пенсионеры и граждане предпенсионного возраста, инвалиды; граждане, признанные нуждающимися в социальном обслуживании; лица, освобожденные из мест лишения свободы; демонстрирующие повышенный интерес к эзотерическим учениям и находящиеся в поиске духовного либо эмоционального развития; лица, находящиеся в состоянии социального отчуждения и депривации базовых потребностей;

– *в деятельность реабилитационных центров, посягающих на права граждан* – лица, ведущие антиобщественный образ жизни, страдающие алкоголизмом и наркоманией, занимающиеся бродяжничеством, попрошайничеством и проституцией;

– *в деятельность благотворительных организаций, посягающих на права граждан* – получатели благотворительной помощи (дети, военнослужащие, многодетные семьи, инвалиды, граждане, нуждающиеся в специализированном медицинском вмешательстве); лица, характеризующиеся выраженной эмпатией и высоким уровнем альтруизма, склонные проявлять активное сочувствие и стремление оказать поддержку другим лицам вне зависимости от наличия объективных обстоятельств;

– *в деятельность псевдообразовательных организаций* – лица, стремящиеся развивать компетенции и качества, воспринимаемые ими как необходимые условия повышения собственного благосостояния и достижения целей саморазвития («личностного роста»).

Детерминационный комплекс преступлений, связанных с деятельностью некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан, представлен криминогенными факторами, действие которых может быть минимизировано мерами специально-криминологического характера.

В их числе:

– недостатки уголовно-правовой регламентации ответственности за преступления, связанные с деятельностью некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан;

– несовершенство правоохранительного контроля за деятельностью некоммерческих орга-

низаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан, по месту нахождения указанных организаций (объединений) и в сети Интернет;

– низкий уровень осведомленности граждан об угрозах, связанных с деятельностью некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан;

– несовершенство оказания помощи лицам, пострадавшим от их деятельности; недостатки программно-целевого планирования в области профилактики правонарушений в данной области;

– низкий уровень профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов в области предупреждения преступлений, предусмотренных ст. 239 УК РФ;

– слабое взаимодействие субъектов профилактики правонарушений в области осуществления контроля и предупреждения преступлений данного вида.

Представленные теоретические характеристики преступлений, связанных с деятельностью некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан, позволили сформировать комплекс специально-криминологических мер, направленных на совершенствование предупредительной практики в данной области:

В области уголовного законодательства: устранение нарушения правил юридической техники и рассогласованности между ч. 1 и ч. 2 ст. 239 УК РФ путем использования в тексте ст. 239 УК РФ единого понятия «некоммерческая организация и иное общественное объединение» и объединения ч. 1 и ч. 2 ст. 239 УК РФ в единую норму, содержащую исчерпывающий перечень действий, образующих объективную сторону преступления.

В сфере совершенствования контроля за некоммерческими организациями и иными общественными объединениями:

– уточнение и разграничение на уровне ведомственного нормативного регулирования компетенций подразделений по противодействию экстремизму, по контролю за оборотом наркотиков и участковых уполномоченных полиции в области выявления некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан;

– закрепление на уровне межведомственного нормативного регулирования порядка обмена информацией между подразделениями органов внутренних дел и Минюста России о выявленных фактах незаконной деятельности некоммерческих организаций и иных общественных объединений;

– разработка Единого федерального реестра некоммерческих организаций и иных общественных объединений, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или прекращении деятельности.

В области диагностики сети Интернет на предмет выявления признаков деятельности некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан:

– разработка и внедрение в деятельность сотрудников подразделений по противодействию экстремизму и участковых уполномоченных полиции, рекомендаций по выявлению некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан;

– использование потенциала социально ориентированных некоммерческих организаций и волонтеров в осуществлении диагностики сети Интернет по выявлению некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан.

В сфере осуществления антикриминальной пропаганды:

– разработка и распространение информационно-пропагандистского контента, материалов наглядной агитации, наружной и наглядной рекламы [6];

– проведение групповых мероприятий, направленных на передачу гражданам информации о правовых последствиях совершения преступлений, связанных с деятельностью подобных организаций и объединений, об основных маркерах, указывающих на противоправную деятельность некоммерческой организации и иного общественного объединения и мерах обеспечения безопасности;

– разработка информационных ресурсов по предоставлению гражданам актуальной информации о деятельности некоммерческих организаций и иных общественных объединений.

В области реабилитации лиц, пострадавших от деятельности некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан: на ведомственном уровне регламентировать порядок взаимодействия правоохранительных органов и специализированных общественных организаций, оказывающих помощь жертвам рассматриваемых преступлений; установить на региональном уровне дополнительные меры поддержки указанных организаций.

Совершенствование программно-целевого планирования:

– включение в государственные и муниципальные программы в сфере профилактики правонарушений мероприятий, направленных на предупреждение преступлений, связанных с деятельностью некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан, предусматривающих:

– диагностику офлайн и онлайн пространства по выявлению некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан, и приобретение программного обеспечения для осуществления этой деятельности;

– предоставление грантовой поддержки некоммерческим организациям на реализацию мероприятий по профилактике преступлений, связанных с деятельностью некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан;

– разработку и реализацию информационно-пропагандистского контента, а также материалов наглядной агитации, наружной и наглядной рекламы в области предупреждения преступлений, связанных с деятельностью некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан.

В области подготовки кадров:

– включение в образовательные программы по подготовке специалистов в соответствующей области правоохранительной деятельности специализированных учебных курсов и тем, посвященных предупреждению преступлений, связанных с деятельностью некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан;

– разработка программ повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов в данной области [7].

Заключение.

Таким образом, проведенное исследование позволило изучить теоретические основы преступлений, связанных с деятельностью некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан, и на основе полученных данных разработать систему мер специально-криминологического характера, направленных на совершенствование практики предупреждения исследуемых преступлений.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «Гарант». URL : <https://base.garant.ru/70284810> (дата обращения 05.08.2025).
2. Указ Президента РФ от 09 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» // СПС «Гарант». URL : <https://base.garant.ru/71670570> (дата обращения 05.08.2025).
3. Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «Гарант». URL : <https://base.garant.ru/401425792> (дата обращения 05.08.2025).
4. Олейник О.С. Структура некоммерческих организаций и иных общественных объединений, посягающих на права граждан // Вестник Удмуртского Университета. Серия Экономика и право. 2024. № 6. Т. 34. С. 1112–1118.
5. Ильницкий А.С. Противодействие криминальной идеологии в сети Интернет : дис.... канд. юрид. наук. Краснодар, 2022. 213 с.
6. Грибанов Е.В. Теоретические основы антикриминальной пропаганды // Общество и право. 2023. № 2 (84). С. 9–14.
7. Симоненко А.В. Применение инновационных образовательных технологий в подготовке специалистов по противодействию экстремизму (на примере Краснодарского университета МВД России) // Вестник КРУ МВД России. 2023. № 3(61). С. 8–15.

References:

1. Decree of the President of the Russian Federation dated December 19, 2012 № 1666 «On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2025» // SPS «Garant». URL : <https://base.garant.ru/70284810> (date of application 08/05/2025).
2. Decree of the President of the Russian Federation dated May 09, 2017 № 203 «On the Strategy for the development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030» // SPS «Garant». URL : <https://base.garant.ru/71670570> (date of application 08/05/2025).
3. Decree of the President of the Russian Federation dated 07/02/2021 № 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // SPS «Garant». URL : <https://base.garant.ru/401425792> (date of application 08/05/2025).
4. Oleinik O.S. The structure of non-profit organizations and other public associations that infringe on the rights of citizens // Bulletin of the Udmurt University. Economics and Law series. 2024. № 6. Vol. 34. P. 1112–1118.
5. Ilitskiy A.S. Counteraction to criminal ideology on the Internet : dis. ... candidate of legal sciences. Krasnodar, 2022. 213 p.
6. Griбанov E.V. Theoretical foundations of anti-criminal propaganda // Society and law. 2023. № 2(84). P. 9–14.
7. Simonenko A.V. The use of innovative educational technologies in the training of specialists in countering extremism (on the example of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia) // Bulletin of the KRU of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. №3 (61). P. 8–15.

Информация об авторе

Олейник Ольга Сергеевна

адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России
olga.litvinova.2000@list.ru

Olga S. Oleinik

Associate Professor of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
olga.litvinova.2000@list.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 18.08.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 06.09.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-3-5>

УДК 340

Attribution

cc by

ОПТИМИЗАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИЕЙ

Симонова Е.Ю.

Российский государственный университет правосудия

Аннотация. Многие известные специалисты дают неблагоприятную характеристику современной российской уголовно-правовой политике, особенно законотворческой форме ее реализации, отмечая в числе ее недостатков нарастающую и дублирующую криминализацию, нередко лишенную должных социально-криминологических оснований, бессистемность установления уголовной ответственности, несогласованность, правовую неопределенность и другие недостатки юридической техники уголовного закона. Отмеченные недостатки не только в полной мере относятся, но и приобретают особую актуальность применительно к уголовной политике в отношении составов преступлений с административной преюдицией, так как их конструирование усложняется проблематикой межотраслевой дифференциации юридической ответственности, разграничения преступлений и административных правонарушений. В этой связи в целях обеспечения обоснованности и целесообразности законодательной уголовно-правовой политики автором разработаны предложения по усовершенствованию использования административной преюдиции в уголовном праве.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика, уголовное нормотворчество, криминализация, дифференциация ответственности, межотраслевая согласованность, законодательная техника, административная преюдиция.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

OPTIMIZATION OF THE LEGISLATIVE CRIMINAL LAW POLICY IN RELATION TO CRIMES WITH ADMINISTRATIVE PREJUDICE

Ekaterina Yu. Simonova

Russian State University of Justice

Abstract. Many well-known experts give an unfavorable description of modern Russian criminal law policy, especially the legislative form of its implementation, noting among its shortcomings the increasing and duplicative criminalization, often devoid of proper socio-criminological grounds, the haphazard establishment of criminal responsibility, inconsistency, legal uncertainty and other deficiencies in the legal equipment of the criminal law. The noted shortcomings are not only fully relevant, but also acquire particular relevance in relation to criminal policy in relation to offences with administrative prejudice, as their construction is complicated by the problems of intersectoral differentiation of legal responsibility, delineation of crimes and administrative offences. In this regard, in order to ensure the validity and expediency of the legislative criminal law policy, the author has developed proposals to improve the use of administrative prejudice in criminal law.

Keywords: criminal law policy, criminal rulemaking, criminalization, differentiation of responsibility, inter-sectoral consistency, legislative technique, administrative prejudice.

Funding: Independent work.

Введение.

Как верно отметил А.В. Козлов, «в условиях, когда административно-правовая преюдиция активно проникает в УК РФ, нужно разработать (и желательно в небольшие сроки) научные основы (уголовную политику и юридическую технику) ее

использования в уголовном законодательстве России, чтобы предотвратить ошибки законодателя» [1].

Здесь же следует оговорить, что предложенные в данной статье направления совершенствования будут касаться института административной

преюдиции в уголовном праве в целом, поскольку предложения по усовершенствованию отдельных уголовно-правовых норм с административной преюдицией требуют соответствующих социально-криминологических и специально-юридических исследований конкретных составов.

Прежде всего, следует остановиться на более общем вопросе о перспективе формулирования общих положений об институте административной преюдиции в уголовном законодательстве.

В юридической литературе высказывались различные предложения по этому поводу, заключающиеся в необходимости закрепления в Общей части УК РФ определенных правил. Наиболее распространены среди них предложение о введении дефинитивной нормы об административной преюдиции в уголовном праве [2].

Не вдаваясь в анализ содержания предложенных авторами определений административной преюдиции, которое само по себе несовершенно с точки зрения отражения правовой природы данного явления, мы оцениваем саму идею закрепления такой нормы-дефиниции в тексте УК РФ как нерациональную, поскольку такого рода составы не выходят за рамки общего понятия основания уголовной ответственности и преступления. Кроме того, нецелесообразным представляется закрепление в уголовном законе положений, обращенных исключительно в адрес законодателя.

Обсуждение. Результаты.

Сообразно сформулированной нами концепции, основанной на многоуровневом и многоаспектном подходе к пониманию юридической природы уголовно-правовых норм с административной преюдицией, можно обозначить следующие меры, которые, во-первых, позволят их усовершенствовать, а во-вторых, унифицировать.

Совершенствование специально-юридического содержания уголовно-правовых норм с административной преюдицией. Реализация этого направления предполагает следующие меры:

1. Кратность преюдиции должна зависеть от уровня общественной опасности деяния.

В большинстве случаев, как показывает сравнительный анализ санкций уголовно-правовых норм, устанавливающих однократную, двукратную и трехкратную преюдиции, и предикатных им норм административно-деликтного права, законодатель не учитывает закономерность зависимости кратности преюдиции от степени общественной опасности деяния. Однако такой произвольный подход к определению кратности преюдиции является скорее не исключением, а правилом современного законодателя игнорировать объективные закономерности уголовного права в целом [3].

Придерживаясь мнения [4] о том, что при конструировании составов преступлений с административной преюдицией должна использоваться исключительно однократная административная преюдиция, З.Э. Эргашева считает что, во-первых, это будет способствовать единообразному пониманию обществом административной преюдиции, во-вторых, сможет обеспечивать фактическую неотвратимость и своевременность привлечения виновных к ответственности, в-третьих, облегчит ведение органами официального учета лиц, привлеченных к административной ответственности [5].

На наш взгляд, такое упрощение конструкций составов преступлений с административной преюдицией способно принести в жертву облегчению деятельности по применению данных норм, такие важные принципы уголовной политики, как достаточность для криминализации общественной опасности деяния, и экономия мер уголовной репрессии.

Таким образом, в процессе конструирования составов преступлений с административной преюдицией законодателю следует учитывать закономерность зависимости количества административных правонарушений, необходимого для перехода к уголовной ответственности, от степени их общественной опасности: чем она меньше, тем большее количество привлечений к административной ответственности требуется для такого перехода, и, наоборот.

2. Допустимость использования административной преюдиции только применительно к преступлениям небольшой и средней тяжести.

Поскольку составы преступлений с административной преюдицией служат в качестве своеобразного «промежуточного звена», отражают «пограничную» опасность и противоправность деяний между преступлениями и административными правонарушениями, постольку они не должны обладать высокой степенью общественной опасности.

В современной уголовно-правовой и административно-деликтной политике наблюдается тенденция все более широкого использования конструкции административной преюдиции, при этом нет единого подхода, основанного на определенных критериях выбора деяний, в отношении которых целесообразно ее применение. В частности, В.В. Хилюта считает необходимым решить вопрос о целесообразности конструирования составов преступлений с административной преюдицией как формальных или материальных [6].

На сегодняшний день Особенная часть УК РФ насчитывает уже 32 статьи, в которых административная преюдиция используется в качестве криминообразующего признака. Анализ составов с административной преюдицией с точки зрения категории преступлений (ст. 15 УК РФ) показывает: что 22 из них принадлежат к преступлени-

ям небольшой тяжести, 8 к преступлениям средней тяжести (ст. 212.1, ч. 2 ст. 215.3, ч. 2 ст. 217.3, 280.1, 280.3, 282, 282.4, 284.1 УК РФ), а 5 к тяжким преступлениям (ст. 201.2, 201.3, ч. 3 ст. 217.3, 285.5, 285.6 УК РФ).

Исходя из необходимости обеспечения последовательности межотраслевой дифференциации и плавности (ступенчатости) усиления юридической ответственности, а также учета пограничных по степени опасности деяний, вполне закономерно, что подавляющее большинство составов с административной преюдицией относятся к преступлениям небольшой тяжести и не должны выходить за преступления средней тяжести.

Представляется, что именно остро стоящая в уголовном праве проблема разбалансированности санкций девальвирует применительно к действующему уголовному закону категоричность требования о том, что «использование административной преюдиции можно признать обоснованным лишь в квалифицированных составах преступлений средней тяжести» [7], и обосновывает целесообразность более гибкого подхода, допускающего в некоторых случаях включение административной преюдиции и в основные составы преступлений средней тяжести [8].

По мере решения проблемы согласованности санкций уголовно-правовых норм и смежных с ними норм административно-деликтного законодательства целесообразно ограничить область использования административной преюдиции, применяя ее в основных составах только преступлений небольшой тяжести. В таком случае преступлением средней тяжести с административной преюдицией сможет быть только квалифицированный состав.

В литературе предлагаются и другие решения вопроса о пределах допустимости использования административной преюдиции в зависимости от категории и видов преступлений [9].

3. Для упрощения конструкции составов преступлений с административной преюдицией и практики их применения необходимо отказаться от использования категории «предикатного срока».

Конструируя составы преступлений с административной преюдицией, законодатель наряду с признаками кратности преюдиции и преюдициального срока (т.е. годовичного срока административной наказанности, ст. 4.6. КоАП РФ) использует в ряде составов (к примеру, ст. 212.1, 314.1 УК РФ) еще и предикатный («накопительный») срок, в течение которого должно совершиться несколько (два или три) административных правонарушения, совокупность которых позволяет признать последующее деяние в качестве преступления. При этом необходимо, чтобы срок административной наказанности продолжал течь (сохранялся) по всем административным проступкам, составляющим преюдицию.

Представляется, что в подобном усложнении конструкции составов с административной преюдицией нет необходимости. Достаточным для обеспечения плавности трансформации вида юридической ответственности, справедливости перехода от административной ответственности к уголовной, с целью единообразия и упрощения правоприменительной практики, сохранить и использовать два признака – кратность преюдиции и срок административной наказанности (предусмотренный ст. 4.6 КоАП РФ). Между тем в литературе высказываются и противоположные точки зрения [10].

В этом направлении совершенствования уголовно-правовых норм с административной преюдицией в юридической литературе можно встретить и весьма спорные предложения, заключающиеся в отказе от срока административной наказанности применительно к некоторым составам [11].

4. Следует предусмотреть исключительно судебную компетенцию применения административного наказания по всем делам об административных правонарушениях, имеющих преюдициальное значение.

Несмотря на то, что в настоящее время, подавляющее большинство дел об административных правонарушениях, неоднократное совершение которых признается преступлением, отнесено к компетенции суда, все еще сохраняются предикатные административные проступки, дела по которым уполномочены рассматривать органы внутренних дел. В этой связи, для усиления процессуальных гарантий лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за преступления с административной преюдицией, представляется целесообразным установить в административно-деликтном законодательстве исключительно судебный порядок рассмотрения дел о предикатных административных правонарушениях.

5. Целесообразно продолжить тенденцию расширения сферы уголовно-правовых норм с административной преюдицией.

В реализации данной тенденции может быть учтен проанализированный нами опыт уголовно-правовой политики стран СНГ в части использования административной преюдиции в уголовном законодательстве, а также предложения российских юристов [12].

Исходя из юридической природы административной преюдиции вполне обосновано и целесообразно использовать данный институт как инструмент частичного преодоления криминализационной избыточности, характерной для действующего УК РФ, смягчения и ограничения уголовной репрессии в отношении преступлений, обладающих небольшой общественной опасностью, а также углубления межотраслевой дифференциации юридической ответственности.

В этой связи, потенциальной сферой применения административной преюдиции как средства

частичной декриминализации могут служить главы о преступлениях в сфере экономической деятельности, против здоровья населения и общественной нравственности, об экологических преступлениях. В частности, есть основание задуматься над частичной декриминализацией посредством административной преюдиции преступлений, предусмотренных ст. 128.1, 138, 140, ч. 1 ст. 144, 148, 154, ч. 1 ст. 169, 170, 171, 171.2, 174, 174.1, ч. 1 ст. 183, 251, 253, 289, 322.1, 322.2, 322.3 УК РФ и, следовательно, переводе однократных нарушений в разряд административно наказуемых.

6. Необходимо во всех составах преступлений с административной преюдицией закрепить в качестве альтернативного криминообразующего или квалифицирующего признака обстоятельство его совершения лицом, имеющим судимость за аналогичное или однородное деяние.

Проблематичной и не вполне справедливой является ситуация, когда лицо в очередной раз совершает аналогичное деяние, будучи уже судимым за преступление с административной преюдицией, но к этому моменту срок административной наказанности за первоначальное правонарушение уже истек, а состав преступления не предусматривает наличие судимости в качестве альтернативного административной преюдиции криминообразующего признака. Поскольку установление уголовной ответственности за преступление с административной преюдицией обусловлено тем, что неоднократное совершение лицом тождественных правонарушений свидетельствует о неэффективности ранее применяемых к нему мер административной ответственности, постольку, если после осуждения за такое преступление лицо в очередной раз совершит аналогичное (однородное) деяние, то наложение на него снова административного наказания будет не только бесполезным, но и несправедливым.

Подобная ситуация коснулась, в частности, ст. 116.1 УК РФ, которая стала предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ [13].

7. О соотношении института административной преюдиции с категорией уголовного проступка.

Предложение о введении в уголовный закон категории уголовного проступка, время от времени воспроизводимое в сообществе как практиков, так и ученых, имеет в уголовно-правовой науке множество, как сторонников, так и противников.

С соответствующей законодательной инициативой выступил Верховный Суд РФ [14]. При этом, по законопроекту Верховного Суда РФ, уголовным проступком не будут признаваться деяния, за совершение которых предусмотрена уголовная ответственность, в том случае если лицо было подвергнуто административному наказанию за ранее совершенные аналогичные действия (составы с административной преюдицией).

Спорным является вывод В.В. Хилицы о том, что если преступление с административной преюдицией предполагает межотраслевую дифференциацию ответственности, то проступок отражает внутриотраслевую дифференциацию мер уголовно-правового воздействия и, таким образом, введение категории «уголовный проступок» в УК заведомо несовместимо с преступлением с административной преюдицией [15]. Непонятно почему межотраслевая и внутриотраслевая дифференциация являются несовместимыми явлениями.

Мы считаем, что введение категории уголовного проступка не исключает институт административной преюдиции несмотря на то, что оба явления имеют в своей природе общие черты, выражающие нацеленность их на гуманизацию уголовного законодательства, преодоление криминализационной избыточности, ограничение уголовно-правового воздействия в отношении преступлений, не представляющих большой общественной опасности. На наш взгляд, составы уголовных проступков не только совместимы с административной преюдицией, но и в случае их возможного введения в уголовное законодательство станут основной сферой использования административной преюдиции, поскольку по идеи должны занять место «на стыке» между административными и уголовными правонарушениями.

8. О межотраслевой согласованности и сбалансированности санкций административно-деликтных и уголовно-правовых норм с административной преюдицией.

Проблема межотраслевой согласованности и сбалансированности уголовных и административных наказаний приобретает особую важность и актуальность применительно к санкционному аспекту административной преюдиции и должна выражаться в требовании о том, чтобы при определении видов и размеров уголовных наказаний за преступления с административной преюдицией необходимо исходить из видов и размеров административных наказаний, предусмотренных и назначаемых за аналогичные (однородные) административные правонарушения, согласно следующей законодательной и правоприменительной формуле: размер уголовного наказания, применяемого к лицу за повторное (многократное) совершение деяния, не должен быть меньше максимального размера административного наказания, назначаемого за предшествующее правонарушение.

Например, санкционный аспект ч. 1 ст. 12.8, ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ и ч. 1 ст. 264.1 УК РФ, как показывает их сопоставительный анализ, достаточно согласован. Что нельзя сказать, к примеру, о соотношении санкций ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ, в которой предусмотрены, в частности, обязательные работы на срок до ста двадцати часов, и ст. 158.1 УК РФ, в которой предписаны обязательные работы на срок до ста восьмидесяти часов. Разбалансированность санкций может привести

к тому, что за преступление с административной преюдицией лицо может быть наказано менее строго, чем за аналогичный административный проступок, что будет нарушением справедливости и поэтапного усиления ответственности.

9. Для определения правовых последствий признания деяния малозначительным, считаем целесообразным предусмотреть административно-правовое реагирование на них посредством включения в УК РФ и КоАП РФ корреспондирующих норм, предусматривающих административную ответственность за деяния, признанные малозначительными на основании ч. 2 ст. 14 УК РФ.

В ситуации, когда в силу малозначительности деяния отсутствует основание для привлечения лица к уголовной ответственности, должен быть юридически возможен обратный переход к административной ответственности за его совершение.

В этой связи, предлагаем закрепить в ч. 2 ст. 14 УК РФ правило о том, что в случае признания деяния, в том числе с административной преюдицией, малозначительным, лицо его совершившее, при наличии основания, может быть привлечено к административной ответственности. При этом повторность (если она признана малозначительной в уголовном судопроизводстве) должна учитываться при рассмотрении административного дела в качестве обстоятельства, отягчающего административную ответственность (п. 2 ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ).

На такой формально-материальный подход ориентирует правоприменителя Верховный Суд РФ [16].

Совершенствование законодательной техники конструирования составов преступлений с административной преюдицией.

Как показывает анализ судебной практики, некоторые допускаемые правоприменителем квалификационные ошибки являются прямым следствием отсутствия единообразия и наличия недостатков законодательной техники криминализации деяний с признаками административной преюдиции, поэтому для устранения этих причин, необходимо упорядочить описание признаков таких составов, унифицировать юридическую технику конструирования уголовно-правовых норм с административной преюдицией. Реализация этого направления предполагает следующие меры:

1. Для обеспечения единства терминологии и более точного выражения признака специального субъекта в составах преступлений с административной преюдицией необходимо во всех такого рода нормах использовать понятие «лицо, подвергнутое административному наказанию».

Как известно, субъектом всех преступлений с административной преюдицией, независимо от используемых законодателем формулировок,

выступает лицо, имеющее административную наказанность.

Учитывая это обстоятельство, наименование специального субъекта преступления с административной преюдицией «лицом, подвергнутым административному наказанию» представляется более точным и определенным в силу наличия законодательного определения данного состояния, не вызывает затруднений на практике, и, следовательно, более предпочтительно, чем обозначение его «лицом, ранее привлеченное к административной ответственности». Поэтому термин «лицо, подвергнутое административному наказанию» следует употреблять для определения специального признака субъекта во всех составах преступлений с административной преюдицией.

2. Для достижения большей правовой определенности целесообразно в уголовно-правовых нормах, закрепляющих состав с административной преюдицией, использовать ссылку на конкретную статью или часть статьи КоАП РФ (как это сделано в ст. 158.1, 212.1 УК РФ) для точного обозначения предикатного административного правонарушения. Описание объективной стороны составов преступлений с административной преюдицией посредством указания конкретных предписаний КоАП РФ, позволяет более точно очертить круг предикатных административных проступков, чем употребление термина «аналогичное деяние», поэтому такой прием законодательной техники следует распространить на все такого рода уголовно-правовые нормы.

Заключение.

1. Уголовно-правовые нормы с административной преюдицией, являясь традиционным для российского уголовного права способом конструирования составов преступлений, тем не менее, имеют ряд недостатков юридического содержания и законодательной техники, выявление которых позволило предложить пути и меры по их совершенствованию, а также оценить уже высказанные в литературе предложения.

2. В целях обеспечения обоснованности и целесообразности законодательной политики, разработаны предложения по усовершенствованию использования административной преюдиции в уголовном праве. В частности:

— в процессе конструирования составов преступлений с административной преюдицией законодателю следует учитывать закономерность зависимости количества административных правонарушений, необходимого для перехода к уголовной ответственности, от степени их общественной опасности;

— анализ составов с административной преюдицией с точки зрения категории преступлений показывает: законодатель далеко не всегда причисляет их к преступлениям небольшой тяжести, что было бы социально и криминологически

обоснованным и логичным (восемь из них отнесены к преступлениям средней тяжести, а пять к категории тяжких преступлений);

— необходимо закрепить в ч. 2 ст. 14 УК РФ правило о том, что в случае признания деяния, в том числе с административной преюдицией, малозначительным, лицо его совершившее, при

наличии основания, может быть привлечено к административной ответственности; для упрощения конструкции составов преступлений с административной преюдицией и практики их применения необходимо отказаться от использования категории «предикатного (накопительного) срока».

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Козлов А.В. О допустимости административно-правовой преюдиции в уголовном законодательстве России // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2012. № 1(22). С. 42–50.
2. См., в частности: Серкова Т.В. Неоднократное преступное поведение: теоретико-прикладное исследование : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016. С. 163; Коротков А.В. Восстановление административной преюдиции в уголовном законодательстве России / А.В. Коротков, Н.В. Еремина // Ученые записки Казанского юридического института МВД России 2016. Т. 2. 226 с.; Эргашева З.Э. Административная преюдиция в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 149 с.
3. Андрианов В.К. Теория закономерностей уголовного права. М., 2025.
4. Одоев О.С. Административная преюдиция в уголовном праве России и государств СНГ. М., 2018. 61 с.
5. Эргашева З.Э. Административная преюдиция в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 145 с.
6. Хилjuta В.В. Административная преюдиция в уголовном праве (теоретико-прикладное исследование) : монография. М., 2024. 128 с.
7. Эргашева З.Э. Административная преюдиция в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 133 с., 136 с.
8. О целесообразности распространения конструкции административной преюдиции не только на преступления небольшой, но и средней тяжести см. к примеру: Юнусов А.А., Серкова Т.В. Административная преюдиция в российском уголовном праве // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 1. 280 с.; Лапина М.А. Административная преюдиция как способ декриминализации уголовных преступлений и разграничения уголовных преступлений и административных правонарушений в современный период / М.А. Лапина, Д.В. Карпукhin, Ю.В. Трунцевский // Административное право и практика администрирования. 2015 № 2. 53 с.
9. См., например: Безверхов А.Г. Административная преюдиция в уголовном праве России // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовно-исполнительного права. 2012. 18 с.; Серкова Т.В. Неоднократное преступное поведение: теоретико-прикладное исследование : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016. 12 с.; Хилjuta В.В. Административная преюдиция в уголовном праве (теоретико-прикладное исследование) : монография. М., 2024. 127 с.
10. Хилjuta В.В. Административная преюдиция в уголовном праве (теоретико-прикладное исследование). М., 2024. 127 с.
11. Антюхов А.В. Новая редакция статьи 157 УК РФ: частичная декриминализация или изменение тактики борьбы? / А.В. Антюхов, С.В. Кара // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 2. 276 с.
12. См., например: Декриминализация преступлений в сфере экономической деятельности: административная преюдиция в действии / Под ред. М.А. Лапиной. М., 2016; Иванчин А.В. Конструирование состава преступления: теория и практика. М., 2014. С. 237–240.
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.04.2021 № 11-П «По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой».
14. См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2020 г. № 24.
15. Хилjuta В.В. Административная преюдиция в уголовном праве (теоретико-прикладное исследование) : монография. М., 2024. 136 с.
16. См.: п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2022 № 39 «О судебной практике по уголовным делам о неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (статья 157 Уголовного кодекса Российской Федерации)».

References:

1. Kozlov A.V. On the admissibility of administrative and legal prejudice in the criminal legislation of Russia // Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. № 1(22). P. 42–50.
2. See, in particular: Serkova T.V. Repeated criminal behavior: theoretical and applied research : dis. ... candidate of legal sciences. N. Novgorod, 2016. 163 p.; Korotkov A.V. Restoration of administrative prejudice in the criminal legislation of Russia / A.V. Korotkov, N.V. Eremina // Scientific Notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia 2016. Vol. 2. 226 p.; Ergasheva Z.E. Administrative prejudice in criminal law: dis. ... candidate of legal sciences. M., 2018. 149 p.
3. Andrianov V.K. Theory of patterns of criminal law. M., 2025.
4. Odoev O.S. Administrative prejudice in the criminal law of Russia and the CIS countries. M., 2018. 61 p.
5. Ergasheva Z.E. Administrative prejudice in criminal law : dis. ... candidate of legal sciences. M., 2018. 145 p.
6. Khilyuta V.V. Administrative prejudice in criminal law (theoretical and applied research) : monograph. M., 2024. 128 p.
7. Ergasheva Z.E. Administrative prejudice in criminal law : dis. ... candidate of legal sciences. M., 2018. 133 p., 136 p.
8. For the expediency of extending the construction of administrative prejudice not only to crimes of minor but also of moderate severity, see, for example: Yunusov A.A., Serkova T.V. Administrative prejudice in Russian criminal law // Actual Problems of Economics and Law. 2015. № 1. 280 p.; Lapina M.A. Administrative prejudice as a way to decriminalize criminal offenses and distinguish between criminal offenses and administrative offenses in the modern period / M.A. Lapina, D.V. Karpukhin, Yu.V. Truntsevsky // Administrative law and practice of administration. 2015. № 2. 53 p.
9. See, for example: Bezverkhov A.G. Administrative prejudice in the criminal law of Russia // Actual problems of criminal law, criminology, penal enforcement law. 2012. 18 p.; Serkova T.V. Repeated criminal behavior: theoretical and applied research : dis. ... candidate of legal sciences. N. Novgorod, 2016. 12 p.; Khilyuta V.V. Administrative prejudice in criminal law (theoretical and applied research) : monograph. M., 2024. 127 p.
10. Khilyuta V.V. Administrative prejudice in criminal law (theoretical and applied research). M., 2024. 127 p.
11. Antyukhov A.V. New edition of Article 157 of the Criminal Code of the Russian Federation: partial decriminalization or a change in tactics of struggle? / A.V. Antyukhov, S.V. Kara // All-Russian Journal of Criminology. 2017. Vol. 11. № 2. 276 p.
12. See, for example: Decriminalization of crimes in the sphere of economic activity: administrative prejudice in action / Edited by M.A. Lapina. M., 2016; Ivanchin A.V. Constructing the corpus delicti: theory and practice. M., 2014. P. 237–240.
13. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 04/08/2021 № 11-P «In the case of the review of the constitutionality of Article 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen L.F. Sakova».
14. See: Resolution № 24 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 13, 2020.
15. Khilyuta V.V. Administrative prejudice in criminal law (theoretical and applied research) : monograph. M., 2024. 136 p.
16. See: paragraph 9 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12/22/2022 № 39 «On judicial practice in criminal cases of non-payment of funds for the maintenance of children or disabled parents (Article 157 of the Criminal Code of the Russian Federation)».

Информация об авторе

Симонова Екатерина Юрьевна
Российский государственный
университет правосудия
Simkat94@bk.ru

Ekaterina Yu. Simonova
Russian State University of Justice
Simkat94@bk.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 25.08.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 09.09.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

(РУБРИКА НЕ ВКЛЮЧЕНА В ПЕРЕЧЕНЬ ВАК ПРИ МИНОБРНАУКИ РФ)

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-3-2>

УДК 378

Attribution

cc by

СОЦИОРЕФЛЕКСИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВУЗА: РЕФЛЕКСИВНО-ДИАЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Давыдова Г.И.¹, Самыгин С.И.²

¹Херсонский государственный педагогический университет,

²Ростовский государственный экономический университет

Аннотация. Целью статьи является обоснование рефлексивно-диалогического подхода в воспитании политической культуры, технологий социорефлексии, способствующих инициации самостоятельного мышления будущих практических психологов-консультантов, тренировке и пониманию смыслов реального политического участия, формирования интегральной Я-социализации как формы социокультурной детерминации творческого конструирования свойств сознания и механизмов мышления социальных субъектов в контексте развития науки и образования. В рефлексивно-диалогической динамике политического воспитания развитие интегральной Я-социализации связано с эффективными методами гармоничного развития биопсихосоциальной интеграции человека, социорефлексивным развитием творческой направленности личности: индивидуально-приватных отношений, рефлексивных умений и рефлексивных знаний.

Ключевые слова: социорефлексика, политическое воспитание, рефлексивно-диалогический подход, студенты психологического вуза.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

SOCIOREFLEXICS OF POLITICAL EDUCATION OF PSYCHOLOGICAL UNIVERSITY STUDENTS: A REFLEXIVE AND DIALOGICAL APPROACH

Galina I. Davydova¹, Sergey I. Samygin²

¹Kherson State Pedagogical University,

²Rostov State University of Economics

Abstract. The purpose of the article is to substantiate the reflexive-dialogic approach in the education of political culture, technologies of socioreflexics, contributing to the initiation of independent thinking of future practical counseling psychologists, training and understanding the meanings of real political participation, the formation of integral Self-socialization as a form of socio-cultural determination of the creative construction of the properties of consciousness and mechanisms of thinking of social subjects in the context of the development of science and education. In the reflexive-dialogic dynamics of political education, the development of integral Self-socialization is associated with effective methods of harmonious development of human biopsychosocial integration, socioreflexive development of creative personality orientation: individual-private relationships, reflexive skills and reflexive knowledge.

Keywords: socioreflexics, political education, reflexive-dialogical approach, students of a psychological university.

Funding: Independent work.

Введение. Актуальность политического измерения самосознания становится сегодня необходимым достоянием зрелой гражданской позиции практического психолога.

Стратегией развития политического воспитания с учетом социокультурных ценностей, призванной определять государственные ориентиры политической культуры в сфере воспитания молодежи является «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» [19].

Теоретическая проблема данного направления исследований воспитания и образования будущих психологов-консультантов связана с обоснованием рефлексивно-диалогического подхода к развитию политической культуры, определяющей продуктивную позицию субъектов высшего профессионального образования [6; 7].

Методологическими основаниями такого подхода являются общенаучные принципы объективности, системности и историчности, находящие свое применение в широком пространстве общественного и гуманитарного знания.

© Давыдова Г.И., Самыгин С.И.

Обсуждение. Результаты.

Традиционные подходы, появившиеся в XX веке, в основном не рассматривают проблемы политики как клинически значимый материал и дистанцируются от каких-либо предложений и возможностей влияния (Ratigan, 1995; van Deurzen-Smith, 1995), в ходе работы с клиентами психотерапевты относятся к политическому материалу как к символическому, отражающему внутреннюю динамику личности клиента (Samuels, 1993).

Конструкционистская теория, признает, что человеческий опыт встроен в контекст, в том числе политический, признается, что такие составляющие психической жизни человека как идентичность, эмоции и поведение являются и становятся составными частями и элементами общественной системы, указывается, что в реальной практике психотерапевты воспринимали политические вопросы как нечто реальное, имеющее отношение к их общему с клиентом социальному контексту (McNamee and Gergen, 1992; Spinelli, 1994).

В действительности же, часто политическая позиция психолога хорошо артикулирована, так как, так или иначе, опирается на ценности профессии, поэтому сохранять в данном случае нейтральность вряд ли возможно. К примеру, качественное исследование (Williams & Levitt, 2007) личных ценностей в психотерапии показало, что большинство выдающихся терапевтов видят психотерапию как неизбежно нагруженную ценностями политики и открыто инициируют их обсуждение с клиентами. Из всего этого следует, что в обучении психологов, психотерапевтов и других помогающих практиков у нас наблюдается пробел в методологии того, как безопасно и эффективно встраивать политическую и профессиональную позицию в профессиональную практику будущих специалистов. Исследований этой темы практически нет.

Рефлексивно-диалогический подход, связанный с развитием творческой социоцентрической направленности личности и профессиональной рефлексивной компетентности, оснащен событийными средствами для осознания субъектом своей деятельности, ее условий и объекта, целостности своих социальных и частных взаимодействий (Давыдова, 2008). Этот подход уходит корнями в концепцию «Я-Ты» философской антропологии Мартина Бубера, который представил диалогический метод как взаимодействие, которое нужно практиковать, концепцию Бахтина в понимании идеи диалога как адекватной формы бытия в культуре, феноменов самодетерминация и самопредопределения человеческого бытия в сознании В.С. Библера, основывается на методологии рефлексивной психологии творчества И.Н. Семенова и С.Ю. Степанова (Семенов, 2000; Семенов, Степанов, 1992), как концептуальной основе развития личности и ее профессионализма в современном социокультурном пространстве, а также опирается на определение направленности личности (Н.И. Непомнящая, 1992), как пристрастного отношения человека к действительности.

Стержневым для психологии политики является для нас субъектно-деятельный подход С.Л. Рубинштейна в том, что с появлением рефлексии человек приобретает способность выйти за пределы непосредственного процесса жизни и занять позицию вне её и над ней (Рубинштейн, 1973). Его диалектика в отношении к психологии человека, проявляющаяся в этическом отношении к другому человеку, отношении к себе и к своей жизни в критериях трагического, юмористического и деятельного, интерпретация проблемы познания и истины, элементы этого подхода (цели, ценности, нормы, идеалы) позволяет соединить политику, как особую деятельность людей и психологию субъектов взаимодействия.

Проблема перестройки общества, переделки общественной жизни выступает как центральная философская проблема: общественные условия человеческой жизни и его внутренняя сущность как проблема внутреннего бытия человека в его отношении к миру, к другим людям. По мысли Рубинштейна, истина, открывающаяся в познании и выступающая не как обособленный гносеологический аспект изолированно взятого отношения человека к бытию, а как отношение, опосредствуемое человеческими добродетелями и пороками – как правда, справедливость в способности принять то, что есть, как оно есть (на самом деле), смотреть в глаза действительности, вскрывать ее. В то же время, она означает: видеть недостатки, преодолевать трудности, обнаруживать мужество в процессе познания.

Эта важная методологическая позиция выступает как психология выбора в ситуации острых противоречий в медиапространстве, где попытки позиционирования психологической практики как нейтральной и свободной от политики, перестают выглядеть адекватно. Политика, врываясь в кабинет психолога и психотерапевта, требует переосмысления традиционного мировосприятия, рефлексивного мышления, заглядывая за пределы привычного вчерашнего, инновационной логики реализации помощи человеку.

В новых рамках культурно-политического бытия оптимальная позиция психолога выступает как активная поддержка позитивного преодоления жизненных трудностей выбора жизнестойких стратегий, жизнестойкого стиля преодоления, стимулирует человека, способствуя постоянному самообновлению, экзистенциальному развитию, расширению своих представлений о мире и лучшему пониманию своих взаимоотношений с ним, т.е. стимулирует способность к творческому жизненному выбору.

Социоцентрическая этика политической культуры выходит за пределы специальной этики в той ипостаси, когда этическое – это не только общественное в человеке, но и природное, индивидуальное (телесное), преломленное через сознание, соотносительное тем самым с общественным. Уровень человека как совокупности общественных отношений предваряется основными (индивидуально-личностными) отношениями, позволяющими раскрыть его специфическую онтологию: это этическое отношение к другому

человеку, большой диапазон пристрастных отношений к себе и своей жизни, среди которых деятельное, как общая исходная предпосылка, как общее и специфическое.

Такие основания предполагают исторический контекст развития культурной политической парадигмы, а также непрерывное репродуцирование ее ценностей в процессе жизнедеятельности и повседневного общения людей, влияющих на формирование отношения индивида к политической системе и интерес к участию в общественно-политической жизни. Перешагнув коллективистские традиции, российское общество, прильнула к европейским ценностям, к сильному примату индивидуальности в социуме. Традиционно отмечая специфику элементов советской системы образования, нельзя не отметить правильный социально-психологический характер политического воспитания, нацеленный на адаптацию человека к условиям, задаваемым эпохой, а также каждым возрастным этапом взросления новой личности. Показателями такой адаптации были оптимизм, надежда на светлое будущее, любовь детей к советским символам, весь дискурс коллективной психики, связанный с поддержанием баланса в системе.

Драматические преобразования, происходящие в современном российском обществе, повлекли изменения в системе образования. Вековую культурную среду российского образования «поразили» инновации, где воспитание не имело рыночной доходности. Последствия не заставили себя ждать, что не удивительно, вспомнив в этой связи слова Д.И. Менделеева о том, что знание без воспитания – это меч в руках сумасшедшего.

Потребовался большой период времени для осознания упущенных возможностей. В Федеральном законе РФ «Об образовании в Российской Федерации» от 2022 года отпала идея монетизации образования (известный мем Министра образования Кравцова: «Образование – это не услуга, а учитель не обслуга»), формирование новых социально-политических отношений потребовало трансформации основ политической культуры социума и каждого индивида, в частности. Гражданское образование теперь выступает как комплексное направление учебно-воспитательной работы, сочетающее в себе правовое, политическое и нравственное воспитание [13].

Вместе с тем, исследования политического воспитания, в частности, формирования гражданской ответственности российских старшеклассников, демонстрируют тот факт, что многим из них присущи незрелые, а порой и противоречивые когнитивные представления о России и ее социально-политическом устройстве, смешанные чувства относительно своего личного будущего и перспектив развития нашей страны, слабая заинтересованность в общественно-политической активности [14].

Таким состоянием, очевидно «болеют» все институты социализации – образовательные учреждения, интернет (СМИ), а также и семья как

институт социализации в составе взрослого, очень взрослого и подрастающего поколения.

Это определяет новый уровень требований к содержанию профессиональной подготовки практических психологов, психологов-консультантов, к личностным характеристикам специалистов, к формированию их профессиональной интегральной Я-социализации, ценностным аспектом которой выступает общее пространство культуры, в том числе политической культуры.

Социорефлексика культурной идентичности в рефлексивном диалоге.

Рефлексивно-диалогический подход связан с развитием культурной идентичности в структуре творческой направленности личности, на уровне которой возможно осуществление преобразования внутренних и внешних ресурсов, изменение стереотипов, изменение способов мышления (рис. 1).

Модель включает аспект эмоционально-ценностного отношения (внутренняя сторона – Образ Я), предполагающий основу для анализа онтогенетического происхождения культурной идентичности, базовым (*адаптивным* уровнем отношений) для которой выступает диалогическое Я, приобретение интенциональности, склонности к самоидентификации с другими людьми путем имитации. Становление диалогического Я выступает как предпосылка *культурального обучения* [1] через других людей, поскольку требует способности встать на место этого человека. Ребенок в диалоге начинает осознавать существование общей реальности на межсубъектном уровне, в том числе на уровне *нормативных* отношений – реальности, которая складывается из социальных практик и процедур, материальных и символических артефактов. Социально-значимую сторону культурной идентичности опосредованную рефлексивной самооценкой представляет «деятельный» конструкт – интегральная Я-социализация, сочетание духовного измерения моральной ответственности, ценностных отношений и способности к целеполаганию.

С позиции рефлексивно-диалогического подхода, интегральная Я-социализация – это развитие и самоизменение человека, происходящее как в процессе стихийного, относительно направляемого воздействия окружения, так и благодаря целенаправленным социокультурным влияниям окружения. Социорефлексивный механизм формирования творческой направленности личности студентов помимо развития способности к диалогу и социально-нормативным отношениям включает уровень развития рефлексивных знаний, проявляющийся в способности к социокультурному проектированию, отражающему легитимный путь человеческой культуры. Этот символический уровень публичного пространства, где общение строится на равных и важен голос каждого в вопросах общего блага, где слово и поступок человека имеют значение, вес и реальные последствия, что открывает человеку возможность самодетерминации, в том числе по отношению к власти.

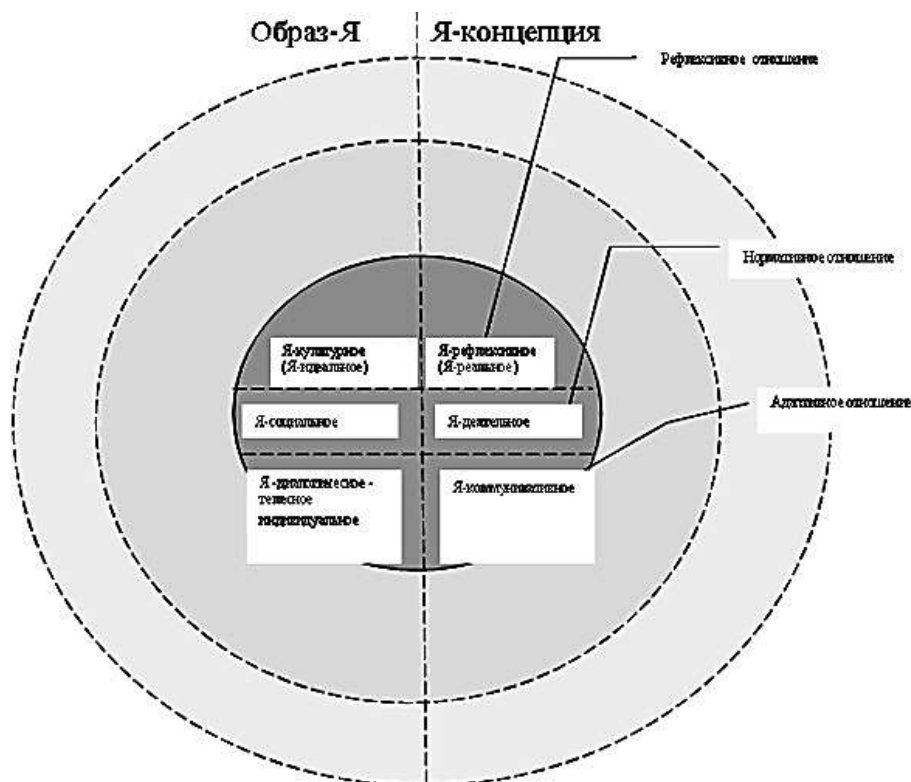

Рисунок 1 – Рефлексивно-диалогическая модель творческой направленности личности

Идея политического в этой модели выступает как силовое поле интегральной Я-социализации образованное словами, общающихся «на равных» людей. В образовательном пространстве, помимо учебных предметов социально-гуманитарного цикла, не менее важным являются диалогические методы преподавания, выстраивание субъект-субъектных отношений и сотрудничества всех участников учебно-воспитательного процесса.

Научное и педагогическое сообщество активно ищет консенсус стратегических приоритетов научного познания в развитии системы педагогического образования, интегративный подход к обучению и воспитанию, новые формы и модели совершенствовании профессиональной подготовки педагогических кадров.

Гражданское образование, выступающее комплексом учебно-воспитательной работы в вузе, сочетает в себе правовое, политическое и нравственное воспитание. На когнитивном уровне идет формирование значимых политико-правовых знаний, на поведенческом приобщение к новым формам принятия коллективных решений в новых реалиях политической культуры [15].

Событийная позиция педагога в воспитательном пространстве диалогических отношений задает месседж, определенный тип политической культуры, который, осознанно или нет, транслируется обучающимся. Политическая культура обнаруживается той психологической средой, в которой конкретизируются практики политической социализации и если эта среда формируется как творческая, диалогическая, то педагог, так или иначе, вырабатывает рефлексивные механизмы

самоконтроля-самоцензуры при рассмотрении наиболее острых вопросов истории страны, изложении – интерпретации текущих социально-политических событий.

Каждая культура глубоко и систематически влияет на эмоциональный опыт человека, придавая определенное значение и ценность, связанные с процессом убеждений, практик, выступающий как фон интерпретации культуральной значимости событий и объектов, требующих четкой позиции.

Мир сегодня обнажается своей «изнанкой» и новому поколению мир открывается таким, какой он есть на самом деле. Сегодня актуальная проблема в работе психолога – образ жертвы. Образ жертвы занимает важное место в массовой культуре, политике и общественных дискуссиях. Мы видим, как медиа и культурные нарративы закрепляют роль жертвы в сознании людей, как некоторые группы в обществе стремятся идентифицировать себя с этим образом и видим, какие психологические последствия это несёт. С одной стороны, мы видим в жертве объект сочувствия и помощи, с другой – этот образ часто используется для манипуляций, оправдания действий и формирования коллективной идентичности.

В информационных войнах медиа часто подают конфликты через нарративы жертвы и агрессора, игнорируя сложность ситуации, чтобы получить поддержку или оправдать определённые решения. В политическом пространстве особое место придается метафорам, утверждается, что набор и специфика метафорических моделей, которые применяются в политическом дискурсе

адекватно передают мировосприятие и служат точным индикатором настроения общества. Применение «говорящих» метафор способствует взаимопониманию и согласию между политическим лидером и его аудиторией.

Когнитивная метафора помогает осмысливать и анализировать сложные политические и социальные проблемы. Конкретные образы, стоящие за отвлеченной идеей, создают наглядную картину происходящего. Эмоциональная функция вызывает непосредственный отклик, вызывает определенные чувства. В политическом дискурсе выделяются различные виды метафор: антропоморфная, связанная с аналогией государства как организм или семья, природоморфная – осмысление политической деятельности характеристики природы, социальная – политика рассматривается через сферы общественной жизни, артефактная – используются в качестве аналогии различные предметы и объекты, подчеркивается их значение в формировании политической реальности, популяризации идей и концепций в процессе взаимодействия с обществом [21]. Для развития политической культуры работа со словом имеет особое значение, учитывая, что в наши дни цифра все большее «наступает» на слова.

Работе с метафорами в модели творческой направленности отводится уровень интегральной Я-социализации, где вместе с применением методов работы с источниками информации (нормативными актами, статистическими и периодическими источниками), используются методы дискуссий, брейнстормингов, способствующих развитию способности аргументировать и отстаивать самостоятельное мнение, инициации самостоятельного мышления обучающихся, а также проектные, игровые методы дебатов (например, лидеров политических партий), способствующие тренировке реального политического участия.

На основании модели (табл. 1) проектирование способов деятельности, связанных с базовыми социальными установками, элементарные способы поведения могут различаться по таким основаниям, как адаптивный, целевой, творческий, т.е. в диспозиции приватное – публичное. Если первые два способа деятельности характеризуют *функционирование* индивида, *творческий* способ деятельности, характеризующийся надситуативностью, ближе всего предстоит к публичному пространству. Понятно при этом, что нахождение индивида преимущественно в условиях приватного пространства, выступает как внеполитическое сознание.

Таблица 1

Дискурсивная модель функционирования элементарных способов поведения

Формы поведения	Личностные функции						Степень целостности	Стратегия
	побужденн «б»	намерение «нм»	ценность «цнс»	замысел «змс»	план «пл»	поступок «п»		
Блокирующее							–3	Реактивная
Консервативное							–2	
Регрессивное							–1	
Формальное							0	
Адаптивное							+1	Активная
Целевое							+2	
Творческое							+3	

Как видно из таблицы *творческое* отношение, характеризующееся наиболее развернутым (рефлексивным) способом принятия решений в ситуации «здесь и теперь» (интегральная

Я-социализация) включает полный цикл личностных функций: побуждение, намерение, ценность, замысел, план, результат/поступок; *нормативное* поведение – четыре функции: побуж-

дение, намерение, план, результат, т.е. не является интегральным, поскольку использует лишь частичные ресурсы, связанные с использованием образцов, норм, стандартов, авторитетных мнений. *Адаптивное* поведение связано с приспособительными способами к определенной ситуации. На уровне *нормативного* поведения происходит работа на поведенческом уровне, связанная с умениями ориентироваться на правила, стандарты организационно-деятельностных умений, поддержку лидера.

С другой стороны, способы взаимодействия, определяемые социальными установками, могут выступать в диспозициях *регрессивное*, *консервативное*, *блокирующее*, а также в виде формального поведения (нулевая собственная активность).

Метафорически-игровая форма социорефлексии конструктивных форм поведения допускает применение модели транзактного анализа, способствующей осознанию студентами шаблонов поведения, не рефлекслируемых критериев нравственного, экономического, эстетического, гражданского поведения, скрывающих внутренние психологические сценарии. Результативным критерием выступают шкальные оценки по итогам наблюдения: Выполнена ли поставленная цель? Какой эмоциональный характер отношений (невербальных) проявлял субъект? Насколько понят скрытый мотив партнера? Насколько использована полученная информация? Насколько творчески решена задача?

Не будет преувеличением сказать, что метафоры развивают научный дискурс, в немалой степени определяющий масштаб личности, способности принимать решения и действовать. В одном из проектов двум группам студентов-психологов был представлен текст о росте уровня преступности в городе, при этом одна из групп получила текст, начинающийся со слов «Преступность – это вирус, опустошающий город», другая, который начинался со слов «Преступность – это зверь, опустошающий город». Было очевидно, что восприятие понятия «преступление» для обеих групп было намеренно опосредовано двумя различными метафорами: «как

вирус» и «как зверь». В концептуальной части работы студенты создавали общий проект мер, которые они считают адекватными для решения проблемы преступности. Та группа, которая работала с метафорической установкой, что «преступление – это зверь», гораздо чаще рекомендовала карательные меры, такие как увеличение численности штата полиции и помещение преступников в заключение (аналогия очевидна). Группа, получившая метафору «преступление – это вирус», была склонна предлагать меры по ассоциации с эпидемиологической проблемой: сдерживание, выявление причин и устранение их, а также проведение социальных реформ. Примечательно, что на концептуальный подход к решению проблемы участников не повлияло осознание отношения метафорических установок на их выбор «почему» они предложили именно такие решения, респонденты чаще всего объясняли статистикой преступности, которая при этом была одинаковой для обеих групп, и не имела отношения к метафоре.

Этот эксперимент не является чем-то особенным: исследования, проведенные в схожих условиях, убедительно свидетельствуют о том, что выбор концептуальных метафор существенно влияет на мнения и решения людей в различных ситуациях. Среди прочего это, например, то, как люди воспринимают угрозу изменения климата, их отношение к политике, полиции, межэтническим конфликтам и другое.

Уместность метафор, которые используются для речевого моделирования реальности, могут сами по себе являться предметом рефлексивного анализа. Этот выбор – сознательный или нет – может оказаться конструктивным или деструктивным, характеризующий политическую культуру.

Для студентов в работе с клиентами важной преамбулой является допущение, что наши представления и понятия сконструированы метафорически. В обучающей социорефлексике клиентов с целью осознания их действующих повседневных метафор применяется упрощенный вариант – шести-шаговая модель рефлексивно-диалогического взаимодействия (РЕДИВ) (рис. 2).

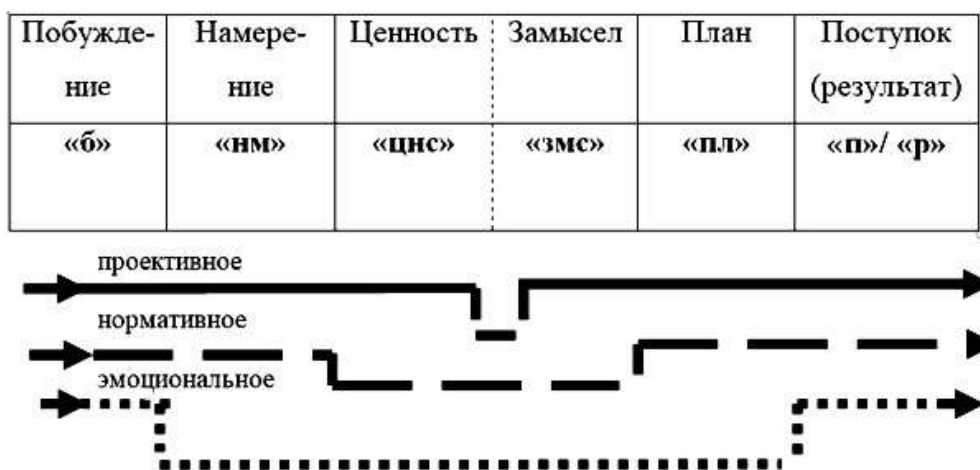

Рисунок 2 – 6-ти шаговая модель социорефлексии

Первый шаг для клиента (побуждение) – это обратить внимание на суть метафоры, а она не всегда очевидна. Внимание сфокусировано на альянсе и способах его укрепления, контроле непреднамеренного самораскрытия в попытке непосредственного обозначения своей позиции клиенту.

Второй шаг – осознание клиентом своих намерений («Зачем? Почему? Как это было раньше?») Если это уместно, если клиент готов к обсуждению, тогда уместна формулировка и артикуляция в явном виде своей собственной позиции и отношения к происходящему. Укрепление альянса.

Третий шаг – после того как негативная концептуальная метафора осознана, предстоит следующий шаг, обоснование того, почему она нежелательна и нуждается в замене. Внимание акцентировано на тех вопросах, которые волнуют и эмоционально затрагивают клиента в большей степени, тех чувствах, которые у него вызывает общение с людьми, мнение которых для него значимо. В зоне интереса – благополучие клиента и забота о его безопасности. Объективизация сопряжена с множеством этических проблем.

Четвертый шаг – осознание смысла целеполагания («Ради чего», «Во имя чего», «Как это может (должно) быть?»). Несогласие клиента может использоваться как терапевтическая мишень.

Пятый шаг – выбор клиентом способов самодетерминации (анализ ресурсов), можно и полезно сфокусироваться на том, как конкретная информация влияет на функционирование клиента, его мотивацию, переживания и отношения с другими.

Шестой шаг – преобразование (переосмысление) ситуации (поступок), если во взглядах клиента содержится риторика, направленная на насилие, унижение других и нарушение их свобод, уместна эмпатическая конфронтация, возможен новый рефлексивный цикл взаимодействия (возврат к первой стадии цикла – «побуждение»). Если обнаружено конфликтное противоречие достаточно велико, чтобы повлиять на беспристрастность психолога, или есть риск эксплуатации клиента, лучше прервать отношения.

Чем глубже метафора укоренена в коллективной психике, тем труднее ее заменить. Социорефлексика отвечает на вопросы, работает ли метафора на благо? Что общего у положительных метафор? Есть ли способы успешно деконструировать «основание» метафоры?

Рефлексивные усилия, направленные на переосмысление привычных метафор, несут в себе потенциал для снижения социального вреда – как для отдельных людей, так и общества в целом. В «умелых руках» политическая метафора является орудием воздействия на общественное сознание [11].

Философская позиция конструктивизма, в соответствии с которой то, с чем имеет дело человек в процессе познания и освоения мира не является существующей самой по себе какой-то реальностью, которую человек пытается осилить и охватить своим сознанием, определяет это в каком-то смысле собственной деятельностью человека (Лекторский, 2008). Конструктивисты считают, что индивид в своих процессах восприятия не столько отражает окружающий мир, сколько активно конструирует и творит этот мир (Степин, 2008). Человек имеет дело в процессе своего познания с самим собой, от себя он уйти не может, постигая мир через идеализации, абстракции, модели, метафоры, которые определяют его возможности формирования рефлексивной политической культуры.

Социорефлексика в образовании происходит в пространстве интегральной Я-социализации, «квазирефлексивного» взаимодействия педагога и студентов, при этом «фоном» являются культуральные отношения (диалог), на котором происходит становление «фигуры» Образа Я и самооценки личности (Я – концепции), за счет бытийной общности, построения и удержания в идеальном пространстве системы различных ценностных, содержательных и организационных самоопределений субъекта (диалогента), когда в пространстве «здесь-и-теперь» происходит процесс интенсивного взаимодействия. Интегральная Я-социализация включена во внешнюю социально опосредованную структуру направленности, обусловлена рефлексивной самооценкой (Я-концепцией).

С позиции рефлексивно-диалогического подхода, социорефлексивный механизм формирования политической культуры студентов включает уровень развития рефлексивных знаний, проявляющийся в способности к социокультурному проектированию – интегральной Я-социализации. В контексте применения модели рефлексивно-диалогического взаимодействия происходит перенастройка концептуальной модели творческой направленности личности, перенесение акцента на социальную структуру отношений. В процессе социокультурного проектирования использование идеальной модели предполагает ее замену реальным объектом, обладающим другой системой свойств, переосмысление современных метафорических моделей

В реальной практике высшего образования психологов рефлексивный диалог направлен на обучение безопасности и эффективности встраивания политической позиции в профессиональную практику будущих специалистов. Об этом свидетельствуют вопросы, которые задаются студентами в ходе образовательных курсов, в том числе такие как: «Как психологу говорить о политике и при этом оставаться открытым и доступным, когда обсуждение затрагивает его собственные глубинные взгляды?», «Должен ли психотерапевт открыто говорить о своей полити-

ческой позиции?», «Может ли психолог-консультант оставаться профессионально пригодным, разделяя политические убеждения, не соответствующие основным ценностям психотерапевтической практики (личная свобода, ответственность, автономия)?», «Как быть, когда политические взгляды являются значимой частью идентичности клиента и это создает разрывы в альянсе?», «Должен ли психотерапевт фокусировать внимание клиента на тех аспектах, где его политические взгляды являются частью системного насилия, дискриминации и нарушения прав других людей?» «Нужно ли удерживать фокус на политическом как внешнем по отношению к клиенту или стараться сразу переводить разговор в плоскость внутренней динамики, переживаний, убеждений?» И многие другие вопросы.

Таким образом, в современных условиях попытка позиционировать психологическую практику как нейтральную и свободную от политики перестает выглядеть адекватно. Это определяет новый уровень требований к содержанию профессиональной подготовки практических психологов, к личностным характеристикам специалистов, к формированию политической культуры, интегральной Я-социализация как рефлексивно-социальной составляющей политической культуры личности. В теоретическом плане это развитие модели творческой направленности личности, обобщающей и развивающей в научно-прикладном аспекте современные социально-философские и политологические идеи. В практическом плане это связано с применением рефлексивно-вариативных моделей поведения психолога в трудных профессиональных ситуациях политической реальности.

Формирование политической культуры проявляется многоаспектно, в том числе в социокультурных основаниях политического, в передаче норм, общечеловеческих и гражданских ценностей. При этом ценности не являются стабильными — они меняются под влиянием внешних и внутренних факторов. Регулятором ценностных отношений выступает Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», гарантирующий воспитание политической культуры как неотъемлемой части образования, взаимосвязанной с обучением, а также авторитет образовательных и коммуникативных структур, в том числе общественные и политические институты в лице государства, политических партий, движений, формирующие политические ориентации и характер участия индивида в политической жизни, масс-медиа, оказывающее генеральное воздействие на индивидуальные и коллективные ценности, установки, стереотипы и нормы поведения, а также семья и ближайшее окружение. Такие основания предполагают исторический контекст развития культурной политической па-

радигмы, а также непрерывное репродуцирование ее ценностей в процессе жизнедеятельности и повседневного общения людей, влияющих на формирование отношения индивида к политической системе и интерес к участию в общественно-политической жизни.

Актуальность политического измерения восприятия мира сегодня, когда идет война за десубъективизацию, гегемонию становится необходимым достоянием зрелой гражданской позиции специалиста, что находит отражение в реестре психолого-педагогических направлений исследований по научной специальности 5.3.5. «Социальная психология, политическая и экономическая психология», таких как: изучение закономерностей общения и деятельности людей, обусловленных социально-экономическим и политическим контекстами их взаимодействия в реальной и цифровой среде; вербальной и невербальной коммуникации, политической коммуникации; процессов социального познания, социальной категоризации и другое, что, так или иначе, связано с формированием политической культуры практического психолога [10].

Воспитание политической культуры, являющееся по своим функциям одним из ключевых инструментов формирования целостной картины мира личности и морально-ценностных принципов отношения к миру в целом, сегодня в России является направлением в начальной (адаптивной) стадии развития, не подкрепленным рефлексивным осмыслением его теоретических и методических основ, что объясняется длительным периодом деполитизации образовательного процесса. В реальной практике высшего образования психологов пока налицо ограниченность обучения безопасности и эффективности встраивания политической позиции в профессиональную практику будущих специалистов. В современных условиях попытка позиционировать психологическую практику как нейтральную и свободную от политики перестает выглядеть адекватно.

Заключение.

Все сказанное определяет новые требования к содержанию профессиональной подготовки практических психологов в вузе с учетом политической культуры, формирования в образовательной среде психологического вуза общества знаний, подразумевающего помимо возможностей, связанных с доступностью знания, определенные способы отношения к знанию, т.е. наличие субъектов знания, что позволяет проектировать идеи, содержание и технологии образовательной деятельности, способствующие качественным изменениям профессионального образования в соответствии с современными требованиями общества, государства, личности.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Анолли Л. Психология культуры. Харьков : Гуманитарный центр, 2016. 480 с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М. : Искусство, 1986. 444 с.
3. Библер В.С. Мышление как творчество. Введение в логику мыслительного диалога. М. : Политиздат, 1975. 399 с.
4. Бубер М. Я и Ты // Два образа веры. М. : «Изд-во АСТ», 1999. С. 24–121.
5. Давыдова Г.И. Рефлексивно-диалогические технологии в образовательной практике вуза: Монография. М. : РИД ВЛАДИ, 2008. 135 с.
6. Давыдова Г.И. Социорефлексика творческой направленности личности в рефлексивном диалоге : монография. М. : РИД ВЛАДИ, 2016. 230 с.
7. Давыдова Г.И. Формирование личности в теории и практике рефлексивно-диалогического подхода : монография / Г.И. Давыдова, С.И. Самыгин. М. : РУСАЙНС, 2020. 220 с.
8. Лекторский В.А. Конструктивизм и реализм в эпистемологии // Философские науки. 2008. № 3. С. 5–9.
9. Непомнящая Н.И. Становление ребенка 6–7 лет. М. : Педагогика, 1992. 160 с.
10. Паспорт научной специальности 5.3.5. «Социальная психология, политическая и экономическая психология».
11. Патюкова Р.В. Публичная коммуникация в дискурсе Американской политической элиты. Краснодар, 2009. С. 369–402.
12. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М., 1973.
13. Самсонова Т.Н. Практики политической социализации в современной российской школе: состояние, проблемы и векторы совершенствования // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2023. Т. 29. № 1. С. 117–135.
14. Селезнева А.В. Гражданственность старшеклассников как политико-психологический феномен: концептуальный анализ / Под общ. ред. А.В. Селезневой // Гражданственность российских старшеклассников: взгляд молодых ученых. М. : Аквилон, 2020. 132 с.
15. Селезнева А.В. «Рождение гражданина»: Политико-психологический анализ гражданственности российских старшеклассников / А.В. Селезнева, А.А. Азарнова // Полис. Политические исследования. 2020. № 5.
16. Семенов И.Н. Тенденции развития психологии мышления, рефлексии и познавательной активности. М. : Моск. психол.-соц. ин-т; Воронеж : МОДЭК, 2000.
17. Семенов И.Н. Рефлексивная психология и педагогика творческого мышления / И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов. Запорожье : ЗГУ, 1992.
18. Степин В.С. Конструктивные основания научной картины мира / В.С. Степин; Отв. ред. В.А. Лекторский // Конструктивизм в теории познания. М. : ИФ РАН, 2008.
19. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года.
20. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 19.12.2023) «Об образовании в Российской Федерации».
21. Чудинов А.П. Очерки по современной политической метафорологии : монография / А.П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2013. 176 с.
22. Gergen Kenneth J. Therapy as social construction / J. Gergen Kenneth, McNamee Sheila. 1992. SAGE Publications, Incorporated.
23. Jervis R. System Effects: Complexity in Political and Social Life. Princeton University Press, 1997.
24. Ratigan B. Inner world, outer world Exploring the tension of race, sexual orientation and class and the internal world. Psychodynamic Counselling. 1995. № 1(2). P. 173–186.
25. Samuels A. The Political Psyche. London : Routledge, 1993.
26. Spinelli E. Demystifying Therapy, Constable. 1994.
27. Van Deurzen E. Psychotherapy: A Profession for Troubled Times 1995, British Journal of Psychotherapy,
28. Williams D.C. Principles for facilitating agency in psychotherapy / D.C. Williams, H.M. Levitt // Psychotherapy Re-search. 2007. № 17(1). P. 66–82.

References:

1. Anolli L. Psychology of culture. Kharkiv : Humanitarian Center, 2016. 480 p.
2. Bakhtin M.M. Aesthetics of verbal creativity. 2nd ed. M. : Iskusstvo, 1986. 444 p.
3. Bibler V.S. Thinking as creativity. Introduction to the logic of thought dialogue. M. : Politizdat, 1975. 399 p.

4. Buber M. Me and You // Two images of faith. M. : AST Publishing House, 1999. P. 24–121.
5. Davydova G.I. Information and analytical technologies in university educational practice : monograph. M. : RID-VLADI, 2008. 135 p.
6. Davydova G.I. Theory of creative orientation of personality in the Republic of Belarus. M. : RID-VLADI, 2016. 230 p.
7. Davydova G.I. Personality formation in theory and practice of the reflexive-dialogic approach : monograph / G.I. Davydova, S.I. Samygin. M. : RUSAINS, 2020. 220 p.
8. Lektorskiy V.A. Constructivism and realism in epistemology // Philosophical Sciences. 2008. № 3. P. 5–9.
9. Nepomnyashchaya N.I. The formation of a child aged 6–7. M. : Pedagogika, 1992. 160 p.
10. Passport of scientific specialty 5.3.5. «Social psychology, political and economic psychology».
11. Patyukova R.V. Public communication in the discourse of the American political elite. Krasnodar, 2009. P. 369–402.
12. Rubinstein S.L. Man and the world. M., 1973.
13. Samsonova T.N. The practice of political socialization in modern Russian schools: status, problems and vectors of improvement // Bulletin of the Moscow University. Series 18: Sociology and Political Science. 2023. Vol. 29. № 1. P. 117–135.
14. Selezneva A.V. Citizenship of high school students as a political and psychological phenomenon: a conceptual analysis / A.V. Selezneva; Under the general editorship of A.V. Selezneva // Citizenship of Russian high school students: a view of young scientists. M. : Aquilon, 2020. 132 p.
15. Selezneva A.V. «The birth of a citizen»: A political and psychological analysis of the citizenship of Russian high school students / A.V. Selezneva, A.A. Azarnova // The policy. Political research. 2020. № 5.
16. Semenov I.N. Trends in the development of psychology of thinking, reflection and cognitive activity. M. : Mosk. psychological and social in-t; Voronezh : MODEK, 2000.
17. Semenov I.N. Reflexive psychology and pedagogy of creative thinking / I.N. Semenov, S.Y. Stepanov. M. : ZSU, 1992.
18. Stepin V.S. Constructive foundations of the scientific picture of the world / V.S. Stepin; Ed. by V.A. Lektorsky // Constructivism in the theory of cognition. M. : IF RAS, 2008.
19. Strategy for the development of education in the Russian Federation for the period up to 2025.
20. Federal Law № 273-ZZ of December 29, 2012 (as amended on December 19, 2023) «On Education in the Russian Federation».
21. Chudinov A.P. Essays on modern political metaphorology : monograph / Ural State Pedagogical University. un-T. Yekaterinburg, 2013. 176 p.
22. Gergen Kenneth J. Therapy as social construction / J. Gergen Kenneth, McNamee Sheila. 1992. SAGE Publications, Incorporated.
23. Jervis R. System Effects: Complexity in Political and Social Life. Princeton University Press, 1997.
24. Ratigan B. Inner world, outer world Exploring the tension of race, sexual orientation and class and the internal world. Psychodynamic Counselling. 1995. № 1(2). P. 173–186.
25. Samuels A. The Political Psyche. London : Routledge, 1993.
26. Spinelli E. Demystifying Therapy, Constable. 1994.
27. Van Deurzen E. Psychotherapy: A Profession for Troubled Times 1995, British Journal of Psychotherapy,
28. Williams D.C. Principles for facilitating agency in psychotherapy / D.C. Williams, H.M. Levitt // Psychotherapy Re-research. 2007. № 17(1). P. 66–82.

Информация об авторах

Давыдова Галина Ивановна

доктор педагогических наук,
кандидат психологических наук,
доцент,
профессор кафедры прикладной психологии
и развития личности,
Херсонский государственный
педагогический университет
ORCID: 0000-0001-8754-9802
galynadavydova@yandex.ru

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук,
профессор кафедры финансового
и HR мереджмента,
Ростовский государственный
экономический университет
samygin78@yandex.ru

Galina I. Davydova

Doctor of Pedagogical Sciences,
Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor,
Professor of the Department
of Applied Psychology and Personality Development,
Kherson State Pedagogical University
ORCID: 0000-0001-8754-9802
galynadavydova@yandex.ru

Sergey I. Samygin

Doctor of Sociology,
Professor of the Department
of Financial and HR Management,
Rostov State University of Economics
samygin78@yandex.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 25.08.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 10.09.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-2-10>

УДК 37.01

Attribution

cc by

О СОСТОЯНИИ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХ ШКОЛ В ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ ЕПАРХИИ В ЦЕЛОМ И РОСТОВСКОМ УЕЗДЕ, В ЧАСТНОСТИ (1882–1915 гг.)

Лядов В.В.¹, Петренко А.В.², Самыгин С.И.³

¹Лицей классического элитарного образования,

²Ростовский государственный медицинский университет,

³Ростовский государственный экономический университет

Аннотация. Статья посвящена исследованию развития сети церковно-приходских школ в Екатеринославской епархии Русской Православной Церкви в период с 1882 по 1915 годы. На основе анализа отчетов Екатеринославского епархиального училищного совета и публикаций в «Екатеринославских епархиальных ведомостях» прослежена динамика роста количества учебных заведений как в епархии в целом, так и в Ростовском уезде в частности. Авторы приходят к выводу о том, что активное создание церковно-приходских школ было частью общероссийского консервативного поворота в политике народного просвещения эпохи Александра III, направленного на усиление роли Церкви в образовании и воспитании нравственности у учащихся. В работе подробно рассматривается идеологическая и организационная работа епархиального руководства по мотивации духовенства, а также анализируются основные проблемы, замедлявшие анализируемый процесс, ключевой из которых была хроническая нехватка финансовых средств, ложившаяся на местные приходы и население.

Ключевые слова: Екатеринославская епархия, церковно-приходские школы, народное образование, Русская Православная Церковь, образовательная политика, Александр III, история образования.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

ON THE STATE OF PARISH SCHOOLS IN THE EKATERINOSLAV DIOCESE IN GENERAL AND IN THE ROSTOV DISTRICT IN PARTICULAR (1882–1915)

Vladimir V. Lyadov¹, Alexander V. Petrenko², Sergey I. Samygin³

¹Lyceum of Classical Elite Education,

²Rostov State Medical University,

³Rostov State University of Economics

Abstract. The article is devoted to the study of the development of the network of parish schools in the Ekaterinoslav diocese of the Russian Orthodox Church in the period from 1882 to 1915. Based on the analysis of the reports of the Ekaterinoslav diocesan school council and publications in the «Ekaterinoslav Diocesan Gazette», the dynamics of the growth of the number of educational institutions both in the diocese as a whole and in the Rostov district in particular are traced. The author comes to the conclusion that the active creation of parish schools was part of the all-Russian conservative turn in the policy of public education of the era of Alexander III, aimed at strengthening the role of the Church in the education and moral upbringing of students. The work examines in detail the ideological and organizational work of the diocesan leadership to motivate the clergy, and also analyzes the main problems that slowed down the analyzed process, the key one of which was the chronic lack of financial resources, which fell on local parishes and the population.

Keywords: Ekaterinoslav diocese, parochial schools, public education, Russian Orthodox Church, educational policy, Alexander III, history of education.

Funding: Independent work.

Введение.

Екатеринославская епархия Русской Православной Церкви была учреждена «...9 сентября 1775 г. в составе новооткрытых тогда губерний Новороссийской и Азовской» [22]. В течение XVIII и XIX веков, в связи с изменениями в административном устройстве Российской Империи, размеры епархии неоднократно изменялись. Равным образом перемещалась и её кафедра. В рассматриваемый период времени она называлась Екатеринославской и Таганрогской епархией и включала в себя, в том числе город Ростов-на-Дону. К началу рассматриваемого периода «Ростов и Таганрог с уездами относились к Екатеринославской епархии, в составе которой они также образовывали викариатство» [1, с. 75].

В епархии активно развивалось начальное образование, возникали новые церковно-приходские школы. Духовенство епархии принимало в их деятельности активное участие. Интерес представляет динамика изменения количества школ и влияние на этот процесс институционализации и нормативной регламентации их деятельности.

Анализ количественных показателей позволит сделать вывод о развитии начального образования в Ростове-на-Дону и степени участия в этой деятельности духовенства.

Обсуждение. Результаты.

В 1882 году в периодической церковной печати – Екатеринославских епархиальных ведомостях – стали появляться упоминания о необходимости реорганизации школ. Так, в № 12 за 1882 год в названном источнике публикуется перепечатанная из Киевских Епархиальных Ведомостей статья «Новый взгляд на задачи народной школы». В статье отмечается, что прежние (т.е. появившиеся ещё в 60-е гг. XIX века) церковные школы обладали одним существенным недостатком – «...народная школа несправедливо оставила без внимания требования русской народной жизни, оторвалась от народной почвы, разорвала всякую связь с старою народной школою» [6, с. 201], что привело к отрыву школы от Церкви и православной веры.

В статье обосновывалась необходимость более тесного единства народного образования и Церкви, обязательный учёт религиозных чувств православного населения, в особенности – его низших слоёв, которым и предназначались соответствующие школы. Обосновывается мысль, что начальное народное образование может дать должным образом только школа церковно-приходская.

В № 18 Екатеринославских Епархиальных Ведомостей за 1882 год в разделе «Разные известия и заметки» отмечается, что «...предоставление сельских школ духовенству есть самое простое, естественное и правильное разрешение задачи начального народного образования» [24, с. 338]. При этом, учитывая многочисленность

церквей в России и общее количество состоящих при них священнослужителей, «...правительство может сразу открыть десятки тысяч народных школ и поставить над ними десятки тысяч вполне готовых учителей...» [24, с. 338].

В № 19 за 1882 год приводятся фрагменты наставления архиепископа Вятского Аполлоса, в которых обосновывается необходимость пастырского участия в деле народного образования. Он призывает пастырей заботиться о просвещении детей: «Вот ныне не мало детей обучается в сельских школах ...: это для пастыря прекрасные проводники в семью христианского света и жизни» [25, с. 356].

В статье «Положение вопроса о церковно-приходских школах», опубликованной в № 24 за 1882 год, отмечается необходимость более активного привлечения духовенства к делу народного образования, поскольку «церковно-приходских школ насчитывается в настоящее время свыше 4000; ожидается же на будущее учреждение таких школ и при тех церквях, особенно сельских, при которых до сих пор не было» [21, с. 439].

В № 1 за 1883 год епархиальные ведомости публикуют «слухи» о том, что все существующие начальные школы планируется преобразовать в церковно-приходские, а во главе губернских училищных советов – поставить духовных лиц, инспекторов народных училищ – заменить священниками-наблюдателями, «...или, по крайней мере, ... предоставить министерству народного просвещения в число инспекторов народных школ назначать и священников» [7, с. 11].

Приведённые выше фрагменты публикаций периодической печати показывают, что в Екатеринославской епархии заботы об устройстве новых церковно-приходских школ с 1882 года были приняты Церковью довольно серьёзно. Епархиальные власти последовательно подготавливали духовенство и грамотное население к реформе начального образования. Во всяком случае, на это указывает целая серия публикаций на страницах епархиальных ведомостей в 1882–1883 годах, при том что в предшествующие годы (с 1872 г.) сколько-нибудь объёмных статей, посвящённых церковно-приходским школам на страницах журнала практически не было. Исключение составляют № 14 и 15 за 1874 г., в которых были опубликованы тексты «Положения о начальных народных училищах» 1864 и 1874 гг. соответственно.

Можно отметить также и нарастание консервативных настроений в отношении Церкви к делу народного просвещения. Отмечается, что только Церковь может сформировать нравственный облик ученика, а забота об этом – едва ли не более важное, нежели обучение, дело. В № 21 ведомостей за 1884 г. публикуется «Мнение крестьянина о народном образовании», в котором отражается необходимость воспитания и образования детей на основе веры Христовой, бла-

гочестия и православной нравственности, поскольку «грамотность без религиозно-нравственного воспитания ведет, особенно простой народ, более к погибели, нежели к пользе» [5, с. 416].

Вероятно, такие настроения отражают политику центральной власти, в которой с приходом Александра III намечается явно консервативный уклон. Это подтверждает и тот факт, что «Его Величеству благоугодно было на всеподданнейшей записке Обер-Прокурора Святейшего Синода по этому предмету <правилах 1884 г.> собственноручно начертать: «Надеюсь, что приходское духовенство окажется достойным своего высокого призвания в этом важном деле» [24, с. 321]. В цитируемом документе при этом отмечается необходимость увеличивать число церковно-приходских школ.

Наконец, интерес представляют и мысли о том, что необходимо сильно, в разы, а то и в десятки раз, увеличить число церковно-приходских школ как в стране в целом, так и в епархии в частности. Об этом свидетельствуют и награждения особо отличившихся законоучителей-священников и причта приходов, активно занимавшихся народным образованием и организацией церковно-приходских школ.

Так, № 5 за 1883 год было преподано благословение восьмерым законоучителям за «добросовестность исполнения законоучительских обязанностей при начальных народных училищах и усердии вообще к делу народного образования» [10, с. 70–71].

В № 7 за 1883 год отмечается, что 20 марта 1883 года Его Преосвященство объявляет благодарность и преподносит благословение со внесением в формулярный список законоучителю священнику Гординскому [9, с. 105–107]. В Ростовском уезде благодарность была объявлена причту Николаевской церкви села Николаевки «за примерное усердие к делу открытия церковно-приходской школы», о чём есть публикация в епархиальных ведомостях в № 4 за 1884 год [27, с. 64].

Поощрения, объявляемые публично, вероятно, должны были ещё более утвердить в них мысль о первоочередности развития народного образования в епархии и способствовать росту числа новых церковно-приходских школ. Косвенно эту мысль подтверждают № 8 и 10 епархиальных ведомостей за 1884 год: в № 8 публикуется рапорт об открытии новых церковно-приходских школ в Новомосковском уезде [28, с. 129–130], а в № 10 – соответствующая благодарность причтам приходов [29, с. 160].

Начиная с 1884 года, в Екатеринославской епархии началась реорганизация и создание новых церковно-приходских школ в соответствии с новыми «Правилами о церковно-приходских школах». В Екатеринославских епархиальных ведомостях за № 16 от 1884 года отмечается, что «...в 1883 году на скудные средства некоторых приходов и отчасти местного духовенства от-

крыто 6 церковно-приходских школ; ... общества 36 селений обязались дать достаточные средства на первоначальное обустройство церковно-приходских школ ... общества прихожан 72 селений хотя и заявили желание иметь у себя церковно-приходские школы, но по крайней своей бедности ... положительно отказались от участия в этом деле» [26]. Появляются публикации о том, что новые «Правила» 1884 г. постепенно вводятся в действие. Основной проблемой в деле распространения народного образования становится нехватка средств, что, однако, не изменяет пожеланий епархиального начальства развивать эту сферу.

30 июля 1884 года был создан Екатеринославский епархиальный училищный совет «...для успешного открытия в Екатеринославской епархии церковно-приходских школ во многолюдных деревнях и в тех селах, где не имеется ни земских, ни министерских училищ, и для возможно лучшего благоустройства их...» [23, с. 274–275], который в рамках своей деятельности должен был способствовать распространению народного просвещения и контролировал качество образовательного процесса [3, с. 123].

О своей деятельности училищные советы регулярно публиковали отчёты. Не был исключением и Екатеринославский училищный совет. В рамках проведенного исследования удалось обнаружить соответствующие отчёты за период начиная с 1895 года, т.е. спустя 10 лет после начала развития новых церковно-приходских школ в епархии.

Согласно отчёту за 1895–1896 год, на территории Екатеринославской епархии в отчётный период было 289 одноклассных церковно-приходских школ [11, с. 4]. В следующем 1897 году число церковно-приходских школ изменилось – их было 317 [12, с. 9]. В 1900 году в епархии было уже 352 церковно-приходские школы. В 1901 году – 366 школ [13, с. 12]. В 1902–1903 учебном году школ было 388 [14, с. 10]. В 1903–1904 учебном году число школ снова возросло – до 398 [15, с. 10].

В 1908–1909 учебном году отчёт не содержит сведений о полном количестве одноклассных церковно-приходских школ, однако отмечается, что «...к числу одноклассных причислены 87 школ грамоты, преобразованных, из коих 73 школы преобразованы, как включенные в школьную сеть, и 14 преобразованы по инициативе Отделений, как вполне отвечающие требованиям школ одноклассных. Одновременно с тем 8 школ закрыто...» [16, с. 12]. В 1909–1910 учебном году в епархии существует уже 529 церковно-приходских школ [17, с. 9]. В 1910–1911 учебном году число школ увеличивается; всего существует 540 церковно-приходских школ [17, с. 9]. В 1911–1912 учебном году школ становится 564 [18, с. 8]. В 1913–1914 учебном году существует 575 одноклассных церковно-приходских школ [19, с. 10]. В 1914–1915 учебном году их было 587 [20, с. 4].

Представим полученные сведения в виде графика:

График 1

Число одноклассных церковно-приходских школ в Екатеринославской епархии в 1895–1915 годах

Как видно из графика, в среднем, каждый учебный год в епархии открывалось 13–15 новых церковно-приходских школ. При этом с 1909–1910 учебного года темпы открытия новых школ несколько снизились. В 1915 году, в связи с войной, в периодической печати высказываются сожаления о сокращении средств и приостановлении открытия новых церковных школ при сохранении тенденции к росту числа лиц, желающих в них обучаться. Это приводит к тому, что «...народная жажда просвещения останется на долгое время неудовлетворённой» [2, с. 962]. Приведённые в источнике рассуждения, однако, отражают сохранение тенденции к росту популярности образования.

Эти же источники содержат и сведения о числе церковно-приходских школ в Ростовском уезде. В 1895–1896 году в Ростовском уезде было 27 церковно-приходских школ, которые ещё не разделялись на одноклассные и двухклассные – все школы были одноклассными. При этом 13 из 27 школ были открыты в этом учебном году [11, с. 6–7]. В 1897 году в уезде уже 33 церковно-приходских школы [12, с. 9]. В этом же году была открыта первая второклассная школа – в селе Васильево-Петровском (сейчас относится к Азовскому району Ростовской области).

В 1900 году число школ уменьшилось; в ростовском округе существовало 29 таковых [13, с. 12]; это количество сохраняется и в 1901 году. В 1903–1904 учебном году в Ростове-на-Дону существует единственная двухклассная школа; общее количество церковно-приходских школ епархиальным наблюдателем не сообщается [15, с. 10]. В 1908–1909 в Ростовском уезде сохраняется единственная второклассная церковно-приходская школа [16, с. 12]. По данным отчёта существует не менее 35 церковно-приходских школ, посещённых Ростовским наблюдателем [16, с. 51]. Учитывая, что одна из них – это школа двухклассная, одноклассных школ в уезде было 34. В следующем отчётном периоде (1910–1911 гг.) количество церковно-приходских школ сохраняется – одна второклассная и 34 одноклассных [17, с. 9]. Аналогичная ситуация и в 1911–1912 учебном году [18, с. 8]. В 1913–1914 учебном году было открыто ещё две одноклассных церковно-приходских школы; их общее количество выросло до 36 (37, считая со второклассной школой) [19, с. 10]. В 1914–1915 году число одноклассных школ вновь увеличивается (путём преобразования в церковно-приходские школы четырёх школ грамоты) и возрастает до 40 [20, с. 10].

График 2

Число одноклассных церковно-приходских школ в городе Ростовском-на-Дону уезде в 1895–1915 годах

Приведённый график показывает, что с 1895 по 1915 годы число церковно-приходских школ в Ростовском-на-Дону уезде увеличилось с 25 до 40. Таким образом, к началу XX в. количество школ сперва даже сокращается. Более низкие (в сравнении со средними по епархии) темпы открытия церковно-приходских школ связаны, вероятно, с динамикой изменения количества приходов Русской Православной Церкви. При этом темпы роста населения города были довольно высоки: в 1897 году – 116282 чел., в 1900 – 121283 чел., в 1905 – 132578 чел., в 1910 – 170902 чел., в 1913 – 204875 чел. [4] Они несколько опережали темпы открытия новых церковно-приходских школ.

Заключение.

За 33 года, начиная с 1882 г., общее количество церковно-приходских школ в Екатеринославской епархии удвоилось. Изменения, происходившие в епархии, были не локальной инициативой, а частью общероссийского консервативного поворота эпохи Александра III. Епархиальное руко-

водство вело систематическую идеологическую работу, направленную на формирование позитивного отношения к начальному образованию, повышение степени вовлечённости в процесс его получения всё большего количества населения. Епархиальная власть эффективно использовала механизмы мотивации педагогического состава и духовенства: существовало публичное объявление благодарностей, благословений и внесение записей в формулярные списки для священников, активно открывавших школы. Данные по г. Ростову-на-Дону свидетельствуют о том, что общероссийская политика могла иметь разную эффективность на местах в зависимости от местных условий (вероятно, экономических, демографических и организационных). Основной проблемой, тормозившей повсеместное открытие школ, была нехватка средств, а не отсутствие желания. Многие сельские общества хотели открыть школы, но были слишком бедны для этого. Это указывает на ограниченность модели, опиравшейся на местные средства и пожертвования.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть представлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Бирюкова Ю.А. Административно-территориальная реформа южных епархий России в период Гражданской войны / Ю.А. Бирюкова, Н.В. Кияшко // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История РПЦ. 2018. № 85.
2. Екатеринославские Епархиальные Ведомости // Братство св. Владимира при Духовной семинарии – Екатеринослав, 1915. 21 декабря 1915 г. № 36.
3. Лядов В.В. Некоторые проблемы организации образовательной деятельности церковно-приходских школ и школ грамоты Черкасского отделения Донского епархиального училищного совета в конце XIX в. / В.В. Лядов, А.В. Петренко, С.И. Самыгин // Наука. Образование. Современность. 2025. № 1.
4. Мартиросова М.Б. Ростов-на-Дону сто лет назад: население // Донской временник. Год 2014-й. URL : http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m1/23/art.aspx?art_id=1290 (дата обращения 11.09.2025).
5. Мнение крестьянина о народном образовании // Екатеринославские Епархиальные Ведомости. Отдел неофициальный. 1884. № 21.
6. Новый взгляд на задачи народной школы. // Екатеринославские Епархиальные Ведомости. Отдел неофициальный. 1882. № 12.
7. О церковно-приходских школах // Екатеринославские Епархиальные Ведомости. Отдел неофициальный. 1883. № 1.
8. Об отношении общей учебной администрации к церковно-приходским школам (циркуляр министра народного просвещения к попечителям учебных округов, 24 числа июля 1884 года № 10370) // Екатеринославские Епархиальные Ведомости. Отдел официальный. 1884. № 18.
9. Отношение Верхнеднепровского уездного училищного Совета от 17-го марта 1883 года за № 30, на имя Его Преосвященства, Преосвященнейшего Феодосия, Епископа Екатеринославского и Таганрогского // Екатеринославские Епархиальные Ведомости. Отдел официальный. 1883. № 7.
10. Отношение директора народных училищ Екатеринославской губернии от 27 января 1883 года за № 98, на имя Его Преосвященства, Преосвященнейшего Феодосия, Епископа Екатеринославского и Таганрогского // Екатеринославские Епархиальные Ведомости. Отдел официальный. 1883. № 1.
11. Отчёт Екатеринославского епархиального училищного совета о состоянии школ церковно-приходских и грамоты в Екатеринославской епархии за 1895/6 учебный год. Екатеринослав: Высочайше утверждённое Товарищество «Печатня С.И. Яковлева», 1897.

12. Отчёт о школах церковно-приходских и грамоты в Екатеринославской епархии за 1897 гражданский год. Екатеринослав : Товарищество «Печатня С.И. Яковлева», 1898.
13. Отчёт епархиального училищного совета о состоянии школ церковно-приходских и грамоты в Екатеринославской епархии за 1901 гражданский год. Екатеринослав : Типография Братства Св. Владимира, 1902.
14. Отчет Екатеринославского епархиального наблюдателя церковных школ за 1902–1903 учебный год. Екатеринослав : Типография Братства Св. Владимира, 1904.
15. Отчёт Екатеринославского епархиального наблюдателя церковных школ за 1903–1904 учебный год. Екатеринослав : Типография Братства Св. Владимира, 1905.
16. Отчёт о состоянии церковных школ Екатеринославской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1908–1909 уч. год. Екатеринослав: Типография С.И. Барановского, 1910.
17. Отчёт о состоянии церковных школ Екатеринославской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1910–1911 учебный год. Екатеринослав : Типография С.И. Барановского, 1911.
18. Отчёт о состоянии церковных школ Екатеринославской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1911–1912 учебный год. Екатеринослав : Типография бывш. «Дитятковского Т-ва», 1912.
19. Отчёт о состоянии церковных школ Екатеринославской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1913–1914 учебный год. Екатеринослав : Типография б. Братства Св. Владимира, 1914.
20. Отчёт о состоянии церковных школ Екатеринославской епархии за 1914–1915 учебный год. Екатеринослав : Типография б. Братства Св. Владимира, 1914.
21. Положение вопроса о церковно-приходских школах // Екатеринославские Епархиальные Ведомости. Отдел неофициальный. 1882. № 24.
22. Православная богословская энциклопедия или Богословский энциклопедический словарь : в 12 т. Т. 5: Донская епархия – Ифика / Под ред. проф. А.П. Лопухина. Петроград : Т-во А.П. Лопухина, 1900–1911. 1904.
23. Предложение Его Преосвященства от 30 июля 1844 г. за № 3323, данное Екатеринославской Духовной Консistorии // Екатеринославские Епархиальные Ведомости. Отдел официальный. 1884. № 16.
24. Разные известия и заметки // Екатеринославские Епархиальные Ведомости. Отдел неофициальный. 1882. № 18.
25. Разные известия и заметки // Екатеринославские Епархиальные Ведомости. Отдел неофициальный. 1882. № 19.
26. Распоряжения Екатеринославского епархиального начальства о церковно-приходских школах // Екатеринославские Епархиальные Ведомости. Отдел официальный. 1884. № 16.
27. Распоряжения епархиального начальства (к сведению) // Екатеринославские Епархиальные Ведомости. Отдел официальный. 1884. № 4.
28. Распоряжения епархиального начальства (к сведению) // Екатеринославские Епархиальные Ведомости. Отдел официальный. 1884. № 8.
29. Распоряжения епархиального начальства (к сведению) // Екатеринославские Епархиальные Ведомости. Отдел официальный. 1884. № 10.

References:

1. Biryukova Yu.A. Administrative and Territorial Reform of the Southern Dioceses of Russia during the Civil War / Yu.A. Biryukova, N.V. Kiyashko // Vestnik PSTGU. Series 2: History. History of the Russian Orthodox Church. 2018. № 85.
2. Ekaterinoslav Diocesan Gazette // Brotherhood of St. Vladimir at the Theological Seminary. Ekaterinoslav, 1915. December 21. 1915. № 36.
3. Lyadov V.V. Some Problems of Organizing Educational Activities of Parish Schools and Literacy Schools of the Cherkassk Department of the Don Diocesan Educational Council at the End of the 19th Century / V.V. Lyadov, A.V. Petrenko, S.I. Samygin // Science. Education. Modernity. 2025. № 1.
4. Martirosova M.B. Rostov-on-Don One Hundred Years Ago: Population // Don Vremennik. Year 2014. URL : http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m1/23/art.aspx?art_id=1290 (date of application 11.09.2025).
5. Peasant's Opinion on Public Education // Ekaterinoslavskie Yeparkhialnye Vedomosti. Unofficial Section. – 1884. № 21.
6. A new view on the tasks of the people's school // Ekaterinoslavskie Yeparkhialnye Vedomosti. Department of the unofficial. 1882. № 12.
7. On parish schools // Ekaterinoslavskie Yeparkhialnye Vedomosti. Department of the unofficial. 1883. № 1.
8. On the attitude of the general educational administration towards parish schools (circular of the Minister of Public Education to the trustees of educational districts, dated July 24, 1884, № 10370) // Ekaterinoslav Diocesan Gazette. Official Department. 1884. № 18.
9. The relation of the Verkhnedneprovsky district school board dated March 17, 1883, № 30, addressed to His Eminence, His Grace Theodosius, Bishop of Yekaterinoslav and Taganrog // Yekaterinoslav Diocesan Gazette. Official Department. 1883. № 7.
10. The attitude of the director of public schools of the Ekaterinoslav province dated January 27, 1883, № 98, addressed to His Eminence, His Grace Theodosius, Bishop of Ekaterinoslav and Taganrog // Ekaterinoslav Diocesan Gazette. Official Department. 1883. № 1.

11. Report of the Yekaterinoslav Diocesan College Council on the state of parish schools and literacy in the Yekaterinoslav Diocese for the academic year 1895/6. Yekaterinoslav : The highly approved S.I. Yakovlev Printing Company, 1897.
12. Report on the parish school and literacy in the Yekaterinoslav Diocese for the civil year 1897. Yekaterinoslav : Partnership «S.I. Yakovlev's Printing House», 1898.
13. Report of the diocesan College Council on the state of parish schools and literacy in the Yekaterinoslav diocese for the civil year 1901. Yekaterinoslav : Printing House of the Brotherhood of St. Vladimir, 1902.
14. Report of the Yekaterinoslav Diocesan Observer of Church schools for the academic year 1902–1903. Yekaterinoslav : Printing House St. Vladimir's Fraternity, 1904.
15. Report of the Yekaterinoslav diocesan observer of church schools for the 1903–1904 academic year. Yekaterinoslav : Printing house of the Brotherhood of St. Vladimir, 1905.
16. Report on the state of church schools of the Yekaterinoslav diocese in educational terms for the 1908–1909 academic year. Yekaterinoslav : Printing house of S.I. Baranovsky, 1910.
17. Report on the state of church schools The Yekaterinoslav Diocese in educational terms for the academic year 1910–1911. Yekaterinoslav : Printing House of S.I. Baranovsky, 1911.
18. Report on the state of the church schools of the Yekaterinoslav diocese in the educational and training aspect for the 1911–1912 academic year. Yekaterinoslav : Printing House of the former «Dityatkovsky T-va», 1912.
19. Report on the state of the church schools of the Ekaterinoslav diocese in educational terms for the 1913–1914 academic year. Ekaterinoslav : Printing House of the former Brotherhood of St. Vladimir, 1914.
20. Report on the state of the church schools of the Ekaterinoslav diocese for the 1914–1915 academic year. Yekaterinoslav : Printing House of the Brotherhood of St. Vladimir, 1914.
21. The Status of Parish Schools // Yekaterinoslav Diocesan Gazette. Unofficial Section. 1882. № 24.
22. Orthodox Theological Encyclopedia or Theological Encyclopedic Dictionary : in 12 vol. Volume 5: Don Diocese – Iphica / Edited by Professor A.P. Lopukhin. Petrograd : A.P. Lopukhin's Printing House, 1900–1911. 1904.
23. His Eminence's proposal dated July 30, 1844, № 3323, submitted to the Ekaterinoslav Ecclesiastical Consistory // Ekaterinoslav Diocesan Gazette. Official Section. 1884. № 16.
24. Various news and notes // Ekaterinoslavskie Yeparkhialnye Vedomosti. Department of the Unofficial. 1882. № 18.
25. Various news and notes // Ekaterinoslavskie Yeparkhialnye Vedomosti. Department of the Unofficial. 1882. № 19.
26. Orders of the Ekaterinoslav Diocesan Authority on Parish Schools // Ekaterinoslavskie Yeparkhialnye Vedomosti. Official Department. 1884. № 16.
27. Orders of the Diocesan Authority (for your information) // Ekaterinoslav Diocesan Gazette. Official Department. 1884. № 4.
28. Orders of the Diocesan Authority (for your information) // Ekaterinoslav Diocesan Gazette. Official Department. 1884. № 8.
29. Orders of the Diocesan Authority (for your information) // Ekaterinoslav Diocesan Gazette. Official Department. 1884. № 10

Информация об авторах

Лядов Владимир Владимирович

учитель обществознания частного
образовательного учреждения
«Лицей классического элитарного образования»
popov-52mail.ru

Петренко Александр Викторович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры медицинского права,
Ростовский государственный медицинский
университет Минздрава России
milena.555@mail.ru

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры финансового
и HR-менеджмента,
Ростовский государственный
экономический университет
samygin78_@yandex.ru

Vladimir V. Lyadov

Teacher of Social Studies,
Private Educational Institution
«Lyceum of Classical Elite Education»
popov-52mail.ru

Alexander V. Petrenko

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor
of the Department of Medical Law,
Rostov State Medical University
of the Ministry of Health of the Russian Federation
milena.555@mail.ru

Sergey I. Samygin

Doctor of Sociology,
Professor of the Department
of Financial and HR Management,
Rostov State University of Economics
samygin78_@yandex.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 25.08.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 08.09.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ. СОВРЕМЕННОСТЬ

Корректор: Попов М.Ю.

Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Дизайн обложки: Кручинова С.В.

Сдано в набор 23.09.2025

Подписано в печать 25.09.2025

Формат 60x84^{1/8}. Бумага типографская № 18

Печать riso. Уч.-изд. л. 5,24

Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.

Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 133

e-mail: id-yug@id-yug.com